

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лидия Чарская

1875—1937

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лидия Чарская

СИБИРОЧКА

**ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ
ГИМНАЗИСТКИ**

Повести

*Художники Е. Никитина,
М. Федоровская*

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2008

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Ч-22

Предисловие
И. СТРЕЛКОВОЙ

Чарская Л. А.

Ч-22 Сибирочка; Записки маленькой гимназистки : повести / Лидия Чарская ; [предисл. И. Стрелковой] ; худож. Е. Никитина, М. Федоровская. — М. : Дет. лит., 2008. — 330 с. : ил. — (Школьная библиотека).

ISBN 978-5-08-004389-5

В книгу Л. Чарской, самой популярной детской писательницы начала XX века, вошли две повести: «Сибирочка» и «Записки маленькой гимназистки».

В первой рассказывается о приключениях маленькой девочки, оставшейся без родителей в сибирской тайге.

Во второй речь идет о судьбе сироты, оказавшейся в семье богатых родственников и сумевшей своей добротой и чистосердечностью завоевать расположение окружающих.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-08-004389-5

© Стрелкова И., предисловие, 2004
© Никитина Е., рисунки, обложка, 2004
© Федоровская М., рисунки, 2004
© Оформление серии, составление.
Издательство «Детская литература», 2004

ТАЙНА ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

Взрослые нередко с недоумением спрашивают: почему дети с таким увлечением читают книги Лидии Чарской? А впервые этот вопрос возник примерно сто лет назад, когда никому доселе не известная писательница стала вдруг очень популярной среди гимназисток — и гимназистов тоже, хотя они это и скрывали, заявляя, что книги Лидии Чарской — только для глупых девочек.

В начале XX века повести Лидии Чарской обычно публиковались в детском журнале «Задушевное слово», а его выписывали во многих русских интеллигентных семьях. Кстати, своей популярностью журнал был в немалой степени обязан этой писательнице. Однако именно за сотрудничество с ней его стали бранить. В газетах печатались исполненные иронии критические статьи против Лидии Чарской. Ее ругали за неправдоподобных героев и преувеличенные переживания, неестественных героинь, вечно рыдающих и впадающих в истерику. Смешным и претенциозным выглядел, на взгляд критиков, литературный псевдоним «Чарская», взятый Лидией Алексеевной Чуриловой, актрисой петербургского Александринского театра.

Однако, несмотря на разъяснения умных взрослых, дети упрямо продолжали читать Лидию Чарскую. Правда, потом, взрослея, как-то внезапно утрачивали интерес к писательнице, еще недавно столь горячо любимой, и больше к ее книгам не возвращались.

Казалось бы, Чарскую могло ожидать забвение уже в первом десятилетии XX века, когда ее горячие поклонники подросли и, что вполне естественно, разочаровались в ней.

Но случилось непредвиденное...

Следующее поколение юных читателей тоже попадает под очарование Лидии Чарской. И после революции Чарскую не перестают читать. Советские школьники передавали из рук в руки комплекты «Задушевного слова» и книги с дореволюционным шрифтом. Их тоже что-то притягивало в старомодных переживаниях гимназисток и воспитанниц институтов благородных девиц, хотя вокруг шла уже совсем другая жизнь, про которую для детей были написаны новые увлекательные книги. Конечно, эти книги заняли главное место в тогдашнем детском чтении. И все же... Какой-то тайный уголок оставался в детских душах для Лидии Чарской.

Почему же все-таки не пропал интерес к ней? В чем ее тайна?

О Лидии Алексеевне Чуриловой, урожденной Вороновой, сохранилось немного сведений. Даты жизни пишутся приблизительно: родилась в 1875 или 1876 году, умерла в 1937 или 1938 году. Училась она в Павловском институте в Петербурге. В юности писала стихи, а все годы учения прилежно вела дневник, который потом ей пригодился в работе над книгами. Что же касается псевдонима «Чарская», то он был взят из «Египетских ночей» Пушкина, там главный герой носит эту фамилию.

Героини Лидии Чарской — девочки со стойкими характерами. В них угадывается женский идеал писательницы: сочетания мягкости и упорства, доверчивости и пронзительности, умения понять суть человека, разглядеть его добрую основу.

Одна из повестей нашей книги, «Записки маленькой гимназистки», — это история осиротевшей девочки, оказавшейся в доме богатых родственников и столкнувшейся с их презрением и недоброжелательством. К тому же Лена, несмотря на их возмущение, навещает семью простого железнодорожного кондуктора и даже приглашает его дочь Ньюру в дядюшкин дом на елку.

Отношение к бедным в книгах Лидии Чарской — главное мерило человеческого достоинства. И это действительно было в традициях дореволюционной русской интеллигенции. Обратите внимание, что в «Записках маленькой гимназистки» такие благородные качества проявляет юная графиня Анна Симолинь. Она и Лену берет в гимназии под защиту, и Ньюру обласкала, появившись очень вовремя на детском празднике в доме родственников Лены.

В своих произведениях Лидия Чарская учит детей составлять мнения о человеке по его душевным качествам, а не по тому, богат он или беден. Такие уроки стали особенно актуальными в наши дни.

Другое очень важное для Чарской качество — умение терпеть несправедливости и непреклонная вера в то, что рано или поздно злые силы потерпят поражение, а добро победит. Именно так складывается судьба маленькой гимназистки. Сначала на ее сторону переходит самый младший в дядюшкиной семье, Толя, потом исправляется горбунья Жюли, которая была злючкой только из-за своего уродства. В конце концов, когда Лена решает остаться у дядюшки и с благодарностью отказывается от предложения графини Анны, даже черствая тетя Нелли испытывает чувство раскаяния. «Я и не думала, что Елена такой чудный, благородный ребенок», — говорит тетя Нелли. Однако вот тут, где речь идет о взрослых людях, юные читатели могут и не поверить в столь стремительное перерождение.

Скорей всего, и в дальнейшем у Лены не обойдется без неприятностей. Но теперь появилась уверенность, что маленькая гимназистка не пропадет, выдержит лю-

бые испытания. Чарская неплохо знала своих читателей — все ее повести своей безыскусностью подталкивают их дофантазировать дальнейшие приключения полюбоившихся героев.

Вспоминая свои детские впечатления от «Записок маленькой гимназистки», поделюсь с современными читателями и таким наблюдением. Повести Лидии Чарской с первых страниц словно бы приглашают тебя к размышлению: а как бы ты поступила на месте Лены? Предлагают пойти, как Лена, первый раз в петербургскую гимназию, оказаться в окружении незнакомых девочек, подвергнуться насмешкам... В России многое переменялось за сто лет, прошедших после появления первых книг Лидии Чарской. Но так ли уж сильно переменялись за это время детские характеры, детские конфликты, школьные обычаи?

Ответ на эти вопросы, очевидно, смогут дать только современные читатели Лидии Чарской. Но вот смогут ли они вообразить себя на месте Шуры и Андруши из повести «Сибирочка»? Шуре, которую все зовут Сибирочкой, выпали на долю невероятные испытания. Но не правда ли, с самого начала, с того эпизода, как беспомощного младенца привязывают к дереву, чтобы спасти от волков, читатель догадывается, что девочка не погибнет, ее спасут. И потом, к примеру, при встречах Сибирочки с отпетым негодяем, по прозвищу Зуб, читателя не оставляет надежда на счастливый финал приключений героини. Ей и в самом деле достается счастье полной мерой. Однако не как выигрыш в лотерею. Свое счастье Сибирочка получает за стойкость, за верность друзьям, за доброту. Во всех книгах Лидии Чарской заметна воспитательная, нравоучительная цель.

Сама писательница в Сибири никогда не бывала и могла знать про тамошнюю жизнь только из книг. В ее повести «Сибирочка» отразилось сложившееся в России уважительное представление о сибиряках как о людях, закаленных суровым климатом, мужественных и трудолюбивых.

Но вот что было ново для первых читателей этой повести: в круг друзей и заступников Сибирочки Чарская включила и представителя одной из сибирских народностей — остяка Нымзу (остяками в прежнее время называли хантов, жителей нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа).

В Сибири — остяк Нымза, в Петербурге Сибирочке на помощь приходит в трудную минуту негритянка Элла, с которой девочка познакомилась в цирке. Вряд ли Лидия Чарская имела реальное представление о живущих в Сибири остяках или о неграх из цирка. Она стремилась показать русским детям, как надо по-доброму относиться к человеку другой национальности.

Как известно, русские дети всегда отличались особой любовью к чтению. И добавлю, *умели* читать, то есть умели извлекать из прочитанного что-то свое, им близкое и понятное. Современному юному читателю полезно будет знать, что в России первые журналы для детей начали выходить еще в XVIII веке. И великий Пушкин высоко оценивал творчество детской писательницы XIX века Александры Ишимовой, ее рассказы из русской истории. Уже тогда русская литературная критика не считала детскую книгу чем-то второстепенным. «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека», — утверждал В. Г. Белинский.

В русских образованных семьях имелись прекрасные домашние библиотеки, и дети с малых лет привыкали к самостоятельным поискам на книжных полках. В детском чтении в России, как правило, оказывались и специально изданные для ребят книги с картинками, и все богатство русской и мировой классики. Не редкость, что лет в 11—13 мальчики и девочки уже читали «Войну и мир» Льва Толстого... И несмотря на этот ранний читательский опыт, на эти широкие возможности самостоятельного выбора книг, Лидия Чарская была востребована.

Признаюсь, в детстве и я читала Чарскую, а позже смеялась над теми, кто ее читает. В том-то и дело, что эту писательницу надо читать очень и очень вовремя, в свой срок, не раньше и не позже. И поверьте, годы спустя вы, уже будучи взрослыми, станете вспоминать о Лидии Чарской с теплым благодарным чувством, хотя, быть может, не без некоторого смущения. Как это уже было проверено многими поколениями ее читателей.

Ирина Стрелкова

СИБИРОЧКА

Повесть

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Что было девять лет назад

— Волки! Волки! Спасайтесь! — Этот отчаянный крик вырвался из груди ямщика, сидевшего на козлах больших крытых саней и правившего парой быстрых лошадок.

И ямщик задергал вожжами, стараясь изо всех сил принудить коней бежать возможно скорее.

Была ночь, выл ветер, метелица плясала в лесу, наметая целые горы снега. Луна чуть светила сквозь эту движущуюся пелену.

Из саней высунулась голова господина, одетого в высокую соболью шапку и теплую шубу.

— Волки! — испуганно произнес он. — Где? Может быть, далеко? — И тотчас же с легким криком ужаса отпрянул назад в возок: несколько десятков огней с бешеной быстротой подвигались к саням.

Господин сразу догадался, что это были глаза волков. Они сверкали, как яркие фонари. Их было много-много.

Господин побледнел и дрожащим голосом обратился к сидящей подле него пожилой женщине, укутанной в теплые платки поверх широкой лисьей шубы:

— Няня! Опасность очень велика... — ронял он трепещущими губами. — На нас нападают волки... У меня нет оружия с собою, чтобы отбиваться от них... На спасенье надежды почти нет... Надо спасти, по крайней мере, ребенка... Во что бы то ни стало спасти! Не умирать же вместе с нами ни в чем не повинной крошке!.. Дайте мне мою дорожку!.. Я закутаю ее хорошенько и постараюсь как-нибудь укрыть ее от хищников... На коней надежды мало... Им не уйти от врага... Во всяком случае, мы поедем одни... Авось удастся нам добраться до какого-нибудь жилья... Но ребенка я не хочу подвергать этой опасности... Попытаюсь спасти его более верным способом...

Тут голос путника оборвался. Он схватил из рук рыдающей няньки закутанную в мех малюсенькую девочку и быстро выскочил из саней со своей легкой ношей. Близ дороги росло дерево. К нему-то и подошел путник с ребенком, сбросил с себя шубу, завернул в нее малютку, безмятежно спавшую крепким детским сном, снял широкий кожаный пояс, подпоясывавший его теплую оленью куртку, благословил, нежно поцеловал ребенка и привязал его к дереву при помощи ремня, который и обвил вокруг ствола дуба.

— Если мне суждено спастись, я вернусь с рассветом сюда за тобою, моя крошечка, — произнес он потрясенным голосом. — Если же я стану добычею хищных волков, добрые люди, проезжая утром по этой дороге, найдут и приютят тебя. Во всяком случае, до тебя волки не доберутся. Гос-

подь с тобою! Прощай, моя крошка! В руки Бога передаю тебя!

Спустя минуту он стоял уже опять у саней. Женщина, оставшаяся там, рыдала навзрыд и громко молилась. Ямщик сурово молчал. Кони бились и храпели, чуя смертельную опасность.

Все понимали отлично, и люди, и животные, что от волков им не было спасенья... А те между тем все приближались и приближались с горящими, как фонари, глазами, уже издали щелкая зубами, как бы предвкушая заранее победу над обреченными смерти людьми.

Лошади бросились было вперед, но снежные сугробы, метель и вихрь мешали их бегу. Пронзительно и страшно прозвучал над лесом протяжный волчий вой... Звери оцепили сани, подвигавшиеся убийственно медленно по наметенным сугробам снега, и вдруг ринулись всею стаею на коней...

* * *

Начинало уже светать, когда в лесу прогремел выстрел. За ним прозвучал другой, третий...

Это с десяток крестьян-охотников, услыша далеко за лесом волчий вой и крики погибающих, спешили к ним на помощь. Волки, почуя приближающихся к ним вооруженных людей, мгновенно разбежались.

Охотники поспешили к месту нападения и увидели ужасную картину. Обе лошади были съедены до костей. Ямщик и женщина со знаками жестоких укусов лежали мертвые на снегу. Немного поодаль, в стороне от них, находился со слабыми признаками жизни молодой человек в оленьей дорожной куртке и собольей шапке, съехавшей на лоб. Он тяжело дышал. Укусы волков не миновали несчастного. Из рук и ног путника

ручьём лилась кровь. Он был без чувств. Охотники подняли его и понесли к себе в поселок, который отстоял версты на две от проезжей лесной дороги.

Там они привели неизвестного в чувство, подкрепили его силы вином, обмыли и забинтовали его раны.

Когда незнакомец пришел в себя, его первыми словами было:

— Моя дочь... моя девочка... Она осталась в лесу... Я привязал ее к дереву у дороги, чтобы волки не могли ее достать... Ради всего святого, найдите ее, принесите сюда. Я богат и щедро награжу вас за это.

Охотники кинулись в лес, обыскали все лесные дороги и тропинки, но нигде не могли найти ребенка. Вместо него они принесли в поселок мертвых женщину и ямщика. Дитя же исчезло из леса бесследно.

Отец исчезнувшей девочки, узнав ужасную весть о том, что его девочки не нашли, впал опять в бесчувственное состояние...

* * *

— Надо от него узнать, кто он, и известить его родных, что он лежит у нас и опасно болен, — решили охотники.

Но больной не в состоянии был отвечать на вопросы. Он бредил, метался, говорил про свою исчезнувшую девочку, но, кто он, откуда и где его родственники, от него нельзя было добиться.

Тогда охотники стали искать в карманах его платья какой-либо записки. И вот в кармане дорожной куртки больного была найдена порядочная сумма денег, его паспорт, бумаги и несколько писем его друзей. Из бумаг охотники узнали, что это был очень богатый и знатный барин. Из некоторых писем выяснилось, что он овдовел не-

давно и ехал из Петербурга со своей маленькой дочкой и ее кормилицей-нянькой в Сибирь к одному пригласившему его другу. Адрес этого друга и письмо от него имелись в кармане больного, и этому-то другу и написали добрые люди о том, где и в каком положении находится его товарищ.

Друг приехал через несколько дней в поселок и ухаживал за больным товарищем с нежностью родного брата. Молодость и силы взяли свое, и больной поправился настолько, что мог уехать от приютивших его людей.

Он щедро наградил своих спасителей-охотников и, с растерзанным сердцем, обыскав предварительно все окрестные селения, надеясь найти дочь, уехал, оплакивая свою малютку, которую считал погибшей.

* * *

Малютка-девочка не погибла, однако. В то самое утро, когда охотники спасли ее отца, она проснулась и, не встретя любящего лица своей няни-кормилицы, начала громко и горько плакать.

Этот плач был услышан стариком птицеловом, который расставлял в лесу силки для птиц. Старик жил исключительно на деньги, выручаемые от продажи дичи, которую и ловил силками в лесах. Он был очень удивлен, услыша детский голос посреди леса, и еще более удивился, увидя прелестного белокурого крохотного ребенка, закутанного в дорогую шубу и подвешенного к дереву на ремне.

— Ах ты крошечка ненаглядная! Сам Господь, видно, тебя на моем пути посылает! — произнес старик и, осторожно отвязав ребенка, нежно поцеловал его.

Девочка, увидя доброе, ласковое лицо чужого человека, притихла и перестала плакать. Старик

стал нежно баюкать ее, и девочка вскоре опять заснула.

Старик птицелов был одинок. Его единственная дочь, с которой он проживал со смерти жены все последнее время в Сибири, вышла несколько лет тому назад замуж и уехала с мужем в Петербург. Скучно стало старику Михайлычу без дочери.

— Вот славно-то! Вторую дочку Господь мне послал. Только крошечку-то какую! — радовался Михайлыч и понес к себе свою живую находку.

В дальнем селении старый птицелов снимал маленькую избушку у зажиточного сибиряка-хозяина. Сюда-то он и принес малютку. О том, что у ребенка есть родители, которые его ищут, старик не думал. Он понял одно: что ребенка покинули, поручив его Богу и добрым людям. О нападении волков на путников он ничего не слышал, так как жил совсем в противоположной стороне от охотничьего поселка.

Придя домой, Михайлыч раскутал девочку, ища какой-нибудь записки, объясняющей ее таинственное появление в лесу. Но такой записки не находилось, и, кроме теплой дорогой мужской шубы, мехового пальтеца ребенка и красивого платья, свидетельствовавших о роскоши и богатстве, старик Михайлыч заметил лишь на шее девочки небольшой крестик на золотой цепочке. Короткая надпись на этом крестике гласила: «*Спаси, Господи, рабу твою Александру*». Таким образом Михайлыч узнал, как звали девочку. Но он сам прозвал ее иначе.

— Пускай уж ты Сибирочкой зваться будешь, — решил он, целуя ребенка, — потому, нашел я тебя в самой глуши Сибири. И буду я любить тебя, богоданная моя внучка Сибирочка, как родную, выращу тебя, научу грамоте и молитвам и не отдам никому-никому...

Боясь, чтобы от него не отняли его приемыша, Михайлыч в то же утро скрылся из поселка. В ближайшем городке он продал шубу, в которую был закутан ребенок, а на вырученные деньги уехал подальше, в самую глушь сибирских далеких губерний, и поселился в селении, где никто не знал ни его самого, ни его приемной внучки.

Часть I

В ГЛУШИ СИБИРИ

Глава I

Дедушка и внучка

— Холодно, дедушка, холодно!

И маленькая девочка лет девяти прижалась дрожащим худеньким тельцем к высокому тощему старику, строгавшему какие-то палочки.

На маленькой девочке были надеты ветхое платье и такое же пальтишко, и не пальтишко, вернее, а старый тулупчик, едва доходивший ей до колен. Из-под платка, надетого на голову, выбивались белокурые волосы девочки, вьющиеся крупными кольцами вокруг бледного худенького личика с большими ясными синими глазами.

— Холодно, дедушка, холодно! — еще раз проговорила девочка и еще теснее прижалась к деду.

Старик был очень худ и высок ростом. Желтая, как воск, кожа морщинилась на его высохшем лице. Выцветшие от старости глаза были тусклы. Какой-то убогий, порыжевший от времени полушубок покрывал его высохшее старческое тело. В небольшой тесной избе-чулане, где находились старик и девочка, было холодно, темно и неудобно. Единственное окошко, занесенное снегом, давало мало света. К тому же проказник мороз прихотливо разрисовал его узорами; окно все заледенело и вследствие этого еще менее пропускало света в чулан. Кроме черного стола и печки, которую Бог знает как давно не топили как следует, да охапки соломы, брошенной в угол и беспорядочно прикрытой каким-то тряпьем, в чулане ничего не было.

Дедушка и внучка сидели, тесно прижавшись друг к другу, дрожа от холода. Дедушка поминутно кашлял, хватаясь за грудь, и так тяжело дышал, что девочке иногда казалось, вот-вот он сейчас задохнется.

А за оконцем чулана между тем бушевал ветер и метелица кружила хлопья снега вдоль улицы небольшого селения.

У-у-у! — пронзительно завывал ветер.

У-у-у! — вторила ему зловецким голосом метель.

От этих страшных завываний дрожала крошечная темная избушка, дрожала белокурая девочка и, казалось, сильнее кашлял высокий худой старик.

— Дедушка! Если бы затопить печурку? — вдруг нерешительным, робким голосом осведомилась девочка.

— Хворосту больше нету, Сибирочка. Весь на-медни хворост-то вышел. И еда, и хворост... Больше ничего у нас нет.

И, говоря это, старик закашлялся так сильно, что девочке стало страшно за него. Потом он ближе, теснее прижал ребенка к себе и, расстегнув полушубок, прикрыл его полою своей теплой одежды. Минуты две оба молчали. Дедушка строгал свои палочки, девочка зябко куталась в полу его меховой одежды.

А холод делался все чувствительнее. Стужа делала свое дело, и в маленьком чуланчике почти невозможно было сидеть.

Дедушка давно понял это и решился действовать, несмотря на стужу и метель.

— Слушай, Сибирочка, я пойду в лес. Наберу хворосту, да, кстати, и силки посмотрю, не попался ли в них какой-нибудь шустрый зайчишка. Вот-то пир мы тогда зададим с тобою! А? — проговорил он, сияясь улыбнуться. — Ведь ты, чай, проголодалась, моя девчурка? Чай, кушать-то тебе хочется?

— Хочется, дедушка, — прошептала конфузливо девочка.

— Ну вот! Ну вот и отлично, — засуетился старик, — пойду в лес... Посмотрю силки... Найду в них зверька или птичку... И хворосту наберу... Печку затопим... Дичь зажарим... То-то будет славно, Сибирочка!

И, суетясь и покашливая, дедушка дрожащими руками снял с гвоздя какую-то рваную шубейку, нацепил ее на себя, накрыл голову старой бараньей шапкой и, перекрестив и поцеловав Сибирочку, открыл было дверь избушки или, вернее, своего чулана, стоявшего на самом краю поселка.

Метель, стужа и ветер — все это разом ворвалось с улицы в избушку. Сибирочка вздрогнула всем телом и от холода, и от страха. Ей почему-то особенно жутко было оставаться сегодня одной. Она соскочила со своего места, бросилась следом за стариком и, схватив его за руку, зашептала:

— Не оставляй меня одну, не оставляй, дедушка! Мне так страшно одной! Возьми меня с собою! — и все сильнее и сильнее сжимала пальцы дедушкиной руки.

— Да ведь замерзнешь в лесу, глупышка, — произнес старик, — ведь стужа-то, гляди, эн какая!

— Ничего, дедушка! Ничего, миленький! Я валенки надену и платок большой! — молила старика девочка.

Валенки и платок были единственным богатством Сибирочки.

Старик колебался немного. Очень уж холодно было на дворе. Но, встретивши жалобно-грустный взор синих глазенок, он махнул рукою и сказал:

— Ин, ладно, пойдем, большеглазая! Быть потвоему. Оденься платком только поладнее да валенки напяль.

Сибирочка даже подпрыгнула от радости. Спешно укутавшись, она за руку с дедом вышла из избушки.

Глава II

Под свист ветра и песнь метели. — Неожиданное горе

В избушке-чулане, оказалось, было куда темнее, нежели на улице. Короткий зимний день еще далеко не погасал, когда старый Михайлыч вместе с внучкой, миновав опушку, углубились в чащу леса, отстоявшего в какой-нибудь версте от селения.

Это был огромный густой лес, или тайга, как называют такие леса в Сибири. Деревья, как огромные великаны, сторожили здесь свои владения. Здесь были и дубы, и клены, и столетние

кедры. Они росли так близко друг к другу, что образовывали одну непроходимую сплошную стену своими широкими огромными стволами.

Через эту стену трудно, почти невозможно было пройти непривычному человеку. Но старый Михайлыч, долгое время проживший в Сибири, вблизи такой непроходимой тайги, отлично, как свои пять пальцев, знал все ходы и выходы из нее.

Дедушка жил и питался за счет этой тайги. Он расставлял силки и капканы и попадавшихся в них лесных зверей и птиц частью продавал в ближайшем городе на ярмарке, частью оставлял для себя и внучки. Он сам устраивал капканы и силки, сам строгал для них палочки и плел веревки длинными зимними днями и вечерами, когда пурга и стужа не позволяли ему выйти на промысел в лес. Работая таким образом, он не забывал и своей маленькой внучки. Он выучил читать и писать малютку, выучил ее считать немного, выучил молитвам да священной истории — словом, всему тому, что знал сам. Их жизнь текла тихо и мирно долгое время, до тех пор, пока однажды старик Михайлыч не простудился на охоте и не слег в постель. Он проболел долго и, не поправившись окончательно, с жесточайшим кашлем стал выходить снова на промысел.

С этого дня болезнь с ужасной силой и быстротой стала подтачивать железное здоровье старика птицелова. Он кашлял и задыхался, чувствуя сильнейшую боль в груди, особенно в те дни, когда приходилось выходить на промысел в тяжелую ненастную погоду. Сегодня была такая именно непогода. Но оставаться долее в избушке без еды и топлива дедушка считал более невозможным ради своей любимицы.

— Авось поутихнет метелица! — вслух говорил Михайлыч, углубляясь все дальше и дальше в лес.

Метелица действительно утихла мало-помалу, но зато мороз с каждым часом крепчал все больше и больше. Сибирочка все сильнее и сильнее дрожала под своим теплым платком, который, однако, отнюдь не грел ее заочевенные члены. Уже дедушка раскисвал в том, что взял внучку с собою. Чтобы добратсь до того места, где были расставлены силки, приходилось идти по узкой, протоптанной путниками дорожке, на которую метелица намела немало снегу. В лесу начинало темнеть. Ноги вязли в снегу, ветер и стужа забирались под ветхие одежонки и немилосердно щипали тело. Но возвращатсь назад без дичи и хвороста было немисливо. В холодной избушке ведь не осталось ни еды, ни топлива...

С трудом передвигая ноги, они доплелись до того места, где дедушка имел обыкновение расставлять силки. Увы! Они были пусты. Ни одна лесная птица не попалась в ловушку. Должно быть, непогода напугала и ее. То же было и с капканами. Лесные зверьки, очевидно, попрятались по своим норкам от стужи и метели.

— Делать нечего, давай собирать хворост, Сибирочка, — произнес уныло дедушка, со всех сторон осмотрев пустые капканы и силки. — Не везет нам с тобою нынче... — с тяжелым вздохом заключил старик и тут же принялся за трудную работу.

Сибирочка бросилась помогать ему. Ее маленькие ручонки проворно хватали сухие ветки валежника и старые сучья, валявшиеся там и сям на сугробах. Увлеченная своей работой, наклоняясь поминутно, разогревшаяся от частого и быстрого движения, Сибирочка разом повеселела. К тому же у нее была своя маленькая тайна, которая радовала ее: утром от завтрака ей удалось спрятать для дедушки порядочную краюшку хлеба, которой она и решила угостить бедного больного старика перед тем, как ложиться спать.

«А дедушка-то и не знает, не подозревает, что у нас есть чем поужинать!» — радовалась Сибирочка и еще усерднее принималась за работу.

Вдруг тяжелый стон достиг ее слуха. Сибирочка вздрогнула и обернулась в ту сторону, где она оставила своего спутника.

Тяжелое зрелище представилось ее глазам: дедушка уже не собирал хворост, а, как-то странно согнувшись, сидел, прислонясь к стволу старого дуба. Он был очень бледен, кашлял и задыхался, а изо рта его лилась тонкая струя крови.

— Дедушка, милый дедушка! — вне себя вскричала девочка и со всех ног бросилась к старику.

Старик птицелов хотел сказать что-то и не мог. Он протянул вперед руки навстречу Сибирочке и замер, глядя на нее печальными глазами. Девочка схватила дедушкины руки и с плачем упала к его ногам.

— Дедушка! Милый! Дорогой дедушка! — лепетала Сибирочка, не зная, что сделать, что предпринять.

— Сибирочка... деточка... — послышалось хриплым стоном из груди дедушки, — плохо мне... умираю я... бедняжечка моя... родименькая... одна ты сиротинкой останешься... Господь призывает к себе твоего больного дедушку... Но Господь тебя не оставит... Помни одно, Сибирочка... как только я умру, сейчас же к дочке моей, к Аннушке, в Питер-город отправься... Добрые люди помогут... Адрес ты знаешь, я тебе не раз говорил... Христовым именем как-нибудь пробежься туда... Аннушка тебя не оставит... Я ей часто писал о тебе...

Старик замолк на минуту, потом, подняв затуманенные глаза к небу, произнес громко:

— Господи, помилуй сироту! Не оставь ее, Господи... Прощай, Сибирочка! Прощай, желанная,

помираю я... Душно мне... неволю... — почти захлебываясь, все тише и тише лепетал старик и все ниже и ниже склонялся на сугроб, бледный, с тускнеющими, широко раскрытыми глазами.

Сибирочка была вне себя от горя и испуга. Она целовала холодеющие руки дедушки, поддерживала его голову, прижималась к нему, стараясь отогреть умирающего своим тоненьким, худеньким тельцем.

И дедушка в последний миг своей жизни почувал это. Его тускнеющие глаза широко раскрылись, слабые старческие пальцы легонько пожали маленькую ручку Сибирочки, и, глубоко вздохнув, дедушка повалился на снег.

Громко рыдая, Сибирочка обвила шею дедушки своими слабыми ручками...

Глава III

Сибирочка хочет спасти дедушку

Прошло немало времени, ночь уже спустилась на землю, когда Сибирочка пришла в себя. Ее бледное худенькое личико еще больше осунулось и побледнело. Огромные синие глаза вспухли и покраснели от слез.

Тело мертвого старика, распростертое на снегу, начало холодеть и коченеть понемногу. И сама Сибирочка заоченела и заохлодела, оставаясь около часу без движения подле своего мертвого дедушки. Мороз делался все крепче, все упорнее; под его студеною ласкою руки и ноги Сибирочки совсем онемели. Лицо и тело кололо и резало, как ножом.

Первою сознательною мыслью Сибирочки было бежать по знакомой дороге в селение, созвать людей, чтобы они пришли и унесли куда-нибудь в

теплую избу ее бедного дедушку, которого Сибирочка никак не хотела считать умершим.

Она его горячо любила, хотя знала, что дедушка ей не родной дед и что нашел он ее в лесу лет девять назад привязанной на ремне к дубу. Этот рассказ часто повторял своей названной внучке старик и говорил при этом: «Ты знатная сиротка, Сибирочка, очень знатная. Нашел я тебя в шубе важной, и бельишко, и платишко самые что ни на есть графские были. Поди, ты еще графов каких дитя!» — шутил он.

Такие шутки не трогали Сибирочку. Ей было решительно все равно, графское ли, княжеское ли она дитя-сиротка. Она знала и любила одного дедушку и боялась подумать даже о разлуке с ним. И вдруг теперь ее дедушке так худо, что он упал без чувств!.. Что с ним, с дорогим, милым? Ей казалось, что ее дедушка так сильно ослаб, что лишился сознания, но что его еще можно спасти.

— Только бы добежать до селения, а там дедушку спасут... спасут непременно!.. — решила Сибирочка и, заботливо укрыв мертвеца своим большим платком, поцеловав его холодную щеку, она в одном рваном тулупчике, вся исципанная стужей и морозом, кинулась бежать со всех ног по тайге.

Злая ночь сыграла скверную шутку над бедной маленькой девочкой. Она окутала такую темнотою тайгу, что ни зги не стало видно.

Сибирочка уже не бежала, а плелась теперь кое-как наудачу. Закоченевшие ножонки едва несли ее.

— Скоро, скоро дойду до опушки, а там и до селения рукой подать, — подбодряла сама себя девочка, с невольным страхом впиваясь глазами в обступившую ее со всех сторон тьму.

Она не заметила даже, что в темноте она ошиблась тропой и, вместо того чтобы идти к опушке, свернула в сторону от нее и теперь удалялась в

глубь тайги все дальше и дальше, в глухой зеленый лес.

Все труднее и труднее становилось идти Сибирочке. Она едва плелась, переступая ногами в высоком снегу и путаясь по колени в сугробах. Но она все еще надеялась, все верила, что тропинка, ведущая на опушку, находится где-то здесь, поблизости, и что стоит ей только напрячь силенки, и она выберется из нее.

Внезапно близко-близко, в нескольких шагах от девочки, зашуршало что-то...

«Медведь!» — вихрем пронеслось в мыслях Сибирочки, и она рванулась в сторону, но зацепила ногой за корень дерева и полетела прямо в холодный снежный сугроб.

Глава IV

Четыре мохнатых зверя

Сибирочка лежала едва дыша, не будучи в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Совсем близко, почти рядом с нею, копошилось что-то мохнатое и большое, хрустело тяжелыми ногами по сучьям и ветвям деревьев.

Один сплошной ужас наполнил душу Сибирочки.

— Медведь, непременно медведь! — повторяла тихо девочка, наблюдая, как какое-то огромное чудовище приближалось к ней.

Луна выплыла из-за облаков, и при ее бледном свете Сибирочка, к ужасу своему, разглядела не одно, а несколько чудовищ, которые как будто подкрадывались к ней с четырех сторон. Крик ужаса сорвался с губ Сибирочки и замер вдали. Она закрыла лицо руками, чтобы не видеть надвигавшейся к ней с каждой минутой смерти.

Точно озадаченные этим криком, чудовища остановились на минуту, словно выжидая.

— Ребенок здесь, в лесу! — услышала близко подле себя человеческий голос Сибирочка.

Быстро открыв лицо, Сибирочка увидела стоявшего над ней какого-то высокого, в меховом кафтане человека. Этот-то кафтан и высокая мохнатая шапка делали его очень похожим на лесного зверя, и немудрено, что испуганная насмерть Сибирочка приняла его за медведя. К нему подошли еще трое таких же мохнатых, благодаря их теплым, мехом наружу, одеждам, людей. Эти были поменьше ростом, но показались Сибирочке не менее страшными, нежели первый, при слабом лунном сиянии. Все четверо склонились над девочкой, почти потерявшей сознание в этот миг.

— Что за притча! Как так девчонка одна-одиношенька попала в лес? — произнес старший из четверых, лицо которого поражало своим жестоким, почти свирепым выражением. Космы седых волос торчали у него из-под мохнатой шапки. Всклокоченная седая же борода и масса морщин делали еще более неприветливым его и без того жестокое лицо.

Трое других людей казались много моложе. Один же был почти мальчик, лет четырнадцати на вид. У него было бледное личико, тонкие красивые черты и большие умные глаза, поражавшие сразу своим открытым и смелым выражением.

Двое других смотрели сурово и жестоко, так же, как и старший. У них, правда, лица были благообразнее, не было на них всклокоченных бород и морщин, но глаза, сверкающие из-под шапок, надвинутых чуть ли не на самые брови, отталкивали своим злобным выражением.

Старший путник, за плечами которого висело ружье, подошел к Сибирочке, нагнулся, поднял

ее с сугроба и чуть живую встряхнул изо всей силы и поставил прямо перед собою.

— Кто ты, девочка, и как попала сюда? — спросил он ее хриплым голосом.

Онемевший от холода и пережитых волнений язык Сибирочки отказывался служить. Однако она собрала все свои силы и отвечала тихо, чуть слышно:

— Дедушка там на снегу остался... мой дедушка... птицелов Михайлыч, из соседнего селения... Пожалуйста, возьмите его к себе... отогрейте... Он очень болен... Ради Бога, помогите ему. Он так кашлял... а потом... упал... прямо в снег... Ах, Господи! Ведь он умрет... если... если вы не поможете ему! — И она горько заплакала, вспомнив о том, в каком положении остался на снегу ее дедушка.

— Не смей хныкать! — сурово оборвал ее сердитый старик. — Терпеть не могу, когда хнычут. Говори толком, где оставила старика.

Сибирочка, испуганная строгим окриком, начала снова пояснять. Она оставила деда близко от опушки, надо идти туда прямо, потом налево, потом направо.

— Как тут разберешь, что болтает эта девчонка! — окончательно вышел из себя старший из мужчин. — Ну, да ладно! Мы сами доберемся до старика. А ты, Андрей, — обратился он к самому молоденькому из спутников, — возьми девочку и отведи ее в нашу лесную нору. Да смотри гляди в оба, чтобы она случайно не удрала. Девчонка может пригодиться нам в деле. Ты вишь как вырос, для сбора милостыни не годишься больше. Такому большому дурню никто не будет подавать, а она как раз для этого пригодится. — И старик угрюмо взглянул на черноглазого мальчика, который смело выдержал его взгляд.

Черноглазый мальчик взял за руку Сибирочку и тихо шепнул ей:

— Пойдем со мною!

Его глаза смотрели так ласково, а голос звучал так дружелюбно, что Сибирочке нечего было бояться его. Она доверчиво протянула ему руку и, слабо передвигая окоченевшими ножонками, поплелась за ним.

Старик и его два спутника направились в ту сторону, куда указывала им Сибирочка, где, по ее мнению, находился теперь ее больной дед.

Глава V

Молоденький благодетель. — Лесная нора

— Ты, может быть, очень устала и не можешь идти? Путь еще далек, а ты едва передвигаешь ноги. Давай я понесу тебя. Так мы доберемся скорее, — слышался над ухом Сибирочки тот же дружеский голос.

И не успела девочка ответить что-либо, как черноглазый мальчик подхватил ее на руки и понес.

— Ну, вот видишь, как хорошо теперь! Хорошо ведь тебе, не правда ли? — спрашивал он, ласково поглядывая ей в лицо своими добрыми, честными глазами.

— Очень хорошо, — согласилась девочка. — А вот если бы дедушку поскорее нашли и привели в чувство, тогда бы я была так рада, так рада! — лепетала она.

Мальчик ничего не ответил, только крепче прижал ее к своей груди и зашагал быстрее по черной тайге.

Через полчаса довольно быстрой ходьбы он, запыхавшийся и уставший, остановился и весело проговорил, спуская с рук Сибирочку:

— Ну вот мы и дома!

— Как дома? — изумленно проронила она. — Да ведь мы пришли в самую чащу тайги.

— Ну да, в самую чащу тайги. Здесь и есть лесная нора — наш дом.

Сибирочка не без страха оглянулась кругом. При слабом сиянии месяца она могла рассмотреть столетние дубы и кедры, со всех сторон тесно окружавшие крохотную полянку. На этой полянке тут и там торчали из-под снега черные пни, прикрытые сверху снежной шапкой и свидетельствовавшие о том, что здесь была когда-то совсем непроходимая глухая чаща. Почти вровень с землею, вся занесенная снегом, стояла маленькая избушка. Крепкая дубовая дверь ее находилась почти под землею. К ней спускались несколько ступеней, очевидно наскоро сколоченных из досок.

Андрей, так звали спутника Сибирочки, сунул руку в карман и вытащил из него огромный ключ и потайной фонарик. Фонарик он зажег при помощи спичек, нашедшихся также у него в кармане шубы, а ключом открыл дверь, жалобно и пронзительно заскрипевшую на ржавых петлях. Потом протянул руку Сибирочке и свел ее вниз по самодельным ступенькам. Девочка очутилась посреди небольшой, но теплой горницы с лавками вдоль стен, с грубо сколоченным столом перед этими лавками и с большой русской печью в углу.

Теплом и уютом пахнуло разом на иззябшую, измученную Сибирочку. После долгих мучительных скитаний и немилосердной стужи эта теплая избушка, почти врытая в землю, показалась ей чуть ли не роскошным дворцом.

Ее ноги подкашивались от слабости и усталости. Глаза ее слипались. Она едва добрела до лавки и, совсем обессиленная, упала на нее.

— Бедняжка, погоди спать немного, — проговорил ее спутник, — я дам тебе хлеба и немного мяса.

Хлеба и мяса! Об этом до сих пор не смела мечтать Сибирочка с той минуты, как увидела пустые дедушкины силки. А она была так голодна, так голодна, бедняжка!

— Вот, кушай на здоровье... Только скорее, ради Бога, а то придут наши и, чего доброго, отнимут еще! — с озабоченным видом говорил Андрей, протягивая девочке большой ломоть хлеба с куском жареной дичи.

У Сибирочки глаза разгорелись при виде лакомого съестного. Она взяла хлеб из рук мальчика и стала с жадностью есть. Но вдруг, словно вспомнив что-то, разломилась свою порцию на две равные части и, передавая одну из них мальчику, пробормотала:

— Дай это дедушке, когда его приведут, он тоже голоден, бедный!

Когда все до крошки было уничтожено девочкой, она снова почувствовала убийственную усталость во всем теле. Сон сковывал отягощенные веки. Сладкая истома разлилась по всем членам. Она упала белокурой, со свесившимися с нее кудрями, головкой на стол и в тот же миг погрузилась в сладкое забытие.

Черноглазый Андрей неслышно приблизился к спящей. Он осторожно поднял ее на руки и понес в маленькую каморку-боковушку, находившуюся подле первой горницы избы.

— Бедная девочка, — прошептал он тихо, укладывая Сибирочку на пол, поверх старого тулупа, валявшегося здесь, и заботливо подпихивая ей под голову подушку в довольно-таки нечистоплотной ситцевой наволочке. — Бедная крошка, если бы ты знала, куда попала, в чье страшное гнездо забросила тебя судьба, не спала бы ты так безмятежно и крепко, бедная маленькая девочка!

Глава VI

Сладкий сон и горькое пробуждение

Сибирочка спала, и ей снились сладкие сны.

Ей чудилось, что снова стоит красное лето, сверкает и палит жаром светлый июньский денек. А в тайге так прохладно и хорошо! Тень густолиственных деревьев так славно защищает от назойливых лучей солнышка! По ветвям прыгают белки, рыженькие и пушистые обитательницы леса. Дедушка давно обещался поймать и подарить своей Сибирочке такого маленького хорошенького рыженького зверька. А кругом цветов-то, цветов сколько! Чего-чего только нет: и брусника, и кукушкины слезки, и богородичная травка пестреет...

Затихла тайга и словно улыбается ей. И дедушка улыбается тоже. Дедушка так счастлив, что сегодня хороший улов дичи. Вон сколько рябчиков и тетеревов набежало в расставленные силки. Глупенькие! Прельстились зерном, которое рассыпал для них в ловушках дедушка! Как жаль, что у дедушки нет ни ружья, ни денег, чтобы купить его, а то какой же он без ружья охотник? Впрочем, и без ружья им дичи довольно.

А солнце уже заглядывает в темную чащу, уже золотит верхушки кедров и дубов... Вон прыгает опять с ветки на ветку шалуныя белка... Вон спускается... Вот бы поймать!..

И Сибирочка кидается опрометью вдогонку за пушистым зверьком. Но что это? Белка не боится девочки, не бежит от нее... Она сама поджидает ее, и, чуть только приблизилась к ней Сибирочка — скок! — белка очутилась у нее на плече. Вскочила и впилась неожиданно острыми зубками в тело испуганной девочки.

«У-у, сердитая белочка! Зачем ты так кусаешь плечо? — негодует Сибирочка на зверька. — Ой, пусти, больно же, больно мне!»

Но белка и ухом не ведет. Ее зубы впиваются все глубже, все сильнее в плечо Сибирочки.

— Больно, больно, — уже кричит в голос дитя, — пусти! Пусти меня!

И просыпается, вся взволнованная от своего тревожного сна. Ее плечо ноет нестерпимо, но не от укуса маленьких зубков зверька. Нет! Сильные, крепкие, как железные когти, пальцы впились в него. Страшный сердитый старик, знакомый уже Сибирочке по ночной встрече, стоит над нею и, больно схватив ее за плечо, теребит ее изо всех сил.

— Встанешь ли ты, наконец, лентяйка! Сколько времени не могу добудиться. Ишь, разоспалась, как барыня!.. Вставай сейчас! — грубо и резко звучал над нею его хриплый голос.

Как встрепанная вскочила на ноги Сибирочка, не понимая в первую минуту, где она находится и что произошло с нею. Но мало-помалу сознание вернулось к ней, она вспомнила все: и дедушку, обмершего на снегу, и страшных мохнатых людей, и все то, что приключилось с нею вчерашним днем и вечером в тайге. И ей стало разом жутко и тоскливо.

— Где мой дедушка? Куда вы дели моего дедушку? — громко плача, крикнула она.

— Молчать!.. — прогремел над нею свирепый голос. — Если ты не замолчишь сейчас же, я...

Тут глаза страшного старика так злобно сверкнули из-под нависших бровей, что Сибирочка задрожала всем телом.

Страшный же старик, видя, что девочка замерла от ужаса, несколько понизив голос, снова сказал:

— Мы все уйдем отсюда на работу, а ты изволь сготовить нам поесть. Вот там крупа и соль в гор-

почках... Хлеб найдешь в ящике стола. Дичи нет под рукою. Дичь будем есть завтра, а пока сваришь нам кашу, да получше смотри, не то быть тебе наказанной с первого же дня... А про дедку твоего ты забудь... Дедко твой помер... Мы его и схоронили в лесу. К дедке тебе не воротиться уже больше, как ты ни реви... Я тебя оставляю у нас в лесной норе. Ты на меня и на сыновей моих стряпать будешь, стирать, полы мыть, убирать избу нашу, а то и иначе поработаешь на нас... Глади же, чтоб ни крику, ни реву не слышно было. Да как звать-то тебя?

— Сибирочкой! — всхлипывая, прошептала девочка, которую весть о смерти деда поразила, как гром.

— Диковинно что-то! — захохотал грубым голосом старик.

— Дедушка так звал меня, — ответила девочка.

— Ну, а имя-то есть у тебя какое, христианское? — спросил опять старик.

— Имя мое Шура, только дедушка никогда меня так не называл, — еще тише роняла сквозь слезы девочка.

— Ну ладно! Шурка так Шурка! Так и будем звать. Ну, так помни же, Шурка, чтобы, как солнышко поднялось, значит, была бы у меня каша да щи разогреты, вот в том котелке! Да чтобы слез не было, а не то живо плеткой осушу!.. Эй, сынки, марш на работу, нечего вам лежебочничать, не праздник сегодня! — приоткрыв дверь из боковушки в горницу, крикнул старик, обращаясь к сыновьям.

— Идем, батюшка! — отозвались сильные голоса оттуда.

И оба парня, которых Сибирочка при тусклом свете маленькой керосиновой лампы могла теперь разглядеть вполне, появились на пороге.

— Хорошенькая девочка, — произнес старший из них, коренастый и сильный, но некрасивый юноша лет двадцати семи.

— Такая-то много милостыни насбирает. Больно жалостлив народ к таким смазливеньким ребяткам, — подхватил его брат, такой же рыжий, весноватый, некрасивый, как и первый, только годом или двумя помоложе его.

— Ну, вот и пошлем, когда малость пообвыкнет с нами! Все же заработок лишний... Не даром же хлебом кормить эту дармоедку, — вставил свое замечание старик.

И все трое, переговариваясь и пересмеиваясь между собою, вышли из землянки, плотно закрыли за собою двери и два раза повернули за собою ключ в замке.

Сибирочка осталась одна-одинешенька в чужой и жуткой ей обстановке. Но ни страха, ни ужаса не было теперь в ее душе. Ее бедное маленькое сердце замирало от горя. Только сейчас она убедилась, поняла вполне, что ее дедушка умер, что его уже зарыли в могилку и что никогда, никогда не увидит она больше своего доброго старичка...

Слезы брызнули из ее глаз, и она глухо зарыдала, упав на лавку.

Глава VII

Голос из-под земли. — Тайна раскрывается

Долго плакала Сибирочка. Потом ее слезы стали стихать. Горе, вырвавшееся наружу, было слишком велико, чтобы было можно выплакать его слезами. К тому же девочка вспомнила вовремя, что ее дедушка не раз наказывал ей не плакать о нем после его смерти, а то ему было бы больно видеть горе Сибирочки оттуда, с небес,

куда Бог взял теперь успокоившуюся душу старика.

— Лучше помолюсь за моего голубчика деду... Помолюсь Боженьке, чтобы Он помог мне поскорее соединиться с ним! — решила Сибирочка и, заметив крошечный образок в переднем углу землянки, быстро опустилась на колени перед ним. — Господи! Боженька! Добрый, ласковый Боженька, — шептала она, — возьми меня к себе тоже!.. Возьми, как деду! Не оставляй меня здесь одну со злым стариком и его детьми! Добрый, ласковый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы я умерла и поскорее увидела дедушку у Тебя на небе!.. Пожалуйста, Боженька, миленький, дорогой!

Сибирочка молилась горячо. Слезы капали у нее из глаз, скатывались вниз и уходили в земляной пол избушки.

После молитвы она почувствовала себя много лучше и бодрее. Девочка уже не сомневалась, что Господь услышит ее просьбу и возьмет ее, как дедушку, на небо скоро-скоро...

Бодро поднялась она с коленей и принялась за работу. Работа не могла испугать девочку, которая привыкла хозяйничать в избушке деда. Прежде всего надо было растопить печь. Хворост лежал в углу темных маленьких сеней, которые она разглядела еще вчера ночью. Сибирочка храбро вступила в маленькие сени, широко раскрыв дверь землянки, и замерла от неожиданности и страха на пороге их.

Прямо из-под пола, из-под ног девочки, послышался стон, тихий и протяжный.

Стон прозвучал раз... другой... третий... Следом затем еще и еще...

Сибирочка, бледная как смерть, словно приросла к месту, боясь пошевелиться.

Опять простонал кто-то, еще внятнее на этот раз. Теперь уже Сибирочка не сомневалась боль-

ше: кто-то находится под ее ногами, под полом сеней. Голос выходил оттуда. Это был тихий, чуть слышный, жалобный голос, который точно молил о пощаде. Сибирочка, вся дрожа, бледная и взволнованная, кинулась обратно в землянку, схватила жестяную лампочку, горевшую там, и вернулась с нею обратно. Высоко подняв лампу над головой, она осветила сени. Прямо у ее ног находился четырехугольный квадрат из досок, как бы врытый в землю. Сибирочка нагнулась над этим дощатым квадратом и увидела приделанное к нему кольцо. Она схватилась за это кольцо своей слабой ручонкой и потянула его на себя изо всех сил. Неожиданно четырехугольный дощатый квадрат подался кверху, как крышка с ящика, образуя сбоку темное отверстие вниз.

В ту же минуту стоны раздалились слышнее, и, прежде чем Сибирочка могла сообразить что-либо, перед ней откуда-то снизу появилось бледное лицо и большие впалые глаза, смотревшие на нее страдальческим взглядом.

Она узнала сразу и это лицо, и эти глаза.

Перед ней был тот самый мальчик Андрей, который так заботливо отнесся к ней вчера ночью и которого она искала и не нашла сегодня утром в лесной норе.

— Ты ли это? Что с тобою? Почему ты стонешь, Андрюша? — с испугом и волнением спрашивала она его.

— Ах, они избили меня... за то... что я не позволил им сделать одно злое дело, — проговорил глухим голосом мальчик. — Ах, девочка, если бы ты знала только, как они били меня, как мучили!.. Если бы ты знала! Они требовали, чтобы я помог им в их гнусном поступке, а я не хотел, я спорил... отговаривал их, и вот... они приколотили меня и бросили сюда... в холодный подвал... Здесь темно, как в могиле... Здесь бегают крысы

по моим коленям, и у меня нет сил даже прогнать их... У меня все тело болит и ноет... Ах, если бы можно было спастись отсюда, из лесной норы! Уйти совсем или умереть! — И Андрей снова застонал тяжелым страдальческим стоном.

— Выходи же, выходи отсюда! — торопила его Сибирочка. — Я посвечу в подполье... Ах, бедный, бедный ты мой!

— Но если я выйду, они изобьют меня до полу-смерти. Я не вынесу больше этой муки. Мое тело и так все в ранах и рубцах. Во рту все пересохло... и нет больше сил у меня, — произнес тем же вымученным голосом несчастный.

— Они не скоро еще вернуться, — торопливо срывалось с губ Сибирочки. — Постой, я принесу тебе воды... Ты подкрепишься немного и потом вылезешь из этой ужасной дыры...

И, говоря это, она живо вернулась в землянку, почерпнула там из кадки, приютившейся в углу, ковшом воды и подала этот ковш мальчику. Тот с жадностью схватил его и выпил до дна.

Вода действительно подбодрила Андрюшу. Он сделал над собою усилие, поднялся во весь рост, причем его бледное личико очутилось наравне с полом сеней; затем, захватив края ямы руками, поднялся на них и через минуту сидел уже на полу подле Сибирочки.

— Знаешь ли ты, — начал он сразу, без всяких объяснений и расспросов, — куда ты попала?

— Не знаю! — тихо отвечала Сибирочка и подняла на мальчика широко раскрытый, вопрошающий взгляд.

— И я не знал тоже. До сегодняшней ночи не знал. Они никогда не говорили мне, кто они и откуда пришли и зачем скрываются в тайге. Они встретили меня как-то на опушке леса года два тому назад и предложили поселиться с ними.

У меня только что умер тогда отец, оставивший меня круглым сиротою. Отец был лодочником, он перевозил людей на большой реке с берега на берег... А я учился в школе. Когда умер отец, пришлось бросить школу и идти искать работы. Вот они и предложили мне работу — сначала собирать милостыню для них по церквам в ближайших слободах и селениях да готовить им обед и чистить землянку. Такую работу еще можно было выносить, но сегодня ночью я узнал, кто они такие: они приказали мне помогать им в таком страшном деле, при одной мысли о котором можно сойти с ума... — дрожащим голосом закончил Андрияша.

— Что же они приказали тебе и кто они такие? — почти с ужасом прошептала Сибирочка, широко раскрывая свои и без того большие глаза.

— Они приказали мне, — прежним, чуть слышным шепотом продолжал Андрияша, и его тонкое личико стало совсем бледным, — они приказали мне идти с ними завтрашнюю ночь на работу...

— На какую работу? — так же тихо спросила Сибирочка.

Андрияша вздрогнул всем телом и, еще более бледнее и изменяясь в лице, проговорил чуть слышно:

— Здесь, видишь, далеко от железной дороги, очень далеко. И чтобы попасть на поезд близким путем из ближайшего имения купцов-лесопромышленников Гандуровых, надо ехать глухой тайгой. Вот они и узнали, что этой ночью сам купец Гандуров будет возвращаться с деньгами к себе в имение, и решили покончить с ним...

— Как покончить? — не поняла Сибирочка своего нового друга.

— Решили убить купца...

— Убить?!

— Да. Ведь эти люди не кто иные, как лесные бродяги, беглые каторжники, скрывшиеся из тюрьмы... Они не одного человека обворовали и убили на своем веку. Их поймали, судили и сослали сюда, в Сибирь, на каторжные работы, а они бежали в тайгу и поселились в ней... Их всюду ищут и не могут найти. Это отец с двумя сыновьями. Их зовут: старика — Иван Палец, старший его сын — по прозвищу Зуб, а младший — Косточка... Вот к каким злодеям забросила нас судьба, — дрожащим голосом закончил свой рассказ Андрияша.

— Но отчего же ты не убежал от них? — потрясенная и взволнованная его рассказом, спрашивала девочка.

— Я только этою ночью узнал, что они за люди, — продолжал Андрияша. — Я думал, что это просто лесные охотники, звероловы и птицеловы, и жил у них потому, что мне некуда было деться. А сегодня ночью, когда они нашли тебя на мое место и ты будешь на них работать, как я работал до сих пор по дому и по хозяйству, они не захотели больше скрываться от меня и решили приручить и меня к их страшной работе — грабить и убивать людей. И уже сегодня они велели мне пробраться в лесное имение купца Гандурова и узнать там хорошенько, один ли он едет домой из города и много ли денег он везет с собою и какою дорогою поедет он по лесу... Чтобы я не мог убежать или выдать их, со мною пойдет Косточка и не отступит от меня ни на шаг... Потом мы вернемся к лесной норе, а ночью... ночью...

Тут голос Андрияши прервался, и он не кончил своей фразы. Все лицо его изображало теперь одну сплошную муку ужаса. Сибирочка дрожала, как былинка, с головы до ног.

— Надо спасти несчастного купца! — шептала она, схватив за руку своего нового друга.

— Да, надо спасти! И я придумал, как это сделать! — решительным голосом подтвердил он и, помолчав немного, прибавил: — Это сделаешь ты!

— Я?! — вскричала Сибирочка изумленно.

— Ну да, ты... Ты сейчас же проберешься в селение, найдешь дом урядника и расскажешь ему все, а он отрядит людей в лес, прежде чем на купца Гандурова будет сделано нападение. Я бы мог сам пойти в поселок, но это может возбудить их подозрение. Если же убежишь ты, будет лучше. Мы разобьем окошко в землянке, и ты вылезешь через него... Но только раньше я сяду снова в подвал как ни в чем не бывало, чтобы они не подумали о том, что я послал тебя. Только тебе придется самой провести сюда урядника и его людей, потому что лесная нора так ловко спрятана в лесу, что ее трудно найти. Тебе же я дам мешок старых кедровых шишек, и от времени до времени ты будешь сажать шишки в снег, и по ним вы найдете обратную дорогу, конечно, если ночью не поднимется пурга и луна будет сиять, как и вчера, светло и ясно. Но я уверен, что так и будет, потому что дело идет о спасении человека, и Господь поможет нам, — с уверенностью в голосе произнес Андрюша.

— Да, Господь поможет нам, — подтвердила и Сибирочка, — и мне почему-то кажется, что все должно кончиться хорошо!

— Но ты должна идти, даже бежать, очень скоро... Берегись опоздать... Может быть, они убьют купца прежде, нежели ты сюда вернешься с помощью, — произнес чуть слышно мальчик.

— О! — могла только проговорить Сибирочка. — Я побегу сейчас же, и добрый Боженька да молитва покойного дедушки помогут мне...

Андрюша одобрительно кивнул ей головой.

— Вот мешок с шишками, — произнес он, протягивая девочке плотно увязанный узел. — Помни, что каждые десять шагов ты будешь сажать

по одной шишке в снег. А теперь — раз, два, три! Сейчас я покончу с окошком.

И, отбежав немного, он со всего размаха вскочил на лавку и изо всей силы ударил кулаком по крошечному оконцу избы. Стекло с жалобным дзиньканьем разлетелось вдребезги. Из раненой руки Андрюши брызнула кровь, но он не обратил на это внимания.

— Теперь я спущусь в подполье и до самого их прихода не вылезу оттуда, — срывающимся голосом говорил он, — пусть думают, что я не виновен в твоём бегстве. А то, пожалуй, изменят свой план на новый, из страха быть выданными мною через тебя. Ну, с Богом. Прощай!

И он смело прыгнул в зияющую в полу яму.

— Закрой меня крышкой! — слышался через минуту его голос оттуда.

Сибирочка поспешила к нему и не без усилия исполнила желание своего нового друга. Потом, с трудом опустив над ним четырехугольную доску с кольцом, она крикнула ему «прощай!» — и, взобравшись на лавку, вылезла в оконце. Это было совсем не трудно сделать, потому что девочка была очень мала, а оконце землянки могло с успехом пропустить такую крошечную фигурку. К тому же с наружной стороны окно приходилось вровень с землею, и Сибирочка очутилась на свободе легче, нежели сама могла предполагать.

Истиво перекрестившись на небо несколько раз подряд, она бросилась бежать с возможною скоростью по узенькой, чуть заметной для глаз тропинке. Помня наказ Андрюши, девочка не забывала через каждые десять шагов втыкать по кедровой шишке в рыхлый снег, по одну сторону тропинки, не убавляя шагов. Между тем рассвет уже начинался и день всходил над тайгой. Выскочили из своих норок пушные зверьки и любопытными глазками провожали девочку.

А Сибирочка все скорее и скорее бежала вперед, дрожа от страха при одной мысли, что она может опоздать сюда обратно к ночи. Волнение и усталость давали себя знать девочке все сильнее и сильнее. Маленькие ножки подкашивались каждую минуту, грудь дышала тяжелее, сердечко неровно билось в груди. Сибирочка буквально падала от усталости.

«Что будет, если я не дойду вовремя?.. Они убьют несчастного купца!» — вихрем пронеслась жуткая мысль в голове девочки, и, не обращая внимания на то, что ее ноги нестерпимо болели и ныли, она с редкой стойкостью подвигалась вперед так быстро, насколько позволяли силы.

Вот наконец мелькнул просвет в деревьях. Слава Богу, это опушка леса... Скоро конец ему... а от опушки до селения рукой подать...

— Ну еще! Ну еще! Сибирочка, подкрепись немного, и ты у цели! — ободряла сама себя девочка, и, теперь уже не обращая внимания на то, что сучья деревьев рвут ее платье и шубенку и больно царапают ее лицо, она неслась со всех ног к опушке леса.

Глава VIII

Сибирочка исполняет трудное поручение

Урядник Степан Артемьевич Алмазин собирался соснуть после дневного чая, когда ему сказали, что маленькая девочка желает говорить с ним по важному делу.

— Какая еще девочка? — недовольным голосом проворчал Алмазин и велел ввести в горницу непрошеную гостью.

— Ах, это ты, Сибирочка! — сразу узнав внучку старого птицелова, произнес он. — Что же твой

дедушка? Уж не болен ли? Зачем ты пожаловала ко мне одна?

Урядник говорил очень ласково с девочкой, которую любил за ее приветливость и миловидность. Он часто встречал ее вместе с дедушкой и всегда хорошо относился к Михайлычу и его внучке. Теперь он очень удивился, увидя девочку одну. Все привыкли видеть старого птицелова и его внучку всегда неразлучными, вместе.

Напоминание о дедушке больно-больно резнуло исходившее горем сердце Сибирочки. Она громко зарыдала.

— О чем плачешь, девочка? Говори толком... Что с дедкой приключилось? — тотчас же спросил Степан Артемьевич, но Сибирочка рыдала навзрыд и не могла ничего ответить. Ее маленькое сердце теперь так и рвалось от тоски. Она впервые почувствовала здесь, в своем селении, всю тяжесть своего горя. Не было больше ее дедушки, и никогда, никогда она, Сибирочка, не увидится уже с ним!

Вдруг мысль о купце, которого надо было спасти во что бы то ни стало, как молния промелькнула в ее головке. И, захлебываясь от слез, девочка тут же стала взволнованно передавать все, что случилось в течение полусуток в тайге с нею и с дедом. Как они пошли за дичью и за хворостом, как упал дедушка, как захватили ее к себе лесные бродяги и как она узнала о том страшном деле, которое затевали они.

Урядник слушал внимательно, и лицо его принимало все более и более взволнованное и озабоченное выражение. Когда же, рассказав все, Сибирочка стихла и только тихо всхлипывала о своем горе, Степан Артемьевич погладил ее по голове и ласково сказал:

— Ты хорошая девочка, Сибирочка. Ты спасла жизнь купцу Гандурову, и не только ему одно-

му: эти беглые каторжники наделали бы еще много бед, убили бы многих людей. Мы их давно разыскиваем и никак не подозревали, что они поселились в ближайшей от нас тайге... Ты получишь награду, Сибирочка, и от начальства, и от купца Гандурова, которому ты спасла жизнь! А теперь отдохни хорошенько, чтобы проводить нас в тайгу... Подкрепи свои силы. Моя жена накормит тебя. Ты пришла как раз вовремя, потому что купец Гандуров остановился у меня, чтобы дать отдохнуть лошадям, раньше чем пуститься снова в дорогу.

И, говоря это, урядник погладил белокурую головку Сибирочки, восторгаясь смелостью малютки.

Девочка, однако, отказалась от еды. Она знала, что медлить было нельзя. Хотя теперь смертельная опасность уже не грозила купцу Гандурову, но злодеи могли догадаться, в чем дело, и жестоко избить, а может статься, и убить Андрюшу за то, что он помог намеченной ими жертве ускользнуть из их рук.

Поэтому она была не в силах есть и спать и все торопила Алмазина спешить с людьми в тайгу. Урядник и сам сознавал, что необходимо было как можно скорее поймать злодеев.

Вскоре Сибирочку позвали в гостиную Алмазина, где находился сам купец Гандуров, уже узнавший о грозившей ему опасности.

— Ты хорошая, самоотверженная девочка, — произнес он, ласково обнимая появившуюся перед ним Сибирочку, — ты избавила от большого горя мою семью, крошка, и за это я позабочусь о тебе и дам тебе денег, чтобы ты могла безбедно существовать всю свою жизнь. Ведь ты сирота?

— Да, сирота, — произнесла Сибирочка, и опять при одном намеке на то, что она одна-оди-

нешенька осталась теперь на свете, слезы хлынули у нее из глаз.

— Не горюй, — произнес Гандуров, — я возьму тебя в дом к себе и буду заботиться о тебе, как о родной дочери.

— И об Андрюше тоже! Возьмите к себе и Андрюшу! Ведь это он научил меня спасти вас. Без него вы бы погибли наверное! — проговорила Сибирочка и стала рассказывать купцу, кто такой был Андрюша.

— Ладно, возьмем и Андрюшу, — согласился тот, — и о нем позабочусь, и ему хорошо будет. А теперь надо ехать ловить разбойников, — произнес он, поднимаясь с места, с довольной улыбкой, без тени тревоги.

Действительно, надо было спешить. В какой-нибудь час времени урядник набрал себе помощников и разделил их на два отряда. Часть хорошо вооруженных людей он усадил в тройку купца и приказал им тихонько ехать по проезжему лесному пути, а сам, взяв с собой человек десять, вместе с Гандуровым и с Сибирочкой, пустился в путь пешком к лесной норе, в самую глубь тайги.

Девочка шла впереди, указывая дорогу маленькому отряду. Месяц вышел на небо и хотя слабо, но все же освещал путь. Шишки, разбросанные Сибирочкою там и тут по снегу, указывали, куда надо было идти. Дорога, по которой ехала тройка с вооруженными людьми, была недалеко. До пеших путников долетал и звон колокольчиков, и фырканье коней.

Отряд все глубже и глубже уходил в тайгу. Наконец где-то далеко блеснула маленькая точка огонька.

— Это лесная нора! — прошептала Сибирочка, и сердце ее сильно забилося.

Маленький отряд остановился. Урядник приказал людям, прячась за деревьями, медленно

подвигаться к самому логовищу бродяг... Месяц как раз в это время спрятался за тучу, и в лесу стало темно, как в могиле.

Сибирочка стояла подле купца Гандурова. Сначала все было тихо. Сердце Сибирочки то билось, то замирало в груди... Она боялась теперь, чтобы вместе со злодеями не схватили по ошибке Андриюшу и не причинили бы мальчику какого-нибудь вреда. Она надумала уже было пробраться к лесной норе и поискать там мальчика и с этой целью отошла незаметно от Гандурова, около которого находилась все время, как вдруг кто-то неожиданно и сильно схватил ее за плечо.

— Это я! Я — Андриюша, — услышала она взволнованный шепот над своим ухом. — Ты сделала все-все, что я тебе говорил? — тем же тревожным шепотом осведомился он.

— Все!

— И урядник с людьми из селения здесь?

— Здесь!

Едва успела Сибирочка ответить это, как оглушительный выстрел нарушил мертвую тишину тайги. За ним другой... третий... Кто-то побежал в чащу, кто-то, тяжело хрипя, повалился на землю. И в тот же миг прозвучал в тишине громкий голос урядника:

— Держите разбойников, ребята! Держите их!

Свет фонарей, скрытых под полушубками до настоящей минуты, разом осветил лесную чащу.

Теперь Сибирочка уже ясно видела, как десяток людей окружал Ивана Пальца и его сыновей. Последние ножами и топорами всячески отбивались от хорошо вооруженных людей. Завязалась упорная борьба. Наконец старый бродяга и его младший сын окончательно выбились из сил. Продолжал бороться и защищаться один только Зуб, потом вдруг сделал ловкий прыжок и, увернувшись с быстротою кошки, бросился в чащу.

— Держи! Держи его! — кричал не своим голосом урядник, но бродяга был уже далеко. Размахивая огромным ножом и бросая проклятия и угрозы, он бежал теперь прямо на Андриюшу и Сибирочку, притаившихся за стволом огромного дуба.

— Он увидит нас! Что нам делать?! — прошептала вне себя девочка, прижимаясь к своему но-

вому другу и как бы ища у него защиты. Но последний уже не медлил.

Бродяга бежал прямо на них, отрезав им путь к маленькому отряду.

Он уже успел заметить притаившихся за деревом детей. На минуту он остановился. По его страшному лицу проскользнула бешеная, злая улыбка. Он понял, кто донес на него, его отца и брата в селение, кто выдал их с головой и привел сюда вооруженный ружьями отряд.

— Ага, так вот ты как! — крикнул он бешено на всю тайгу и бросился на Андриюшу.

Но тот ожидал, казалось, намеченного удара. Он схватил Сибирочку за руку и в несколько скачков очутился с нею в темноте за группой огромных кедров, куда уже не проникал свет фонарей.

Здесь он быстро опустил на колени.

— Садись ко мне на спину! — произнес он, и когда Сибирочка, не медля ни минуты, исполнила его приказание, он вскочил снова на ноги и метнулся с девочкою на спине в самую чащу тайги.

Однако бродяга Зуб не отставал в погоне за ними. В темноте слышно было его тяжелое дыхание и хруст сухого валежника под его ногами. Он бежал почти по пятам детей... Только темнота ночи разделяла теперь их друг от друга... Сердце Андриюши колотилось в груди, как подстреленная птица... Упав он сейчас, и острый нож Зуба закончил бы с ним и с бедной, ни в чем не повинной Сибирочкой. Зная это, мальчик все прибавлял ходу, хотя усталые ноги болели нестерпимо, а спина мучительно ныла под тяжестью непривычной ей ноши. К тому же ветви деревьев больно хлестали его по лицу. Он бился из последних сил. А страшный Зуб все еще не отставал от маленьких беглецов. Это чувствовала Сибирочка, свернувшаяся в комочек на спине своего друга. В го-

лове Сибирочки гнездилась теперь только одна мысль: «Пусть бежит и спасается один Андрюша, пусть бросит ее в снег... С нею все равно ему невозможно спастись... Слишком тяжело ему, бедному, бежать с такою тяжелою ношей на спине!» И, прильнув губами к уху мальчика, она зашептала ему, прерываясь на каждом слове:

— Брось меня, Андрюша... Брось... Беги один... Авось он не заметит меня... Спасайся сам, милый! Оставь меня... Я только мешаю тебе...

— Молчи! — хриплым звуком вырвалось из груди мальчика. — Вместе спасемся или умрем! — И, напрягая последние силы, он бросился как безумный вперед и в ту же минуту с глухим стоном вместе с Сибирочкой повалился на сугроб снега.

Глава IX

Ни хода, ни выхода

Что-то холодное коснулось лица Сибирочки и почти одновременно она услышала чье-то тяжелое дыхание совсем близко от себя.

Месяц скрылся за тучу, и в окружающей темноте не видно было ничего. Сибирочка протянула руку вперед и чуть не вскрикнула во весь голос: ее пальцы коснулись неподвижного лица Андрюши, по которому струилось что-то теплое и липкое, как клей.

Она вытянула другую руку и сильно ударилась о нечто твердое, как камень. Теперь девочка поняла все. В отчаянной поспешности бега Андрюша наткнулся на дерево, выросшее посреди тропинки, и, ударившись об него головой, упал, обливаясь кровью, в сугроб, в то время как преследовавший их Зуб пробежал далее.

Ужас сковал сердце Сибирочки. Что, если умер Андрюша? Что, если он, как и дедушка, не поднимется с сугроба больше никогда и она останется одна-одинешенька в этой страшной тайге, где бродят медведи и волки и где находится еще более страшный враг, взбешенный и готовый расправиться с ними своим огромным ножом бродяга! Но все страхи Сибирочки, весь ужас одиночества покрывались ее тоскою по Андрюше, которого она, несмотря на короткое знакомство, успела горячо полюбить.

В несчастиях люди сходятся скорее и ближе. Ей казалось, что она знает мальчика давно-давно... Она взяла его за руку. Рука осталась неподвижною в ее маленькой ручонке. Мальчик был без чувств. Должно быть, он сильно поранил себе голову о ствол дерева.

Тогда Сибирочка вспомнила, как дедушка лечил ее от ушиба в зимнее время. Он брал снегу и растирал им пострадавшее место. То же самое сделала со своим другом и девочка. Она схватила целые пригоршни снега и стала усердно прикладывать его к раненой голове Андрюши. Мало-помалу кровь перестала сочиться из лба, и мальчик начал проявлять кой-какие признаки жизни. С его губ сорвался первый стон, за ним другой, третий...

— Где я? Что со мною? — спросил он слабым голосом, окончательно приходя в себя.

— Андрюша, милый! Ты жив?! Жив! Слава Богу! — радостно прошептала Сибирочка, целуя и обнимая мальчика, все еще бессильно расprostертого на снегу.

— Жив, только у меня сильно голова болит... Но я могу двигаться дальше, — стараясь говорить бодрым голосом, произнес он. — А где Зуб? Или его утомила погоня, и он отстал от нас?

— Нет, он пробежал мимо, теперь он находится впереди нас. Нам надо идти поскорее к лесной

норе, где остались люди, а то он вернется сюда и найдет нас, — взволнованным голосом пояснила девочка. — Но ты не можешь идти, — добавила она, опасливо вглядываясь в белеющее перед нею во мраке лицо ее друга.

— О, я попытаюсь! — послышался ответ в темноте, и Андрюша сделал усилие, чтобы подняться. — Давай твою ручонку. Пойдем, держась за руки, а то мы потеряем друг друга... Видишь, какая здесь темнота, — произнес он, с трудом поднимаясь на ноги.

Сибирочка молча протянула ему руку, ощупью нашла его пальцы, и, тесно прижавшись друг к другу, дети повернули назад и пошли по тому направлению, где, как им казалось, они оставили урядника и людей.

Глава X

В пещере под снегом

— Нет, я не могу идти больше. Голова болит все сильнее... А здесь оставаться нельзя... Звать на помощь тоже нельзя. Зуб услышит и прибежит сюда разделаться с нами, прежде нежели подоспеют сюда люди, — с отчаянием в голосе произнес Андрюша и, помолчав немного, прибавил уже значительно бодрее: — Вот что я придумал: мы выроем ямку в снегу, вроде звериной норки, заползем в нее и до утра отдохнем в ней хорошенько, а утром при свете увидим, где мы находимся и как нам пройти до селения, — уже совсем бодро заключил он свою речь.

И прежде нежели Сибирочка могла одобрить его план, Андрюша уже ощупью, в темноте, принялся за работу. Яму в сугробе пришлось рыть руками, за неимением лопат. Сибирочка, как уме-

ла и могла, принялась помогать своему другу. Вскоре в рыхлом снегу появилась глубокая нора, и дети могли укрыться в ней и уснуть в ожидании утра. Они так и сделали, не медля больше ни минуты. Усталость и пережитые волнения помогли им забыться, и, прижавшись друг к другу, они уснули крепким сном в своей самодельной спальне...

* * *

Миновала ночь. Наступило утро. Проснулась и ожила старая тайга. Белочка шаловливо запрыгала по ветвям огромных дубов. Какой-то пушистый зверек высунул из дупла дерева свою острую подвижную мордочку. Где-то прозвучал вдалеке унылый крик хищной птицы.

От этого крика первый проснулся Андрей. Он вылез из своей снежной пещерки и не без изумления оглянулся кругом. В его лице отразились испуг и тревога. Он хорошо знал местность, окружавшую лесную нору. Хорошо знал прилегавшую к жилищу лесных бродяг тайгу, знал по крайней мере верст на десять кругом. Но здесь он еще не бывал ни разу. Местность казалась ему совсем незнакомой и дикой. Деревья разрослись здесь так густо кругом, что в лесу было сумрачно, как в могиле. Иногда, сплетаясь ветвями, они образовывали непроходимую стену, и только у корней их оставалось небольшое отверстие, которое можно было миновать, не иначе как только пригнувшись чуть ли не к самой земле. Невольное смущение охватило душу мальчика. Здесь, в этой непроходимой чаще, что могли поделаться без крова и пищи он и вверенная его попечению самой судьбой маленькая девочка?

Андрюша подошел к самодельной пещерке и заглянул в нее. В ней, подложив худенькую ручонку под голову, безмятежным сном сладко спа-

ла Сибирочка. Белокурые волосы, выбившись из-под платка, обрамляли ее личико, белое и нежное, как фарфор.

— Бедная маленькая девочка, — прошептал Андрюша, — что ждет тебя!.. Голодная смерть в дикой тайге. Бедная маленькая девочка! Как мне жаль тебя! — Он нагнулся к спящей и крепко поцеловал ее.

Сибирочка проснулась и недоумевающе открыла свои большие синие глаза. Она с минуту не понимала ничего. Потом оглянулась кругом и сильно испугалась, увидя незнакомую местность.

— Мы заблудились! Да? — со страхом прошептала она.

Андрюша хотел ответить своей маленькой подруге, но чьи-то тяжелые шаги, раздавшиеся в эту минуту, заставили его замереть на месте. Шаги приближались с каждой минутой, делаясь все слышнее и слышнее...

— Это Зуб! — прошептала в тоске и страхе Сибирочка.

— Да! — беззвучно проронил мальчик и прижал девочку к себе, заслонил ее собою, готовый защищать ее до последней возможности своими безоружными, но сильными руками.

И оба широко раскрытыми взорами впились в чащу. Шум шагов приближался. К нему присоединился теперь хруст ломаемых ветвей и какое-то жуткое сопение.

— Это Зуб!.. Теперь он уже не даст пощады и убьет нас сию же минуту! — прошептала девочка, и ее побледневшее личико выражало теперь один неизъяснимый сплошной ужас.

Андрюша не сказал ни слова. Его грудь бурно вздымалась. Черные глаза сверкали. Он решил, что теперь им не миновать мести Зуба, но он хотел только одного: спасти во что бы то ни стало бедную маленькую девочку, доверчиво припавшую

под его защиту. Он думал: «Зуб ударит меня своим ножом, я упаду навзничь на пещеру и прикрою собой Сибирочку, и он ее не увидит. Не увидит ни за что... Таким образом она будет спасена».

Между тем шаги были уже совсем близко. Кто-то с остервенением пробивал себе путь, бешено ломая сучья и ветки по дороге. Вот они затрещали неистово, раздвинулись, и огромный бурый медведь выскочил из чащи и очутился в двух шагах от онемевших от ужаса детей.

Глава XI

Неожиданность за неожиданностью

— О! — простонала Сибирочка и закрыла лицо руками.

Медведь повернул голову, увидел детей и неожиданно поднялся на задние лапы. Оглушительный рев вырвался из его могучего тела. Тут только дети увидели зияющую рану в боку медведя и тянущуюся по его следу на снегу кровавую полосу. Глаза зверя были налиты кровью, пасть широко раскрыта. Казалось, полученная рана привела в бешенство страшное чудовище, и, издавая страшное рычанье, оно готово было уже кинуться на неожиданного и беспомощного врага. В одну минуту Андрюша сообразил, что от разъяренного лесного чудовища нет спасения.

Если смерть под ножом лесного бродяги была ужасна, то вдвое ужаснее казалась она в когтях страшного медведя.

Андрюша взглянул на Сибирочку. Она была белее снега и вся трепетала, как птичка, прижавшись к нему. Если бы у мальчика было какое-нибудь оружие, он, не задумываясь ни на минуту, кинулся бы на четвероногого врага. Но увы! Ору-

жия не было у Андрюши — значит, не было и спасения. Он крепко обнял девочку и, прислонив ее головку к своей груди, старался заслонить ее от ужасного зверя.

Раненый медведь с тем же жутким рычанием и с налитыми кровью глазами двинулся вперед. Его дыхание и хрип, выходявший из горла, теперь обдавали головы детей... Огромные лапы с острыми когтями, выходявшими из-под мохна-

той шкуры, направились к ним. С диким ревом чудовище пригнулось к земле, и...

Что-то просвистело в воздухе и изо всей силы впилося в голову зверя. Дикий, оглушительный рев прорезал тишину тайги. Обливаясь кровью, медведь с шумом рухнул навзничь, обагрив алыми пятнами снег кругом себя. На месте страшного чудовища перед изумленными детьми появилось что-то странное, необычайное, чего еще не встречали ни Андрюша, ни его маленькая спутница никогда за все время их коротенькой жизни.

Глава XII

Получеловек-полузверь с добрым сердцем

К изумленным детям у входа в их пещерку подошло небольшого роста круглолицее существо, все с головы до ног зашитое в звериную шкуру. На странном существе была меховая куртка, плотно обхватывающая его спину и грудь, длинные штаны, узкие, словно трубки, из того же меха, невысокие сапоги из шкуры какого-то желтого зверька и меховой колпак, надвинутый на самые брови, из-под которых, поблескивая, сверкали маленькие, косо расставленные, но отнюдь не злые глазки. Плоский приплюснутый нос, толстые губы и румяные лоснящиеся щеки — все это так и дышало не то недоумением, не то любопытством.

Странное существо смотрело во все глаза на детей. Дети — на странное существо. Потом маленькие глазки звероподобного, благодаря его шкурам, человечка сузились. Лицо расплылось в широчайшую улыбку. Прищелкнув языком, странное существо проговорило ломаным русским языком:

— Твоя, здравствуй! — и закивало меховым колпаком вперед и назад, вправо и влево.

— Здравствуйте! — едва приходя в себя от изумления, произнес Андрюша. — Это вы убили медведя? — тотчас же сделал он вопрос.

— Моя убил, — опять закивал и заморгал глазами маленький человечек, — моя убил. Нымза убил. Великий шайтан¹ помог Нымзе. Лесной хозяин² пришел на чум³ к Нымзе, барана взял, рыбы взял и в лес ушел. Нымза за ним... В тайге догнал, стрелу пускал. Не долетала стрела... Другая пускал... не долетала... топором башка рубил, пополам башка... Помер лесной хозяин!

— Убит, — согласился Андрюша.

— Хорошо убит. Не встанет. Шкуру моя в город к русским понесет. Мясо коптить на шоле будет моя и твоя угостит. Поди на чум к Нымзе, твоя у Нымзы в гостях будет!

И странное существо ободряюще похлопало по плечу Андрюшу.

— Спасибо, что в гости зовешь... Я и эта маленькая девочка устали и голодны... Накорми нас у тебя на чуме... Ты ведь живешь близко? — попросил он странного человечка.

— Моя близко, ошень-ошень близко живет, в тайге живет. Моя — остяк. Нымза — остяк, лето рыба ловит, зимой зверя бьет. Моя давно в тайге живет... Одна живет... Шкуры носит продавать на русские город... Нымза — остяк, но русских любит, хоть великому шайтану и лесным духам молится. Русским Нымза первый друг. Вот убил лесного хозяина Нымза; моя — лапы себе берет, твоя — голову отдаст, сердце и печенку, все самое, ух, вкусная другу отдаст Нымза!

— Спасибо тебе. Сведи нас к себе, голубчик. Девочка устала и голодна, и я тоже, — попросил Андрюша.

¹ Так остяки в Сибири называют своего бога.

² Медведь.

³ Изба, жилище у остяков — племени, населяющего глубь Сибири.

— Твоя сестра? — ткнул бесцеремонно остяк пальцем в Сибирочку.

— Нет. Сиротка, чужая. Помоги нам. А я тебе с медведем управиться помогу.

— Спасибо. Моя согласна. Вот бери нож. Не попорть только шкура. Гляди, как моя работать будет. — И, говоря это, остяк быстро вытащил острый нож из своего мехового сапога. Оттуда торчали еще деревянные стрелы с медными острыми наконечниками, похожими на маленькие кинжалы. Лук болтался на спине охотника. Ружья у него не было, только кривой топорик был воткнут за поясом. Медведь лежал неподвижно с другим таким острым топориком, ловко раздвоившим ему череп.

Нымза подошел к убитому зверю и начал с того, что вынул у него топорик из головы. Черная кровь брызнула из раны. Нымза бросился на колени, приник к голове медведя и с жадностью стал пить теплую кровь.

Сибирочка с ужасом и отвращением смотрела на Нымзу. Она не встречала еще охотников-остяков и не знала их обычаев и вкусов.

Между тем Нымза разрезал ножом под брюхом медведя его теплую шкуру и приказал Андриюше надрезать лапы. Когда мальчик сделал это, охотник без труда снял шкуру с дымившейся еще туши медведя. Потом своим острым топориком отрезал ему голову и четыре лапы, одну за другой. Затем изрубил тушу зверя на четыре куска и, приложив палец к губам, пронзительно свистнул.

Опять затрещали сучья и хворост, и легкий на этот раз шум пронесся поблизости. Прошла еще минута, другая, и из чащи выскочила огромная мохнатая собака, очень похожая на медведя, запряженная в низкие розвальни-сани, в два аршина длины.

Обыкновенно у остяков бывают только маленькие, худенькие собаки — лайки. Но собака остяка была совершенно особенная, из породы больших, сильных охотничьих собак, которые только редко встречаются на далеком Севере. Увидя детей, собака вся оцетинилась было, и ее кровью налитые глаза со злобою покосились на них, а огромные клыки оскಾಲились, но Нымза произнес какое-то слово по-остяцки, и страшный пес тотчас же притих. Теперь он только облизывался и косился на лежавшие куски мяса на снегу.

— Лун почуял вкусное мясо... Лун кушать хочет, — сказал Нымза, снова сморщив свое плоское приплюснутое лицо в улыбку, и похлопал собаку по ее всклокоченной шерсти. Та лизнула его руку и умильно завиляла хвостом. — Моя добычу сейчас класть станет. Пускай Лун везет на путь... Твоя помогай... — коротко ронял Нымза, обращаясь к Андрюше, и, схватив самый большой кусок медвежьей туши, положил его в сани. Андрюша последовал его примеру. Когда последняя лапа мертвого и разрубленного на части зверя очутилась на розвальнях, Нымза снял с себя кожаный пояс и пристегнул им куски к саням. Потом он щелкнул языком, как-то особенно громко свистнул, и Лун, взявшись с места, двинулся в путь, волоча за собой сани в глубь тайги.

— Эк хороша! Хороша собака у Нымзы! — прищелкнул снова языком остяк. — А сейчас моя домой идет, и твоя тоже, и он тоже! — снова бесцеремонно тыкал пальцем Нымза то в сторону Сибирочки, то Андрюши.

Андрюша ласково кивнул ему. Он был рад какому бы то ни было отдыху и покою для себя и своей спутницы и, взяв за руку девочку, бодро зашагал вместе с нею за гостеприимным охотником к его жилищу.

Глава XIII

В чуме Нымзы. — Пиршество. — Из огня да в полымя

— Моя чум близка! — изредка ронял шедший впереди детей остяк. — Сейчас там будем.

Действительно, вскоре мелькнул просвет за деревьями, и небольшая поляна, сбегаящая скатом к лесному озеру, покрытому теперь толстым льдом и запущенному снегом, представилась взорам детей. На самом берегу лесного озера стояло остроконечное остяцкое жилище, книзу широкое, кверху узкое, заканчивающееся шестом. Оно было сплетено из палок, покрытых звериными шкурами. Из небольшого отверстия вверху струился дымок. Остяк распахнул спущенную до пола шкуру какого-то зверя, и дети вошли в открывшееся им отверстие в чум. Посреди чума был устроен шол (так называют остяки очаг, род печурки); в нем тлели уголья и слабо догорал маленький синий огонек. На земляном полу чума лежали кошмы, то есть куски войлока и шкуры оленя и дикой козы, служившие заодно и постелью, и сиденьем. Незатейливая деревянная и глиняная посуда вместе с принадлежностями охоты, кривым ножом, топором и не то копьем, не то багром, висела на стене чума. Тут же в углу лежала и рыбачья сеть, а на небольшой подставке вроде полочки находилась чья-то высеченная из камня, безобразная голова с огромным ртом и торчащими ушами.

Андрюша понял сразу, что это был идол, домашний божок хозяина, которому он молился, как и многие другие остяки-язычники.

— Садись, гостем Нымзы будешь, — произнес любезно остяк и усадил обоих детей на мягкие кошмы.

Потом он выскочил на минуту из чума, распряг Луна и вернулся в сопровождении собаки в жили-

ще, с трудом таща на спине огромный кусок медвежатины. Сибирочка невольно попятилась при виде огромного пса, подошедшего к ней.

— Твоя не бойся... Пускай твоя не бойся, — закивал и заулыбался остяк, — Лун не тронет. Лун умный, не ест человека.

Действительно, Лун обнюхал ноги незнакомых еще ему гостей и преспокойно улегся около девочки, не сводя с хозяина умильного взгляда и тихо повиливая хвостом. Нымза растопил между тем шол, бросив в него сухой травы и валежника, и когда веселый огонек запылал в чуме, он воткнул на железный шест кусок медвежатины и прикрепил его над огнем.

Вскоре вкусный запах жаркого распространился по всему жилищу. Проголодавшиеся дети с восторгом помышляли о вкусном куске медвежьего мяса.

Лун тоже изъяслял некоторое нетерпение. Умный пес был, очевидно, убежден, что хозяин не забудет угостить и его.

Жаркое наконец поспело. Нымза разрезал его на куски, посыпал солью, но прежде чем приступить к пиршеству, снова выскочил из чума и на этот раз вернулся очень медленно и торжественно, неся в руках голову медведя. Внеся ее в жилище, он положил голову на полочку рядом со своим божком-идолом и, присев на корточки перед ним, зашептал что-то по-остяцки и, просидев с минуту, вернулся к шолу.

— Теперь моя знает, лесной хозяин не сердает на Нымзу... Я сказал ему, что только голод и нужда заставили Нымзу-охотника покончить с ним! Великий дух заступится за меня, — довольно улыбаясь, пояснил он детям и роздал им горячие медвежьи куски. Луну он бросил внутренности убитой добычи, и пес с жадностью принялся за них.

Андрюша вспомнил, что его покойный отец, знавший отлично нравы инородцев, рассказывал

ему, что медведь, или лесной хозяин, как его прозывают остяки, почитается у них священным, и хотя его разрешено убивать, но не иначе, как по совершении некоторых обрядов.

Впрочем, Андрюше не пришлось долго думать. Голод, измучивший порядком детей, заставил их уйти всеми мыслями в еду. Куски опаленной огнем и копотью полусырой медвежатины показались им таким необычайно вкусным блюдом, какого ни тот, ни другая, казалось, не ели никогда!

Лун вполне разделял их мнение и с редким аппетитом уничтожал свою порцию тут же рядом. Но вдруг он оставил еду, наострил уши и, глухо зарычав, поднялся с места. Шерсть оцетинилась на нем, глаза налились кровью.

— Кто-то пробирается к чуму, Лун чует, — шепотом пояснил Нымза и, в свою очередь, приподнялся с кошмы, на которой сидел с жирным куском медвежьего мяса в руках.

Дети перестали есть и испуганно переглянулись. Андрюша вскочил первый. За ним поднялась Сибирочка.

— Что, если это Зуб разыскал нас? Надо бежать... — прошептал мальчик и, схватив за руку свою маленькую подругу, ринулся с нею к порогу остяцкого жилища.

В тот же миг с отчаянным криком дети отпрянули назад в глубину чума.

На пороге домика Нымзы стоял Зуб.

Глава XIV

Нымза-предатель и Нымза-друг

— Ага, попались! Вот они где, голубчики! — прогремел страшным голосом лесной бродяга.

Его глаза, налитые кровью, его всклокоченные

рыжие волосы и бледное, перекошенное от злобы лицо — все это было ужасно.

Сибирочка схватила дрожащими пальцами руку Андрюши и так и замерла на месте, впившись глазами, полными ужаса, в страшное лицо своего врага. Лун при виде непрошеного гостя оцетинился еще больше, выгнул спину и прилег к земле, глухо рыча, поглядывая на пришельца и готовясь прыгнуть на него по первому приказанию своего хозяина. Но Нымза цыкнул на Луна и пошел навстречу Зубу.

— Твоя что надо? — спросил он, не без любопытства оглядывая его.

— Вот их мне надо, ребят этих, на расправу мне они нужны! — грозно потрясая кулаками, грубо крикнул Зуб.

— Она моя гость, и она тоже, — не без достоинства произнес остяк, попеременно тыча пальцами то на Андрюшу, то на Сибирочку, — и твоя гость тоже будет; садись на кошма и ешь! — неожиданно заключил он добродушно, похлопав по плечу бродягу, и, отделив с прута при помощи ножа еще кусок мяса, передал его Зубу. Тот с жадностью схватил кусок и принялся есть, забыв все в мире. Несколько минут в чуме раздавалось только громкое чавканье усиленно жующих челюстей. Зуб, казалось, был очень голоден и забыл на время и свою вражду к детям, и задуманную им месть.

Но это лишь так казалось. Едва им был проглочен последний кусок, как он, с бешено засверкавшими глазами, заорал во весь голос:

— Эй, ты, остяцкая образина! Не думаешь ли ты, что куском мяса тебе удастся задобрить меня и я оставлю этих ребят в покое? Нет, брат, шалишь! Я расправлюсь с ними по-свойски... Дай мне их увести отсюда, а не то... — Тут он быстро сунул руку за голенище сапога и, вытащив отту-

да огромный кривой нож, уже знакомый детям, с угрозой поднял его.

Нымза очень хладнокровно взглянул на страшное оружие, потом на детей и спросил Зуба, чуть усмехнувшись своими раскосыми глазами:

— Не пугай, брат русский, Нымзу... Моя не боится... На лесного хозяина пошел, не боится, твоя нож тоже не боится. Лучше толком говори: за что ножом грозишь детям?..

— Они сделали так, что моего отца и брата забрали, чуть не убили их, в тюрьму посадили... И меня бы посадили в тюрьму, да я вырвался и убежал. Мы их с отцом и братом, бездомных сирот, приютили, хлебом их кормили, за своих родных держали, а они, злодеи, на нас же напали, честных людей... Убить их мало, вот что! — глухо, хрипло и злобно вырвалось из уст бродяги.

— Ты лжешь, Зуб! Ты лжешь! — крикнул вне себя Андрюша и, весь дрожа от негодования, выскочил вперед. Его глаза горели, щеки пылали. Он весь трепетал от гнева, злобы и негодования. — Ты лжешь, — крикнул он еще раз, — не мы злодеи, а ты и твой отец с братом хотели погубить человека, а мы...

Андрюша не договорил. Как лютый тигр, Зуб бросился на него, пригнул его к земле и навалился на него всем телом. Казалось, еще минута — и от несчастного мальчика не останется и следа.

Сибирочка с плачем кинулась к бродяге и, рыдая, молила его пощадить ее маленького друга.

Зуб был вне себя от бешенства и злобы. Он не смел на глазах Нымзы покончить с мальчиком и в то же время не мог снести смелой выходки ребенка.

— Стой, приятель, стой! Моя говорить хочет, — неожиданно ударяя его по плечу, произнес остяк, — твоя мальчонка наказать хочет, так пусть твоя накажет, я помогу твоя... Моя с твоя маль-

чонка свяжет и на санки положит... И девушка тоже... Лун в санки впряжет... Твоя с ними сядет и на русская город повезет. Там русская начальник судить будет и наказан будет, кто виноват... Ладно моя говорит? — спросил он в заключение.

— Ладно говорит! — усмехнулся Зуб и, мгновенно поднявшись с пола, освободил Андриюшку.

Тот встал с угрюмо потупленными глазами. Он понял, что взрослому, сильному бродяге легко справиться с ним, с мальчиком, едва достигшим четырнадцати лет. А тут еще Нымза предлагает помощь его врагу... Предатель Нымза!

А Нымза уже нес веревки и крепко скрутил ими руки и ноги Андриюши.

— Твоя не сердись, приятель, — добродушно лепетал остяк, — твоя связать надо, не то убежишь твоя... И она связать тоже... — указал он на Сибирочку. — И в санки положить обоих надо... И Лун запречь... Она, — ткнул он пальцем в Зуба, — на русский город твоя повезет... Там тебя русский начальник судить будет.

Схватив связанного по рукам и ногам Андриюшку поперек тела, Нымза вынес его из чума и положил в санки, поставленные под навесом, сделанным из хвороста и ветвей.

Бессильный и взбешенный, несчастный Андриюша лежал на санях, не будучи в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

«Все кончено, — холодея от ужаса, подумал мальчик, — злодею Зубу удалось уверить остяка, что мы сделали какое-то зло, что мы виновны и нас надо судить. И Нымза предал нас бродяге. Конечно, Зуб не повезет нас в селенье, а завезет в тайгу и там безжалостно зарежет своим огромным ножом. А Нымза и не подозревает этого; он ведь не знает, кто такой Зуб. Что же делать теперь?»

Эти мысли вихрем проносились в голове мальчика и рвали ему сердце.

Нымза между тем, лепеча что-то по-остяцки, торопливо вернулся в чум. Вскоре Андрюша увидел его вышедшим оттуда с Сибирочкой на руках. Девочка была связана тоже по рукам и ногам. На ее бледном личике был написан смертельный ужас.

— Нымза... послушай, Нымза... Он налгал тебе... он виноват, а не мы... Он беглый преступник и злодей... Освободи нас... во имя Бога, Нымза! — прошептал Андрюша, вкладывая в свой голос самую горячую мольбу.

Но Нымза не слушал его. Он молча положил девочку подле на санки, потом свистнул Луна, который и появился из чума в тот же миг. Так же молча остяк стал впрягать в сани свою большую собаку, вовсе не глядя на детей. Казалось, точно ему было стыдно встречаться глазами со взорами своих жертв. Он торопливо покончил работу и поспешил обратно в чум.

Вскоре оттуда послышался его голос, говоривший Зубу:

— Твоя может отдыхать... Твоя спи спокойно... Ребята не ушел... Веревки крепкий... А отдохнет твоя... ехать может... Лун дорога знает... Лун умен... больно умен собака...

— Ладно, усну, притомился я! — послышался в ответ грубый голос Зуба, и за ним последовал сладкий зевок.

Должно быть, вкусный обед и теплота чума разморили бродягу, и его теперь клонило ко сну. Вскоре голоса в чуме затихли, и оттуда послышался один только храп. Воспользовавшись этим, Андрюша тихо проговорил бодрым голосом на ухо своей маленькой подруге:

— Не бойся ничего. Он не посмеет сделать нам зла! — и в то же время с горечью подумал про себя: «Вряд ли он завезет нас далеко... Вернее, он убьет нас тут же, поблизости чума. Как он обманул доверчивого Нымзу! Ну что ж! Когда-нибудь надо

умирать... Жаль только Шуру. Она еще так мала и не видела жизни... Бедное дитя!»

Он с усилием повернул голову в сторону девочки, желая еще раз ободрить ее, и увидел, что она лежит без движения. Сибирочка, очевидно, либо, не подозревая всей страшной опасности, уснула, несмотря на неудобное положение в санях, либо, напротив, от пережитых волнений лишилась чувств.

Короткий зимний день клонился к закату. Было не позднее трех-четырёх часов, а уже сумерки сгущались в тайге. Поднимался резкий ветер. Деревья зашумели кругом. Запряженный в сани Лун дремал стоя. Андрюша тоже закрыл глаза, стараясь забыться.

Вдруг чье-то легкое прикосновение к его плечу разом вернуло мальчика к действительности.

Перед ним в сумерках сгущавшегося раннего вечера стоял Нымза.

В его руках блестело что-то. Андрюша взгляделся попристальнее в этот блестящий предмет и увидел, что это был нож, тот самый нож, при помощи которого остяк несколько часов тому назад на глазах Андрюши так ловко сдирал шкуру с медведя.

Страшная мысль промелькнула в голове Андрюши: «А вдруг Нымза пришел убить их, чтобы сделать приятное Зубу?»

Холодный пот проступил на лбу мальчика, сердце перестало биться.

Остяк наклонился над лежащим и поднял руку.

Андрюша невольно закрыл глаза, шепча молитву. Что-то холодное коснулось его руки... И когда он снова поднял веки, веревки, связавшие его ноги и руки, а также и Сибирочки, были уже в руках Нымзы.

Последний наклонился к самому уху мальчика и, широко улыбаясь своим плоским, широким, как луна, лицом, заговорил быстро-быстро:

— Нымза — твоя приятель... Нымза — твоя друг... Нымза знает, что там (он указал рукою по направлению чума) спит злодей... Злодей хотела убить твоя и девушка, но моя спасла. Моя решил: надо связать и положить ваша в санки, надо, чтобы злодей видал, как ему помогают, и уснул спокойно... А теперь вот что: бери вожжи... Твоя поедет. Лун повезет. Лун дорогу знает на русский поселок. Там машина ходит. Машина на Тобольск пойдет... С Тобольска на русский землю дальше

можно поехать... Ну, твоя прощай... Девушка, прощай тоже... Счастлива дорога... На поселке Лун пошли обратно... Он уж сам дорогу знает. А моя злодею скажет: «Убежали оба и Лун украли». Вот хорошо! Прощай!

И, охваченный радостным оживлением, добрый остяк погладил по голове Андрюшу, потом Сибирочку, недоумевающе, спросонья таращившую глазенки. Затем, попробовав упряжь на Луне, обнял его лохматую голову и долго шептал ему что-то по-остяцки прямо в мохнатое ухо. Лун точно понял, что ему шепнул его хозяин, разом взял с места как встрепанный и не хуже любого коня помчался вскачь, унося привязанные к нему санки с двумя детьми.

Андрюша оглянулся назад: ему хотелось поблагодарить великодушного Нымзу, хотелось выразить ему все, что он чувствовал к своему спасителю в эту минуту; но когда он посмотрел назад, ни чума, ни Нымзы уже не было видно. Одна глухая тайга шумела позади него.

Глава XV

Пурга. — Новая опасность. — У цели

— Какой он добрый! Какой великодушный! Он не побоялся даже дать нам все свое богатство: и Луна, и санки, — говорил Андрюша Сибирочке, предварительно рассказав девочке про поступок Нымзы. И тут же он смолк смущенно, вспомнив, как заподозрил благородного остяка в сообщничестве с бродягой Зубом, как он испугался его ножа, когда тот пришел этим ножом перерезать веревки и дать им свободу...

Лун между тем не убавлял ходу, несмотря на то что ночь сгущалась и в тайге воцарялась посте-

пенно полная тьма. Он, со свойственной охотничьей собаке чуткостью, отлично выбирал дорогу, минуя деревья, выраставшие на каждом шагу, как огромные черные призраки.

Но вот неожиданно поднялся ветер, затрещали вершины великанов дубов, посыпались старые гнилые сучья. Поднялась метель-пурга и закружилась по тайге, вырывая снежные хлопья и носясь с ними по лесу.

— Какое несчастье, — произнес Андрюша, — теперь нам вдвое труднее добраться до поселка. Пурга разыгралась не на шутку, и бедному Луну будет очень тяжело везти нас.

— Да, — согласилась Сибирочка, — и потом, ты не чувствуешь, что страшно холодно стало в лесу?

Действительно, стужа усилилась настолько, что даже привыкшим к студеному климату Севера детям она становилась все же не под силу. Мороз крепчал с каждым часом. С каждой минутой усиливался ветер. Все быстрее и быстрее кружила пурга. Ее злобный свист и дикий хохот жуткими, чудовищными голосами наполнили лес...

Дрожа всем телом, прозябшие дети жались друг к другу, стуча и лязгая зубами.

— Скорее бы, скорее добраться до жилья... Лун, голубчик, выручай из беды, родимый! — уже не опасаясь испугать свою маленькую спутницу, вслух говорил Андрюша.

Скрывать было нечего теперь. Сибирочка не хуже мальчика понимала грозившую им опасность. Замерзнуть в лесу и быть заживо погребенными пургой! О, какое новое страшное испытание посылала им судьба.

— О, если бы добраться только до поселка, — говорила она, с мольбою складывая онемевшие ручонки и поднимая к темному небу молящие глаза, — только бы выбраться из этой ужасной

тайги, доехать до машины... Мы никогда не вернемся сюда больше... Мы уедем в Петербург, Андрюша, к тете Аннушке, как велел дедушка... Попросим добрых людей дать нам на дорогу и уедем, — еле ворочая языком, роняла она.

— Нет-нет, просить не надо... На дорогу нам с тобою хватит денег, — также с трудом отвечал Андрюша. — Покойный отец оставил мне немного денег, умирая. Я ношу их всегда с собой... Они зашиты в подкладке моей куртки. Я так боялся, чтобы Палец с сыновьями не отняли их у меня. Нам хватит этих денег на дорогу... Лишь бы добраться до поселка. От него рукой подать до машины, а там в Тобольск, оттуда в Петербург к твоей тетке! Да... да!

— А ты поедешь со мною? — робко произнес под ухом Андрюши трепещущий, охрипший голосок. — Поедешь тоже к тете Аннушке?

Андрюша крепко обнял девочку.

— Я с тобой никогда не расстанусь, Шура! Ты будешь моей маленькой сестренкой. Отныне я всегда останусь твоим защитником и другом. Ведь мы оба сироты и оба одиноки... Сам Господь свел нас с тобой, — решительно проговорил мальчик и ласково взглянул в посиневшее от стужи личико своей спутницы.

Между тем Лун невольно замедлял все больше и больше шаг. Пурга свирепо наскაკивала на несчастное животное, хлопья снега слепили ему глаза, ветер, бросаясь под ноги, мешал бежать вперед. Пена комками катилась изо рта коня-собаки. Он едва передвигал ноги. Его шаг становился все медленнее и медленнее теперь. Наконец он остановился совсем и, силясь оглянуться на детей, громко, протяжно завыл. Андрюша весь встрепенулся, точно очнувшись от тяжелого сна.

— Я знаю, что делать, — стараясь говорить бодро, произнес он, лязгая зубами. — Я отпрягу Луна

и пуцу его одного. Привяжу только к его шее мой пояс. Он доберется до поселка и приведет к нам людей... Они успеют найти нас, пока мы не замерзнем! Не правда ли, Шура?

— Делай что знаешь. Ты такой умный и большой! — прошептала девочка, сонливо склоняя на плечо Андрюши свою отяжелевшую головку.

Мальчик, с трудом двигая заочевенными ногами, вылез из саней и трясущимися, холодными, как лед, скрюченными пальцами стал отвяывать веревочную упряжь Луна. Потом он ласково обнял одной рукой умную собаку, другою с трудом отстегнул на себе пояс и перекинул как ошейник через голову животного. Умный пес понял, казалось, чего от него хотели. Он ласково взвизгнул, лизнул руку Андрюши, в котором чуял теперь своего временного хозяина, и, блестя в темноте глазами, с громким лаем исчез за деревьями тайги.

Андрюша медленно вернулся к саням. Его тело ныло, разбитое стужей. Глаза слипались, голова кружилась, и все мысли путались в ней. Он взглянул на Сибирочку, лежавшую неподвижно на санках. Во тьме наступающей ночи ее лицо смутно белело. Он притронулся к нему рукою. Оно было холодно и неподвижно.

— Замерзла! — воплем вырвалось из груди мальчика. — Замерзла! Оттереть ее надо снегом... Надо отогреть во что бы то ни стало! — лепетал он коснеющим языком и нагнулся к ней исполнить свое намерение... Но тут в голове у него вдруг зазвенело, страшная сонливость сковала все существо, и мальчик, обессиленный, упал на снег рядом со своей маленькой подругой.

А пурга по-прежнему все шумела, все бесилась и громко свистела над головами двух замерзающих детей...

Часть II

МАЛЕНЬКАЯ УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

Глава I

В огромном городе

— Петербург! Приехали!

— Уже приехали, дяденька?!

— А ты бы еще хотел ехать, мальчуган?

И высокий плечистый кондуктор, добродушно ухмыляясь, похлопал по плечу Андрюшу.

— Никак, короток путь от Тобольска показался тебе, паренек? — прибавил он с ласковым смехом.

Путь от Тобольска до Петербурга не мог ни в каком случае уставшим и измученным за дорогу детям показаться коротким. Добродушный кондуктор шутил, говоря это; но ни Андрюша, ни Сибирочка, приютившиеся в уголке вагона, не

могли отвечать шуткой на шутку. Чужой, незнакомый им город, мелькавший вдалеке огромными домами, церквами, высокими трубами фабрик и заводов, — все это было так малознакомо, так чуждо для детей, выросших в тишине дремучей тайги и маленьких крестьянских поселков! К тому же они ехали не только в чужой город, но и в чужую семью, в семью какой-то тети Аннушки, которую Сибирочка знала только по рассказам покойного деда да по ее редким письмам из Петербурга, а Андрюша и вовсе не знал этой тети.

Прошло около двух месяцев с той минуты, как замерзших до полусмерти детей отыскал умница Лун, приведший за собою толпу людей из селения. В это селение остяк Нымза частенько возил на продажу рыбу и зверей, и в поселке хорошо знали коня-собаку лесного охотника. Завидя Луна с привязанным на его шее поясом, обитатели селения решили, что Нымза погибает где-нибудь в тайге, сбившись с дороги, и с фонарями кинулись его разыскивать в лесу. Благодаря сильно развитому чутью того же Луна детей удалось скоро найти. Их тотчас же оттерли снегом, завернули в овчинные полушубки и, со слабыми признаками жизни, привезли на том же Луне в поселок.

Здесь их уложили в теплой избе на полати, дав им выпить по глотку крепкой сибирской водки с чаем. Потом, когда они пришли в себя, их накормили и снова напоили горячим... К этому времени отдохнул и Лун, плотно закусив, в свою очередь, овсяной похлебкой, и отправился домой к своему хозяину, в тайгу, благо, стихла пурга и зимняя ночь сменилась к тому времени утренним рассветом. Дорогу из поселка в тайгу умный пес знал отлично.

Дети прожили и отдохнули в селе у гостеприимных крестьян, а когда окончательно поправились и запаслись силами, пустились в путь, в далекую и чуждую им столицу...

Поезд с пыхтением и шумом подкатил к платформе.

— Ну, вот и доехали... Больше, стало быть, не повезут. Баста! — пошутил снова кондуктор, глядя на смущенные личики детей.

Те, видя, какая суматоха поднялась в вагонах, смущенно забились в угол, глядя оттуда растерянными глазами на всю эту сутолоку. Рядом с ними особенно торопилась собирать свои узелки и мешочки какая-то старушка. Дальше плакал ребенок, испуганный суетою. Трое чернорабочих, толкая публику, протискивались к выходу.

— Пойдем и мы, — произнес Андрияша и, взяв за руку Сибирочку, стал пробираться с нею из вагона.

Вот и платформа. Здесь суматоха еще больше, нежели в поезде. Бегут носильщики, бежит публика — все стремятся куда-то вперед. В узком проходе набралась целая толпа. Толкая друг друга и громко разговаривая, все высыпали на подъезд вокзала. Андрияша с Сибирочкой двинулись следом за остальными.

Длинная широкая улица, огромные высокие дома, магазины с зеркальными стеклами, конки и трамваи, нарядные экипажи и та же суетливая публика — все это разом представилось их глазам.

Свистки, звонки, стук колес и шум столичного города оглушили их. Они остановились как вкопанные посреди улицы, не зная, куда идти, в какую сторону направить шаги.

— Эй, берегись! Чего рот разинули! — послышался резкий окрик за плечами детей, и едва успели они отскочить немного в сторону, как мимо них промчалась великолепная коляска, забрызгавшая их грязью с ног до головы.

Почти одновременно с этим, как из-под земли, выросла перед детьми фигура полицейского.

— Что под лошадь лезешь? Не видишь разве? Гляди еще за вами!.. Есть время тоже!.. Смотри в полицию отправлю! — накинулся полицейский на Андриюша.

Тот смотрел смущенно и по-прежнему крепко сжимал руку Сибирочки, точно боясь, что ее отнимут у него.

Городовой мельком взглянул на детей и отошел к своему посту.

— Пойдем же, а то он опять рассердится! — шепнул Андриюша своей спутнице. — Повтори мне еще раз, где живет тетя Аннушка.

— Карская улица, дома номер два квартиры номер пять, — проговорила Сибирочка давно наизусть заученный ею со слов деда адрес тетки.

— Вот и отлично. Спросим, где находится Карская улица, — внезапно оживившись, произнес Андриюша и, подойдя к тому же городовому, спросил: — А не знаете ли, дяденька, где здесь Карская улица будет?

— Здесь нет такой! — ответил, точно отрубил, полицейский. — Есть такая на другом совсем конце столицы, на Выборгской стороне, далеко отсюда. На конке либо на трамвае ехать туда надо.

Андриюша вздохнул. Ехать на конке им было не на что. Последний двугривенный он истратил сегодня на еду Шуре и себе. Купил ей в поезде яиц, пирожков, хлеба. Теперь у него оставалось только две копейки и больше не было ни гроша. Деньги, скопленные для него бедняком отцом и врученные сыну незадолго до смерти, все вышли на дорогу из Сибири в Петербург.

Но Андриюша не растерялся.

— Вы только путь укажите, дяденька, а уж мы доберемся как-нибудь! — смело потрянув головою, обратился он снова к городовому, с полной готовностью идти хоть на край света.

Тот подробно объяснил дорогу на Выборгскую сторону, и дети бодро и весело пустились в путь.

Глава II

Тяжелое разочарование

Улица за улицей. Переулок за переулком. О, сколько этих улиц и переулков! Нет им, кажется, ни счета, ни числа. И всюду огромные дома и роскошные магазины с заманчиво разложенными в витринах товарами! Глаза у детей разбегались при виде этих витрин, этих товаров. Ничего подобного им не приходилось еще встречать в жизни. Поневоле они останавливались перед каждым окном, перед каждой витриной и подолгу любовались невиданным еще им зрелищем. Между тем быстро наступал вечер. На улице начинало темнеть. Зажглись электрические фонари, и город сразу принял праздничный вид.

Вскоре показалась нарядная набережная и начинавшая освобождаться от своего зимнего ледяного покрова петербургская красавица река Нева.

Сибирочка устала. Маленькие ножки девочки, успевшие отвыкнуть от движения за продолжительное время путешествия из Сибири, начинали болеть. На большом мосту, перекинутом через реку, они и совсем отказались служить. Заметив это, Андрюша, не говоря ни слова, поднял девочку на руки и понес.

— Помнишь, как тогда, в тайге? — напомнил он ей шепотом и улыбнулся.

Сибирочка только молча прижалась к нему. Бодро шагая своими сильными ногами, Андрюша миновал мост и вступил на другой берег Невы, всюду по дороге расспрашивая, как добраться до Карской улицы. Здесь уже не было таких огромных домов и блестящих магазинов, а если и были, то они шли вперемежку с маленькими деревянными двухэтажными домами. Вскоре и этих маленьких деревянных домиков стало попадаться

все меньше на пути. Андрюша с Сибирочкой наконец вступили в узкую, бесконечно тянущуюся в длину улицу. Чем дальше углублялись они в нее, тем она становилась все пустыннее и глуше. Наконец улица повернула в узкий переулок и прямо уперлась в какой-то забор. Два-три покосившиеся дома составляли все жилища этого захолустья.

Андрюша поднял голову и прочел надпись на углу одного из них:

— Карская улица!

— Здесь! Здесь живет тетя Аннушка! — разом оживилась и обрадовалась Сибирочка и легко соскользнула с рук своего друга.

— Дом номер два, — прочел Андрюша, — как раз этот... Пойдем!

И они быстро направились к воротам покосившегося деревянного домишки.

Минуя ворота и грязный двор, они вошли не то в коридор, не то в какие-то сени и очутились в полной темноте. Дети стояли, не зная, что предпринять, как неожиданно яркая полоска света прорезала тьму. Какая-то дверь отворилась подле, и расстрепанный человек с сапожной колодкой в руке появился на пороге.

— Вам чего надо? Чего шляетесь по чужим квартирам? Нищие, что ли? Нищим мы здесь не подаем! — крикнул он резким и грубым голосом.

— Нет, мы не нищие, — заторопился пояснить сердитому человеку Андрюша, — мы тетюшку Аннушку, Анну Степановну ищем. Она здесь живет?

— Анна Степановна Вихрова? Коли она, так у меня комнату снимает, — смягчился незнакомец. — Ступай сюда... Родные вы ей, что ли? — коротко бросал он на ходу.

— Она вот родная... — указал Андрюша на Сибирочку. — Ее отца внучка, а я чужой... Укажите, дяденька, как нам к тетке-то пройти...

Сердитый человек с колодкой пошел вперед, ворча себе под нос что-то. Дети последовали за ним. Они переступили какой-то порог, где их охватил запах кислой капусты и какой-то затхлости. Несмотря на густые клубы дыма и чада, дети увидели, что они находились в чьей-то грязной кухне. Здесь хлопотала у плиты какая-то женщина. Двое ребятишек держались за ее подол. В углу кухни, сидя в поленьях, два дюжих парня трудились над сапожной работой.

— Анна Степановна! Гости к тебе! — грубым голосом крикнул хозяин квартиры и, широко распахнув небольшую дверцу, обитую рваной клеенкой, легонько толкнул в нее детей.

Андрюша и его спутница очутились в небольшой светлой комнате, большую часть которой занимала кровать, накрытая белым пикеиным одеялом, с грудой подушек на ней. В углу стоял, прислоненный к стене, клеенчатый диван. Перед диваном стол, покрытый репсовой скатертью, и несколько кресел. Огромный сундук в одном углу, комод — в другом и киот с образами составляли все убранство комнатки.

Посреди комнаты стояла женщина в темном домашнем платье, с гладко причесанными волосами, с худым желтым лицом и с пронырливыми, маленькими, как у мыши, бегающими глазками. Эти бегающие глазки горели нездоровым, лихорадочным огнем.

Увидя на пороге появившихся детей, женщина невольно попятилась в глубину комнаты и замахала руками, причем лицо ее сделалось красным как рак.

— Нищих не пускаю... не подаю нищим!.. Сама нищая... сама голодаю!.. — закричала она и вдруг решительно направилась в угол, где стоял сундук, и, опустившись на него, схватилась руками за его края.

— Мы не нищие... мы в гости... жить то есть... — смущенно проронила, выступая на этот раз вперед, Сибирочка. — Я от дедушки Михайлыча из Сибири... Дедушка умер, а перед смертью велел ехать к тетушке Анне... Ведь вы тетя Аннушка Вихрова будете? Ну вот, значит, к вам. А я Сибирочка... Шура, о которой вам так часто писал дедушка... Сибирочка, дедушкина внучка... И я приехала к вам жить... Я и Андрюша, мы оба приехали... Здравствуйте, милая тетя Аннушка.

И, говоря это, Сибирочка протянула руку женщине.

Глаза женщины широко раскрылись, выражая ужас. На щеках вспыхнул яркий румянец. Она, очевидно, сильно испугалась чего-то. Глаза-щелки загорелись ярче. Дыхание с шумом вырывалось из ее впалой груди.

И вдруг она как безумная вскочила с сундука, на котором сидела, и, схватив за плечи девочку, стала трясти ее изо всей силы.

— Вон! — задыхаясь от бешенства, закричала она. — Вон, лгунья, попрошайка, воровка, нищенка! Никакой Сибирочки я не знаю и знать не хочу... Какое мне дело до чужой девчонки, попрошайки! Чтобы духу твоего не было здесь!.. Вон отсюда сию же минуту, или я...

Тут она с такой силой отшвырнула от себя испуганную насмерть девочку, что, если бы не подхвативший ее вовремя Андрюша, бедняжка Сибирочка больно-пребольно ударилась бы головой о косяк двери.

— Не смейте трогать Шуру! Как вам не стыдно, — крикнул, вне себя от гнева, мальчик, — попробуйте только обидеть ее, и вы будете иметь дело со мною!

Его голос звучал твердо, как у взрослого, брови грозно сдвинулись над сверкающими черны-

ми глазами. Гнев и негодование отразились на красивом мужественном личике.

Этот грозный вид юного защитника привел женщину в окончательное бешенство. Со сжатыми кулаками, бледная от злости и раздражения, она кинулась на него.

— Вон, сию же минуту вон, гнусные попрошайки, лгуны, нищие!.. Ишь чего выдумали! Из Сибири приехали! Я вам покажу Сибирь! Я вас от-

правлю в полицию, негодные этакие! — неистово продолжала она свои отчаянные крики.

И, окончательно выходя из себя и размахивая руками, готова была ударить Андрюшу, как неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вбежал мальчик, закутанный в широкий теплый плащ, стройный и тонкий, лет четырнадцати-пятнадцати на вид. Поверх плаща лежали его кудри, пышно струившиеся по плечам из-под какой-то необычайного фасона бархатной шляпы-берета. Когда мальчик проворным движением сбросил с себя плащ, а затем пальто, Андрюша и Сибирочка невольно вскрикнули от изумления. На мальчике был надет какой-то странный костюм из розового вязаного шелка, облегавший все его тело так плотно, что оно казалось совсем лишенным одежды. Только коротенькие зеленые шелковые панталоны с блестками закрывали его бедра и часть ног до колен. На ногах мальчика были надеты высокие кожаные сапоги, ничего общего не имевшие с его странным нарядным костюмом.

Глава III

Никс решает дело

— А вот и я! Только что кончилась репетиция в театре, и я приехал к тебе. Не успел даже переодеться. Очень спешил. А ты опять сердисься, матушка? Перестань, ведь это вредно тебе... — произнес странный мальчик и тут же, окинув недоумевающим взглядом незнакомых ему детей и небрежно кивнув в их сторону головою, спросил: — А эти откуда?

Анна Степановна Вихрова, так звали женщину, бросилась к сыну.

— Это маленькие попрошайки, дармоеды, — взволнованно залепетала она, — бог знает откуда

прослышавшие про покойного моего отца, который умер в Сибири, явились сюда и хотят навязаться нам в нахлебники... хотят отнять у нас последние крохи... они... они...

Тут Вихрова так сильно закашлялась, что не могла говорить больше.

— Полно, пожалуйста, матушка! Тебе нечего волноваться даром... Дай мне поговорить с детьми. Я все устрою... только ты-то не горячись. Ты мешаешь своими криками сообразить, в чем дело! — не совсем вежливо по отношению к матери произнес с гримасою розовый мальчик, стараясь и тоном своей речи, и манерами изображать взрослого.

Затем, подойдя к Сибирочке, он резко спросил:

— Ты откуда еще явилась?

Сибирочка хотела ответить и не могла. Ее смущение росло с каждой минутой. Тогда Андрияша, видя колебание своей подруги, ответил за нее:

— Это Шура, или Сибирочка. У нее умер дедушка... Осталась одна тетя Аннушка, о которой ей много говорил покойный дед... вот она и приехала к ней из Сибири по его желанию, как только он умер. Вот и все.

— Мы знаем, что дедушка умер в Сибири, замерз в тайге, и что даже не нашли его трупа, — произнес сухо мальчик, — об этом нам писали уже. Но у него не могло быть никакой внучки. Правда, был когда-то приемыш — девочка, но он прислал ее к нам, как только узнал, что ее разыскивают ее родители, и мы отдали девочку отцу, который оказался очень знатным баринном. Но больше у него не воспитывалось детей. Это так же верно, как меня зовут Никсом Вихровым, и вы только напрасно приехали сюда. Теперь, я думаю, вы сами это понимаете. Что же вам нужно больше? — заключил он резко, почти грубо, свою речь.

— Вы правы... нам больше ничего не нужно, — отвечал Андрюша, в то время как у Сибирочки хлынули слезы из ее синих глаз.

— Нам ничего не нужно, — уже насмешливо и бодро продолжал Андрюша, — и мы уйдем сейчас отсюда. Должно быть, дедушка Шуры не предвидел, что у него такие недобрые дочь и внук из Петербурга, а то бы он не посоветовал ехать к ним своей милой Сибирочке... Ну, да Бог милостив, и мы не пропадем с нею нигде. Не правда ли, Шура? — обратился он ласково к девочке.

Та только кротко взглянула на него сквозь слезы.

— Прощайте. После такой встречи нам действительно нечего оставаться у вас, — произнес Андрюша с горькой усмешкой. — Пойдем, Шура! Не плачь, мы уже как-нибудь устроимся, — шепнул он на ушко тихо всхлипывающей девочке и повел ее из негостеприимной комнаты, куда с такими надеждами они стремились несколько минут тому назад.

Тетка Анна и розовый мальчик, назвавший себя Никсом, остались одни.

С минуту длилось молчание. Никс первый прервал его.

— Матушка, мы скверно поступили, — произнес он.

— Чем скверно, дитя мое? — спросила Вихрова, и ее резкий, грубый голос зазвучал теперь неожиданно ласково, почти кротко в разговоре с сыном.

— А то скверно, что мы попадемся и пропадем ни за грош, если эти глупые ребята будут снова по городу и всем и каждому рассказывать о своей судьбе. Лучше бы было их прибрать в сторонку. Ты напрасно встретила их такую бранью и криками. Уже это могло показаться подозрительным детям. И еще напрасно я им сказал про бывшую у нас девочку...

— Но что же было делать, Николаша? Я так испугалась при виде ее, этой девчонки, которая, судя по письму, полученному нами из поселка, считалась пропавшей без вести после гибели моего отца... И вдруг она воскресает снова и появляется здесь, когда... когда... О, Боже мой! Да ведь с одним ее появлением здесь может рушиться все наше счастье!

Женщина говорила в страшном волнении и вся дрожала как в лихорадке.

— Ну, до этого еще далеко, положим... А знаешь, я вот что придумал, мама! — снова заговорил мальчик. — Девочка эта хороша, как картина. Таковую смазливую рожицу давно уже разыскивает мистер Билль... Появление такой девочки в клетке диких зверей вызвало бы бурю восторга среди публики... Кстати, мистер Билль этой осенью уезжает со своими львами... Я не могу последовать за ним. Ты меня не отпустишь, да и ни к чему даже. У тебя достаточно денег лежит в твоём сундуке благодаря щедрости нашего благодетеля... Мы уедем куда-нибудь подальше, купим себе небольшую усадьбу и заживем припеваючи... А девчонка эта могла бы поступить в наш театр, к укротителю львов мистеру Биллю. Таким образом мы избавимся от нее и от всяких неприятностей с нашим благодетелем и сделаем приятное мистеру Биллю, которому, я уверен, придется по сердцу это дитя. Мы же, как только моя служба в театре окончится этой осенью, уедем подальше. Деньги у нас есть, и жалеть нам здесь некого, — докончил он свою речь тоном, не допускающим возражений.

— Как некого? А наша бедная Сашута? Ты забыл о ней? — с упреком в голосе проговорила Вихрова, обращаясь к сыну.

— Полно, матушка, что за нежности такие! Сестра Саша устроена отлично. Я первый не прочь

быть на ее месте. Тебе ли заботиться о ней?! Наконец, когда благодетель умрет, Саша узнает всю правду и вернется к нам богатой наследницей. Разве это худо?

— Хорошо, Николенька, чего уж лучше! Лишь бы только мне не умереть раньше князя! — задумчиво проговорила женщина.

— О, ты будешь жить еще сто лет, матушка! — весело вскричал Никс. — Свежий воздух в имении, где-нибудь на юге, восстановит твои силы. Только надо устроить это дело с детьми, и как можно скорее! Не дай Бог, чтобы кто-нибудь узнал о нас настоящую истину... Тогда мы пропали... Я беру это на себя. Я попрошу мистера Билля взять девочку, а мальчугана рекомендую директору театра «Развлечение». Он даст ему место, ну, хотя бы простого служителя на первых порах... А там мистер Билль уедет в начале осени в Америку, и ты избавишься навеки и от этой, как снег на голову упавшей к нам, Сибирочки и избежишь большой неприятности. Не правду ли я говорю?

— Ты всегда говоришь правду, мой милый мальчик. Ты всегда прав! — проговорила Вихрова и поцеловала сына, который очень неохотно принял этот поцелуй.

— Ну-с, а теперь я побегу догонять этих дурней! А ты приготовь им поесть что-нибудь, матушка. На пустой желудок, измороженных и усталых, их нечего и думать вести ни к мистеру Биллю, ни к директору театра. Таких усталых заморышей ни тот, ни другой не возьмет!

И, говоря это, мальчик, которого звали в одно и то же время и Никсом и Николенькой, накинул пальто поверх своего странного костюма, закутался в плащ и, бодро насвистывая себе под нос какую-то веселую песенку, вышел из комнаты.

Глава IV

О том, что было пять лет тому назад

Никс скрылся за порогом двери, а Анна Степановна Вихрова погрузилась в тревожные думы. То, о чем она думала, случилось ровно пять лет тому назад.

Был такой же мартовский вечер. Она возвращалась с кладбища домой. На кладбище она только что похоронила мужа, который, будучи портным, кормил до своей смерти семью. Теперь одинокая вдова осталась с детьми без куска хлеба...

С нею шел ее десятилетний сын Николай и четырехлетняя дочь Саша. Весь путь от кладбища к дому Анна Степановна продумала горькую думу: что она будет делать теперь? Чем прокормить детей? Если бы ее отец находился с нею, ей было бы значительно легче. Он бы научил ее своим советом. Но отец находился в далекой Сибири и весь отдался воспитанию той маленькой девочки, которую так чудесно нашел в лесной чаще. Об этой девочке он писал постоянно в своих письмах и просил дочь в случае его смерти принять ее к себе.

Пока был жив муж Анны Степановны, всей семье Вихровых жилось недурно. Теперь невольно приходилось голодать. Правда, старик отец научил Анну Степановну переносить нужду, но о нужде ей меньше всего хотелось думать. Все ее мысли были прикованы к детям, которых она любила безумно. Что будет с ними теперь, после смерти отца?

«Надо идти на место — служить горничной или няней, — решила она тут же, — а детей отдать в приют».

Но мест, где требовались няни или горничные, Вихрова не знала и, помня, что очень часто в га-

зетах публикуются требования на прислугу, купила газету по дороге и принесла ее домой.

Каково же было удивление Анны Степановны, когда она, раскрыв первый лист объявлений, прочла:

«Убитый горем отец, недавно приехавший из-за границы, где он лечился четыре года в лечебнице нервных болезней, убедительно просит еще раз добрых людей сообщить ему о маленькой дочери, четыре года тому назад оставленной на сибирской лесной дороге привязанной к дереву ради спасения ее от волков и исчезнувшей неизвестно куда на следующее утро».

Тут же, дальше, описывались и приметы девочки, и ее одежда, и золотой крестик на ее груди с надписью; «Спаси, Господи, рабу твою Александру». Значился и адрес очень богатого и знатного барина, жившего здесь же, в столице.

Анна Степановна пришла в большое волнение, прочитав эту заметку. Она сейчас же решила, что приемная внучка ее отца и была та знатная малютка, которую теперь, по прошествии четырех лет, разыскивал ее несчастный отец. Первой мыслью было пойти по напечатанному в газете адресу и сообщить отцу девочки, что его дитя находится в Сибири, у старого Степана Вихрова, птицелова сибирских лесов. Но вдруг новая мысль осенила внезапно голову Вихровой. Эта мысль была очень смела и преступна. «Что, если выдать за малютку, дочь богача, мою собственную дочурку Сашу? — вихрем пронеслось в мозгу женщины. — Саша такая же белокуренькая, нежненькая, как настоящая барышня, и зовут ее так же, и лет ей столько же от роду. Все равно отец никогда не приедет сюда с девочкой, а если и приедет, то никому и в голову не придет искать у него ребенка. А Сашу можно осчастливить этим навек. Только надо вбить в голову четырехлетней крош-

ке, что она не родная дочь и что ее привезли из Сибири, где она была у деда с самых младенческих лет. Надо научить ее говорить это людям ради ее же пользы. Богатый и знатный барин награждает ее, Анну Степановну, да еще к тому же ее Сашута будет воспитываться как барышня, будет ходить в шелку и бархате, жить в роскоши и довольстве. И никто не узнает, что Сашута вовсе не та девочка, которую оставили в Сибири...»

Задумано — сделано.

Поделившись этой мыслью со своим десятилетним сынишкой и строго-настрого наказав ему молчать обо всем, Вихрова приодела и приумыла свою Сашутку и, наказав ей, как вести себя, повела малютку по указанному в газете адресу. Ее тотчас же привели к молодому еще, но уже с заметной сединой в волосах, господину, и едва она успела рассказать ему, как ее отец нашел в Сибири, в лесу, привязанного к дереву ребенка и что этот ребенок и есть Сашута, как господин, не помня себя, с рыданием заключил в объятия девочку.

Он целовал ее без счета и твердил одно:

— Она! Она! Такая же нежненькая, белокурая... Девочка, родная моя! Наконец-то я нашел тебя! — И он проливал без конца радостные слезы.

— Доподлинно она, сударь, — самым искренним тоном подтверждала Вихрова. — Мне ее мой отец три года назад привез из Сибири... И крестик был у нее с надписью: «Спаси, Господи, рабу твою Александру». Да крестик-то мы продали в тяжелую минуту, когда нужда была... Девочка три года жила у нас и не знала вовсе, что не родная она дочь мне и мужу... Берегли и лелеяли мы ее не хуже родного сына... Хотели в газете печатать об этом, да не знали, как это сделать, да, признаться, и сами привязались к девочке — жаль было ее возвращать.

— О! — произнес господин. — Вы и не нашли бы тогда меня. Я только недавно вернулся из-за границы, где лечился четыре года после смерти жены и потери дочери, которую вы теперь возвратили мне! Я был очень болен, но особенно мучился я при мысли, что сам был виновником гибели моей дочурки... Я взял ее с собою в поездку, несмотря на хрупкий возраст моего ребенка, я повез ее к моему другу, который жил в Сибири. И вот в дороге на нас напали волки. Я был убежден, что погибну, и хотел спасти ребенка от смерти. О, дитя мое, дорогое дитя!..

И он снова со слезами обнял недоумевающе глядевшую на него Сашуту Вихрову, которую вполне принял за свою пропавшую дочку, целовал и ласкал Сашу и благодарил Анну Степановну.

Потом он щедро наградил Вихрову, прося во всякое время навещать девочку, которую он оставил у себя.

Он осыпал ласками и подарками свою мнимую дочурку, приставил к ней нянюшек, бонн, гувернантку, одел ее, как куколку. Словом, для бедной маленькой Саша наступило райское житье.

Осчастливленная таким оборотом дела, Анна Степановна вернулась домой. Все улыбалось ей теперь. Ее маленькая дочурка Саша будет важной и богатой барышней, а она сама, ее мать, с сыном Николаем не увидит более нужды.

Но некоторая доля страха не оставляла ни на минуту душу Вихровой. А что, если люди узнают об ее поступке? Что, если как-нибудь дойдет это до ее отца в Сибирь?

Ведь это такое огромное преступление — выдача одного ребенка за другого!

И, волнуясь этим вопросом, она тут же написала отцу, что ее дочь Саша умерла будто бы тотчас же после смерти мужа. Этим Вихрова надеялась, так сказать, «спрятать концы в воду» —

скрыть подмену девочки. Затем надо было скрыть от людей, что у нее появились большие деньги, подаренные ей знатным господином. И вот Анна Степановна решила отдать сына до поры до времени директору театра «Развлечение», который охотно принял красивого, сильного и ловкого мальчика в свою труппу. Директор передал его в обучение своему компаньону, держателю дрессированных львов, англичанину мистеру Биллю, дававшему в театре «Развлечение» представления со своими дрессированными львами.

И мистер Билль сделал мальчика укротителем львов, переименовав его из Николаши Вихрова в «мосье Никса». Способному и сильному юноше платили жалованье, как взрослому. На это жалованье они жили с матерью, а все то, что получалось от «благодетеля» (как мать и сын называли между собою мнимого отца Сашу), Вихрова прятала в большой сундук впредь до лучших времен.

— Как умрет благодетель, Сашу возьмем к себе и заживем спокойно, — говорила она не раз сыну и тяжело вздыхала при этом.

Пока же Анна Степановна копила деньги, отказывая себе во всем и ютясь в скромной комнатке у сапожника-хозяина, на краю города. Страх, что ее проступок откроется, делал Вихрову нервнее и болезненнее с каждым днем. Она не спала по ночам. Совесть мешала ей жить спокойно. А тут еще разыгралась болезнь, унаследованная ею от отца. Анна Степановна стала кашлять и ощущать сильные боли в груди. Ей необходимо было переменить свою скромную комнатку на более просторную и удобную, но она не решалась. Она боялась, что люди допытаются, откуда у нее деньги, выдадут ее тайну, и тогда их благодетель прогонит ее Сашу и, что еще хуже, засадит их всех в тюрьму. Эти мысли особенно назойливо мучили ее теперь, после того как она увидела Сибирочку,

ту самую Сибирочку, место которой заняла теперь ее, Анны Степановны, маленькая дочь.

— А вот и мы! Вернулись к тебе, матушка. На корми нас хорошенько и приюти до завтра, а завтра утром я сведу наших гостей, куда мы уговорились. Там они найдут себе теплый кров и верный кусок хлеба.

И, говоря это, Никс небрежно сбросил свой плащ и пальто и очутился снова в своем странном розовом костюме.

Его мать с трудом поборолась и принялась хлопотать с ужином в соседней кухне.

Вошедшие вслед за Никсом Андрюша и Сибирочка остановились нерешительно у порога, не зная, что им делать и зачем их вернули сюда.

Глава V

*Мистер Билль и господин директор. —
Дело сделано. — Легко приобретенный враг*

ТЕАТР «РАЗВЛЕЧЕНИЕ»

Ежедневное театральное представление, после которого — дрессированные львы, силачка негритянка, эквилибристы, клоуны, воздушные полеты и пр. и пр.

Так гласила заманчиво расписанная пестрыми буквами афиша, прикрепленная в виде флага к огромному шесту, вбитому в землю у самого подъезда театра.

Андрюша, прежде чем войти в подъезд вместе со своими спутниками, пробежал ее с начала до конца.

— Ну, нечего глазеть-то без толку! За это, брат, деньги не платят! — резко заметил ему Никс, ку-

таясь в свой плащ и бросая по сторонам сердитые взгляды.

Никс был не в духе. Ему пришлось мало спать в эту ночь. Клеенчатый диван пришлось уступить девочке и самому спать с Андрюшей в каморке за кухней, что вовсе не улыбалось избалованному мальчугану. К тому же он каждую минуту боялся, что хозяин-сапожник, заинтересовавшись неожиданными гостями, начнет расспрашивать его с матерью, откуда они взялись.

«Уж скорее бы наступала осень, тогда мистер Билль уедет из Петербурга со своими львами и увезет девчонку!» — досадливо думал Никс, вводя своих спутников в большую полусветлую комнату, над дверями которой красовалась надпись: «Приемная директора».

— Вот, Эрнест Эрнестович, не понадобится ли вам мальчик в услужение? — громко проговорил он, обращаясь с поклоном к толстому маленькому человечку с совершенно лысой головой, который о чем-то оживленно беседовал с худым высоким рыжим господином в высокой блестящей, точно отполированной, шляпе и с сигарой в зубах.

И толстый человечек, и высокий рыжий господин обернулись сразу.

— Ага, это ты, Никс! Опоздал на утреннюю репетицию, мальчуган. Мистер Билль очень сердился. Не правда ли, вы сердились, мистер Билль? — обратился директор к высокому господину.

Рыжий господин хладнокровно вынул изо рта сигару и, взглянув своими оловянными глазами на Никса, проговорил по-русски, не совсем правильно выговаривая:

— Я будет делать вычет из твоего жалованья. Я будет штрафовать тебя, чтобы не зевал по улицам, когда надо учиться на репетиций, а теперь...

Тут оловянные глаза мистера Билля остановились на Сибирочке и стали еще оловянные от выразившегося в них полного удивления.

— Откуда этот красивый девочек? — спросил он Никса.

— Я привел ее в надежде, что вы оставите ее у себя, а этого мальчугана я надеялся рекомендовать Эрнесту Эрнестовичу, — принимая покорнокроткий вид, произнес Никс.

— Хорошо. Я оставляйт у себя красивую девочек. Она будет давайт представление в клетке Цезаря и Юноны! — процедил сквозь свои желтые зубы мистер Билль и погладил по голове смущенную, оробевшую Сибирочку.

— А ты что умеешь делать, мальчуган? — одобряюще похлопывая по плечу Андрюшу, спросил, добродушно улыбаясь, директор театра. — Умеешь ты ходить по канату?!

— Нет, — коротко отвечал мальчик.

— Умеешь быть акробатом?

— Тоже нет.

— Плясать и петь?

— Нет.

— Так что же ты умеешь делать?

— Пока ничего, но буду уметь делать все, чему вы меня выучите! — смело отвечал мальчик, вперив в лицо толстяка свои честные, открытые глаза.

— Ха-ха-ха, чудесный ответ! Я не ожидал ничего подобного! — расхохотался Эрнест Эрнестович. — Ты мне нравишься, мальчик, и мы будем друзьями, если ты не окажешься негодяем, лентяем и бездельником.

— Разумеется, я не окажусь им! — отвечал, весь вспыхнув до корней волос, Андрюша.

— Почему? — спросил, высоко подняв брови, толстяк.

— Да потому, что я прежде всего честный человек! — без запинки, самым серьезным образом отвечал Андрюша.

— Еще один чудесный ответ, — сказал, улыбаясь, толстый директор, — так вот, мистер Билль берет твою сестру, а я беру тебя...

— Эта девочка не моя се... — начал было Андрюша, но стоявший рядом с ним Никс изо всей силы ущипнул его за руку.

— Говори всем, что это твоя сестра, — прошептал он чуть внятно, нагнувшись как бы нечаянно к самому уху Андрюши.

— Это будет ложь, а я никогда не лгу, — спокойно, таким же шепотом отвечал Андрюша.

— Но я дам тебе денег за это.

— Ни за деньги, ни даром вы не заставите меня солгать!

— Берегись, в таком случае ты будешь моим врагом!

— Я никого и ничего не боюсь.

— О чем вы шепчетесь? — неожиданно огоршил обоих мальчиков Эрнест Эрнестович своим вопросом.

Никс, вспыхнув до ушей, шепнул снова:

— Не выдавай меня! — и тут же стал оправдываться перед мистером Биллем в том, что опоздал немного.

Эрнест Эрнестович молча несколько минут разглядывал Андрюшу.

— Ты красивый и умный мальчик, и, наверное, учење дастся тебе не слишком трудно. На первое время ты будешь клоуном и станешь смешить публику в антрактах.

— Я не умею смешить публику, — спокойно отвечал мальчик.

— О, это не трудно. Ты станешь выходить с нашим старым клоуном Дюруа, и он научит тебя,

что надо делать и что говорить. О жалованье мы сговоримся после. Согласен?

— Вполне. Я прошу об одном: не разлучать меня с Сибирочкой.

— С кем? — снова недоумевающее поднял брови Эрнест Эрнестович.

— С белокурой девочкой. Ее зовут Сибирочкой.

— С его сестрою! — почти выкрикнул в голос Никс.

— Это твоя сестра? Какое у нее хорошее имя...

— Да, это его сестра! — ответил снова очень громко Никс за Андрюшу.

— Он говорит неправду, — спокойно и твердо произнес Андрюша. — Сибирочка чужая мне.

— Ты лжешь, — засмеялся Никс, — что за причина скрывать, что она тебе сестра?!

— Я говорю чистую правду!

— Не спорьте, дети, — снова вмешался Эрнест Эрнестович, — сестра ли тебе или нет эта девочка — ничто не изменит дела... Ты остаешься служить у меня и поступишь под начало Дюруа, а девочку берет мистер Билль в свою труппу. Жить вы будете у меня на квартире. Теперь же довольно болтовни. Пора начинать второе отделение репетиции. Эй, кто там есть? — крикнул, высываясь за дверь, директор. — Давайте второй звонок. А ты, Никс, проводишь детей на сцену.

— Хорошо, Эрнест Эрнестович, — ответил, нагнув голову, Никс и довольно резко обратился к Андрюше: — Ну, чего ж ты стоишь разиня рот! Ступай за мною вместе с девочкой, — и уже шепотом добавил так тихо, что только один Андрюша мог расслышать его: — Деревенщина! Не захотел моей дружбы, выставил меня лгуном перед начальством, я тебе врагом буду... Узнаешь ты меня скоро, дружочек ты мой!

И, сердито блеснув загоревшимися глазами, Никс пошел вперед.

Глава VI

Новые люди. — Цезарь и Юнона

Коридор, в котором горели небольшие электрические лампочки, показался Андрюше и Сибирочке очень длинным в первую минуту, пока они шли по нему вслед за ворчавшим себе что-то под нос Никсом. В конце коридора была небольшая дверь, откуда лились потоки света и слышались громкие голоса, какие-то хлопки и смех.

— Ступайте вперед. Там сцена. Мистер Билль и Эрнест Эрнестович сейчас придут туда. Мне надо по делу. Да раздевайтесь же, наконец! Не в этих же неуклюжих отрепьях вы полезете туда! — уже совсем грубо обратился к Андрюше и его спутнице их новый знакомый.

Потом он в одну секунду скрылся куда-то, точно провалился сквозь землю.

Андрюша и Сибирочка остались одни. В несколько секунд они дошли до конца коридора, который теперь значительно расширился, и очутились на пороге двери.

Шум, хлопанье в ладоши и крики — все это разом оглушило их. На сцене, залитой электрическим светом, прыгали и кувыркались какие-то люди. Они становились то на плечи друг другу, то на голову один другому, образуя высокую живую пирамиду. Ниже всех стоял на полу толстый и сильный, как барс, человек; на его плечах, растопырив ноги, находился другой; на голове этого другого стоял третий; на вытянутых руках этого третьего, едва касаясь руками его ладоней, ногами кверху, как бы повис четвертый, а на пятках четвертого плясал какой-то странный танец, весь состоящий из плавных телодвижений, хорошенький и подвижный, как обезьянка, мальчик лет двенадцати, с беспечным, веселым лицом.

— Это знаменитый русский акробат Иванов со своею труппой. А вы, верно, новые артисты? — услышал Андрюша чей-то нежный голос за собою.

Говорила тоненькая, высокая девочка, немногим старше Сибирочки, красивая и нежная блондинка, хрупкая, как цветок.

— Я Герта, дочь директора Шольца, — произнесла девочка, улыбаясь задушевной и милой улыбкой, пожимая руку Андрюши и целуя его спутницу в ее бледную щечку. — Ах, что за прелестное дитя! — воскликнула она с восхищением, только сейчас разглядев прелестные локоны Сибирочки и ее искрящиеся, как звездочки, синие глазки. — Чудо, что за девочка! Я должна показать тебя моей Элле, голубка! О, ты еще не видала Эллы?.. Не испугайся ее... У Эллы черное тело, но душа розовая, как утренняя заря. Элла, моя Элла, где ты?

— Элла здесь, госпожа! — послышался грубый, как из трубы, глухой голос, и Сибирочка с невольным криком попятилась назад.

Перед нею и Андрюшей появилось странное существо, черное, как сажа, со сверкающими белками посреди общей черноты лица, с курчавыми короткими волосами, с расплюснутым носом и толстой, синевато-бурой выпяченной губой. На небольшом, но удивительно сильном, с крепкими мускулами теле негритянки была надета полосатая, желтая с черным, юбка и белая матроска с красным воротником. Огромные золотые кольца были продернуты в ее уши, а на голой шее, такой же сильной и мускулистой, как и все тело, висело в несколько рядов обмотанное коралловое ожерелье.

— Вот мой друг — Элла. Она называет меня своею госпожою, но мы с нею подруги. Она плохо говорит по-русски или, вернее, совсем не говорит,

кроме двух фраз: «Элла здесь, госпожа» и «Элла тебя любит». Но сердце у нее золотое, и она будет вам другом. Ее выписали прошлой осенью сюда из Африки. Она негритянка. Пожмите ее руку. Не бойтесь ее черноты.

И маленькая Герта так ласково взглянула на Андриюшу и его маленькую подругу, что те не имели духу отказать ей в ее просьбе и оба протянули руки негритянке. Элла нежно, как хрупкую вещицу, пожалала крошечные пальчики Сибирочки и так трянула руку Андриюши, что у мальчика буквально искры посыпались из глаз.

— Элла показывается публике как силачка, — поторопилась объяснить Герта своим новым знакомым.

— О, она, должно быть, страшно сильна, — согласился Андриюша. — Я думал, что она собирается оторвать мне руку или вывихнуть плечо! — прибавил он со смехом.

— Это она по дружбе... А вот когда Элла рассердится, то действительно ее сила может многим повредить. Смотрите, смотрите, она уже начинает сердиться, — проговорила Герта, живо оборачиваясь назад.

Братья-акробаты окончили между тем свои упражнения и, спрыгнув, как мячики, на пол, окружили Эллу.

Двое старших, которым было уже, по-видимому, лет около двадцати, сильные и рослые парни, подошли к негритянке.

— Слушай ты, черная кукла, продай мне твои кораллы, я подарю их моей сестре! — произнес старший и без церемонии схватился за красное ожерелье, обмотанное вокруг черной шеи Эллы.

— А мне продай твои серьги! Я надену их себе на нос, — вторил брату второй и дотронулся пальцами до черного уха негритянки.

Та что-то промычала в ответ и сердито тряхнула головою. Но сорванцы не унимались и, как ни отмахивалась от них негритянка, приставали к ней, уговаривая ее отдать им ее драгоценности.

— Ну зачем тебе они? Ведь ничто не может украсить такую чумазую глупую физиономию! — расхохотался старший акробат и потянул к себе со смехом коралловую нитку.

Тут произошло нечто неожиданное. Коралловая нитка не выдержала и порвалась. С нею вместе порвалось последнее терпение Эллы. Что последовало затем, никто из присутствующих на сцене не мог предвидеть. Элла с необычайною живостью схватила за шею одной рукою одного акробата, другою — другого и, сблизив их головы, прехладнокровно постучала ими одна о другую так, что оба акробата буквально взвыли от боли. Потом с тем же глухим ворчаньем, напоминающим рычание дикого зверя в девственных лесах Африки, Элла швырнула сначала на пол одного юного акробата, затем, как полено, сложила на него другого и как ни в чем не бывало преспокойно уселась на эту живую скамью. Оба акробата извивались, как змеи, шипели, кричали и визжали, громко протестуя и бранясь под тяжестью сидевшей на них силачки, но ничто не помогало.

Элла продолжала сидеть, торжествующе поглядывая на всех и ярко поблескивая своими черными глазами. И только новый звонок, пронзительно зазвеневший в коридоре, и появление директора, мистера Билля и Никса нарушили эту сцену.

Мистер Билль и Никс были в гладких, из шелка, вязаных розовых фуфайках и в коротких зеленых шелковых трусах (штанах), осыпанных блестками. В руках англичанина был длинный хлыст, в руках Никса — кусок сырой говядины.

— Что это у него? Зачем он держит мясо? — обратилась было Сибирочка к Герте с вопросом,

на который та не успела, однако, ответить, потому что почти одновременно с этим оглушительный рев послышался где-то поблизости, — рев, от которого дрогнули стены театра и невольно побледнели лица у людей. Незаметная до сих пор дверь сбоку сцены раскрылась настежь, и шестеро театральных слуг вкатили в образовавшееся огромное пространство в стене большую клетку на колесах с помещавшимися в ней двумя африканскими львами необычайной величины.

— Это Цезарь и Юнона, — пояснила Герта Сибирочке, — не правда ли, как они прекрасны?

Но Сибирочка далеко не разделяла ее мнения. Она не нашла в красавцах львах никакой красоты. Лев и львица были просто страшны с их расширенными пастьями и оглушительным ревом.

Каков же был ужас девочки, когда, лишь клетка со львами появилась на подмостках сцены, Никс чуть ли не бегом бросился к ней! За ним степенно направился мистер Билль, играя своим длинным кнутом.

Минута-другая — и, приподняв железную дверь клетки, Никс очутился в ней.

За ним смело вошел мистер Билль. И, точно по волшебству, с их появлением в клетке страшный рев зверей мигом прекратился.

Никс бросил им по куску имевшегося у него мяса, и звери с жадностью стали уничтожать его.

Глава VII

*Сибирочка и Андрияша вступают на новый путь. —
Страшное начало*

— Мисс Герта, позвольте вас просить приготовить маленькую артистку мисс Сибирушку, — тоном, не допускающим возражений, проговорил

мистер Билль, любезно осклабив свои желтые зубы.

Эту фразу Андрюша и Сибирочка услышали ровно через две недели после того, как им пришлось поселиться в «Большом доме». «Большой дом», стоявший чуть ли не на самой далекой окраине Петербурга, находился через добрый десяток улиц и кварталов от снимаемого Эрнестом Эрнестовичем здания театра.

«Большой дом» директор населил исключительно членами своей труппы. Здесь жил он сам с дочерью Гертою и с своею престарелою теткою. Здесь жил эквилибрист Иванов со своими сыновьями: Денисом, Глебом, Петром и Вадимом, тут же поселился и клоун Дюруа с его крошкой внуком Робертом, негритянка Элла со своею старухою матерью, мистер Билль, начальник — хозяин Никса Вихрова, и здесь же, наконец, нашли себе приют Сибирочка и Андрюша.

Клоун Пьеро Дюруа, нервный, желчный старичок за кулисами и дома, но незаменимый весельчак перед публикой, не говоря ни слова, взялся обучить своему нетрудному искусству Андрюшу. Пока мальчик не выступал на сцене, на его обязанности лежало ухаживание за шестилетним Робертом, большим задирой и забиякой.

Герта Шольц, любимая и единственная дочь директора, появившаяся перед публикою в качестве малолетней певицы немецких песенок, имела еще одну обязанность, возложенную на нее ее отцом, — следить за малолетними детьми, поступавшими в труппу, готовить их к их новому делу, внушать им в случае надобности бесстрашие и энергию к незнакомому еще труду.

Герта была тихая, кроткая двенадцатилетняя девочка, умевшая быть умной и серьезной не хуже взрослой. Она всюду и всегда появлялась вовремя. Капризничал ли маленький Роберт Дю-

руа, сердился ли его дед Пьеро, ссорились ли братья Ивановы, ожесточалась ли на поддразнивания своих гонителей Элла, насмешничал ли и задирали товарищей Никс, — Герта являлась всеобщою примирительницею и ангелом-утешителем в тяжелые минуты жизни, настоящею доброю феей труппы. Одновременно с этим Герта была и хозяйкою в «Большом доме» со времени смерти своей матери.

По утрам она поднималась раньше всех и разливала с помощью тетки в большой столовой чай, кофе и какао для всех участников труппы. Потом заказывала обед повару и собирала на репетицию младших артистов, осторожно напоминая старшим, что отец уже ждет их в театре.

Из театра присылались кареты; все усаживались в них после утреннего завтрака и ехали на репетицию. Помимо клоунов, эквилибристов, певиц и укротителей львов, у господина Шольца была еще оперная труппа артистов, которая, однако, не пользовалась квартирою и столом у директора театра, а жила в нанимаемых артистами на стороне комнатах и квартирах. С этою оперною труппою иногда играла и пела Герта. Для этого девочке приходилось разучивать небольшие партии и роли, доступные ее возрасту, и это отнимало у нее немало времени. К пяти часам вечера обитатели «Большого дома» возвращались домой обедать, а в восемь уже снова отправлялись в театр, где и выступали перед публикой в различных номерах, после исполняемой оперными артистами большой пьесы.

Герта по возвращении домой поила чаем и потчевала холодной закуской артистов и только после двенадцати часов ночи ложилась в постель. Все любили кроткую, ласковую, заботливую девочку, а негритянка Элла просто обожала ее. Для черной дикарки, приехавшей из далекой чуждой сторо-

ны зарабатывать кусок хлеба, белокурая кроткая Герта казалась каким-то неземным существом. За «госпожу Герту» Элла готова была исцарапать лицо и искусать руки кому угодно. Кого любила Герта, того любила и Элла. Герта с первого же дня привязалась к Сибирочке, и Элла стала смотреть такими же преданными глазами на Сибирочку, какими она смотрела на Герту.

Вот в какую обстановку и к каким людям попали Андрюша и Сибирочка и постепенно начинали входить во вкус этой новой, незнакомой им еще жизни.

Сибирочку взяла под свое покровительство Герта и даже поселила ее в своей маленькой, обитой розовой материей комнатке, где было всегда так хорошо и уютно.

Андрюша поселился с клоуном Пьеро и его внуком. Дети виделись, однако, постоянно и в театре, и дома, и в огромной столовой, где все члены труппы господина Шольца проводили свои досуги.

— Мисс Герта, позвольте вас просить приготовить маленький артистка. Мисс Сибирушка выходит сегодня к Цезарь и Юнона в первый раз.

Голос мистера Билля, повторившего свое приглашение, звучал очень строго, а оловянные глаза пронизательным взглядом окинули обеих девочек — Герту и Сибирочку, стоявших за кулисами и любовавшихся силачкой Эллой, которая без труда нанизывала на каждый палец по десятифунтовой гире и легко, как перышками, вертела ими над головой.

Сибирочка заволновалась. Она была далеко не из трусливого десятка. Она, не задумываясь, побежала бы в темную тайгу ночью, но войти в клетку ко львам, к этим страшно рыкающим, свирепым великанам, страшно боялась, и дрожь охва-

тывала все тело девочки при одной мысли об этом. Но Герта не дала ей много думать о ее новом положении и всячески старалась ободрить ее.

— Пойдем, я помогу тебе одеться, — ласково обнимая подругу, проговорила она и повела Сибирочку в небольшую уборную, где артистки при помощи горничной одевались к спектаклю.

Сибирочке не понадобилось звать горничную. Герта и освободившаяся от своих упражнений Элла помогли ей одеться. Они натянули розовое шелковое трико на стройное тело Сибирочки, коротенькую, всю в блестках, зеленую юбочку и, распустив ей локоны по плечам, растрепали их так, что они вдруг стали как-то похожими на львиную гриву.

— Помни, входить ко львам надо всегда в этом костюме, чтобы они привыкли к тебе, и волосы ты всегда взбивай таким образом: они примут тебя на первых порах за львенка и не тронут ни за что! — предупредила Герта Сибирочку и вместе с Эллой повела ее на сцену.

Там уже посреди подмостков возвышалась клетка, в которой метались взад и вперед из угла в угол оба зверя. Мистер Билль и Никс уже стояли готовые в своих обычных розовых трико и зеленых с блестками трусах. Мистер Билль держал в руках огромный бич и заряженный револьвер на всякий случай.

— Ну, пускай начинайте... С Богом!.. Никки, вы покажите вашему новому подруга, что надо делать! — скомандовал мистер Билль.

— Ступай за мною, — коротко приказал Никс и, взяв за руку Сибирочку, смело направился с нею к дверям клетки.

В эту минуту девочка искренне пожалела, что не умерла с дедушкой там, далеко в сибирской тайге.

Что-то щелкнуло позади нее. Это ударил своим бичом мистер Билль по железным прутьям клетки. Потом он спокойно открыл дверцу и очу-

тился среди львов, трепля их гривы и говоря им что-то по-английски. Оба льва, тихо урча себе под нос, стали ластиться к укротителю, тереться головами о его ноги и, поднявшись на задние лапы, старались дотронуться мордами до его лица.

Сибирочка, забыв свой недавний страх, пораженная, глядела во все глаза на эту сцену. Голос Никса разбудил ее от ее задумчивости.

— Ну, что же ты? — крикнул он ей прямо в ухо и довольно грубо толкнул ее вперед.

Сибирочка тихо вскрикнула и подалась было на мгновение назад.

Но было уже поздно. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за нею.

Она вместе с Никсом и мистером Биллем очутилась в клетке Цезаря и Юноны.

Глава VIII

Первый урок

Усилившееся рычание Цезаря, огромного льва с налитыми кровью глазами, возвестило о его недовольстве. Он тяжело поднялся со своего места, то есть из угла клетки, где успел улечься у ног укротителя, и направился к Сибирочке, все еще продолжая рычать.

Лицо девочки стало бледнее снега.

Она беспомощно оглянулась назад.

Если бы здесь был Андрюша, Сибирочка крикнула бы о помощи, и ее названный брат увел бы ее отсюда.

Но Андрюши не было здесь. Он занимался с m-r Пьеро и Робертом в своей уборной, разучивая с ними новые штучки и клоунские выходки, которыми надеялся потешать публику уже в конце этой недели.

— Не бойся ничего, Цезарь не тронет. Назад, Цезарь! — крикнул мистер Билль и, прежде нежели лев исполнил его приказание, изо всей силы ударил его бичом.

Цезарь с ревом отпрянул на прежнее место и, как послушный пес, улегся у его ног. Сибирочка с благодарностью взглянула на англичанина и не узнала его. Оловянные глаза мистера Билля горели, как факелы. Лицо, обычно спокойное, теперь было грозно. Казалось, в этом лице сосредоточилась вся его страшная сила, которою он властвовал над своими страшными зверями. Когда Цезарь с глухим ворчанием улегся у ног своего повелителя, последний приказал Никсу:

— Никки, начинай, пожалуйста, приручать к ребенку львицу!

— Юнона, сюда! — звонким голосом крикнул Никс.

Так как старая, ужасного вида львица не слушалась его, продолжая бродить по клетке из угла в угол, мистер Билль снова пустил в ход свой бич.

Юнона сделала скачок и завывала от гнева и боли.

— Сюда, Юнона, сюда! — закричал снова Никс, и, раньше нежели львица подошла к мальчику, он неожиданно очутился у нее на спине.

— Подойди к ней и дай ей это! — приказал мальчик, бросив Сибирочке кусок сырого мяса, вынутый им из кожаной сумки, повешенной у него через плечо.

Девочка дрожащей рукой взяла кусок и сделала шаг навстречу львице.

Львица сощурила глаза и потянула носом. Потом медленным шагом приблизилась к мясу и очутилась около девочки. Ее огромная пасть была широко раскрыта. Она щелкала зубами от нетерпения получить лакомый кусок.

— Отойти в самый дальний уголок и позови ее оттуда! — еще раз скомандовал Никс, в то время

как укротитель не спускал со зверя своего теперь ярко горевшего взора.

Сибирочка безмолвно повиновалась. Она вытянула руку вперед и позвала своим нежным голоском:

— Сюда, сюда, Юнона!

Львица на этот раз изменила своей медленности и быстро подошла к девочке, все еще, очевидно, надеясь получить лакомый кусок. Сибирочка отбежала от нее снова в угол и еще раз позвала оттуда зверя.

Равнодушный до этой минуты Цезарь тоже поднялся и потянулся, в свою очередь, за своей супругой.

Теперь уже Сибирочка не отступала больше, а поджидала, по приказанию мистера Билля, обоих зверей. Они медленно подползли к девочке, та протянула руку, и Юнона осторожно приняла из ее маленькой ручки первый кусок.

— Погладь ее и Цезаря, только не бойся и смотри им в глаза прямо и смело! — слышался новый приказ.

Сибирочка робко протянула руку и коснулась дрожащими пальчиками гривы обоих зверей, не отводя от них своего синего взора.

— На сегодня довольно! Завтрашний урок будет сложнее. А теперь ты свободна, — услышала над своим ухом голос укротителя девочка и с облегченным вздохом вышла из клетки.

Глава IX

Драка. — Непримиимый враг. — Первый выход

Прошел месяц. Наступила весна. Труппа господина Шольца перекочевала из зимнего помещения в летнее, выстроенное вроде цирка, с ареной посреди зала, усыпанной рыхлым песком.

Было воскресенье. Летний театр «Развлечение» давал свое первое представление. В это первое представление Сибирочка и ее друг Андрюша должны были тоже выступить впервые. На большой пестрой афише значилось:

Блестящий выход юного, необычайно остроумного, веселого и талантливое клоуна m-г Андре и новой, небывало смелой и неустрашимой укротительницы львов русской девочки-малютки Сибирочки — настоящего чуда света.

И «m-г Андре», и «чудо света» очень волновались в этот вечер.

Андрюша одевался вместе с четырьмя братьями Ивановыми в одной уборной. Старшие братья Ивановы смеялись над ним.

— Охота дураком рядиться. Лучше бы поступал в учение к нашему отцу... Он бы тебя таким прыгуном и гимнастом сделал, что просто чудо! А то Пьерошкиным штучкам выучился и думает, что умен!.. — хохотали они.

— Смотри, как вымазался-то!.. Теперь, брат, из уборной ни шагу: собаки увидят — разорвут.

— Ему, верно, брань Пьеро по душе пришлась. Не налюбуется он на своего старикашку! — засмеялся третий из братьев.

— Перестаньте его трогать! — вскричал младший Иванов, Вадим, жизнерадостный, красивый мальчуган с добрыми карими глазами. — Вы не понимаете, что Андрей из-за своего доброго сердца ни за что не оставит Пьерошку, хотя всюду у нас найдет какое угодно место. Он такой молодец! Ведь если бы Пьерошка не взял себе на помощь Андрея, Эрнест Эрнестович, наверное, выгнал бы его вместе с его внуком. Андрей мог бы остаться в цирке и не под начальством Дюруа. Всегда нужен такой. Старый клоун порядочно

наскучил публике. И вряд ли он один сумел бы занять ее!

Вадим был прав. Старый клоун Пьеро не мог уже один забавлять публику, посещавшую театр. Все его старые проделки успели надоест зрителям. Появление нового клоуна было как нельзя более кстати.

Андрюша лучше всех понял Пьеро. Старик был беден и несчастлив. Он жил ради внука и работал только для него. Он был желчен и сердит, старый Пьеро, и никто не любил его в труппе. И Андрюша всем сердцем жалел его. Старому клоуну трудно было зарабатывать своим шутовским трудом кусок хлеба, тяжело было ломаться перед публикой, когда его дряхлые кости ныли и болели, прося отдыха. Андрюша всеми силами старался помочь ему в его труде. Труд клоуна не нравился и мальчику, но ему жаль было огорчать старика просьбою другой работы у директора театра. Он знал, что его участие в деле Пьеро и его помощь пришлись кстати. И когда сегодня насмешники братья-акробаты слишком пристали к нему, он только нахмурил свои черные брови и отвечал:

— Стыдно вам... Чего вы пристааете ко мне? Разве зарабатывать свой хлеб трудом позорно? В таком случае и вы поступаете скверно, ломаясь перед публикой!

— Молодец, Андрюша! Хорошенько, хорошенько их! — радовался Вадим, успевший сойтись с Андрюшей за последнее время и искренно полюбивший своего нового товарища по цирку.

Но Андрюше было не до него.

Андрюша сильно беспокоился в этот вечер. И не за себя беспокоился мальчик: его страшил первый выход перед публикой его названной сестры. Девочка должна была проделать трудную штуку с Цезарем и Юноной, которые едва-едва за этот месяц успели привыкнуть к ней.

Он наскоро натер себе лицо мелом, как учил его в продолжение месяца старый клоун, m-r Пьеро, густо нарисовал румянами щеки, губы и кончик носа, замазал ресницы и брови (отчего его красивое личико приняло сразу глупо-растерянный вид) и, в своем широком клетчатом клоунском балахоне, в необычайно высокой шляпе, вышел за дверь уборной.

Маленькая, розовая, нарядная, как бабочка, девочка, вся в блестках, с распущенными кудрями по плечам и с яркой звездочкой из электрических лампочек над лбом, поджидала его у дверей уборной и, лишь только он появился, кинулась к нему на шею.

— Что ты, Сибирочка? Чего ты взволновалась так? Боишься? — наклоняясь к девочке и целуя ее, спросил заботливо Андрюша.

— Я ничего не боюсь, я не волнуюсь, только... только... я бы хотела снова очутиться в нашей Сибири с тобою вместе, — печально проговорила девочка, блеснув своими синими глазами.

— Ха-ха-ха-ха! — послышался грубый хохот, и Никс, розовый, нарядный, предстал так неожиданно пред ними, точно вырос из-под земли. — Нежная сцена: братец и сестрица празднуют труса пред началом представления, — насмешливо произнес мальчик и кнутиком, который держал в руке, слегка ударил по плечу Андрюшу.

— Не смей так шутить со мною! — серьезно и спокойно остановил его тот.

— Скажите, что за барин явился! С ним и пошутить нельзя! — пуще расхохотался Никс и еще раз, уже много большее, прошелся кнутом по спине Андрюши.

— Берегись, или я отниму у тебя твой кнут, — спокойно проговорил Андрюша, хотя голос его дрогнул от затаенного гнева, а черные глаза ярко блеснули.

— Попробуй!

И в третий раз Никс поднял кнут, проговорив скороговоркой:

— Ты должен терпеть от меня все, потому что, не приведи я тебя сюда, ты и твоя глупая подружка должны были бы умереть на улице без куса хлеба!

— Вот потому-то, что ты сделал для нас это, я и не хочу проучить тебя, как ты этого заслужива-

ешь, и только отниму у тебя твой хлыст, — выходя разом из своего спокойствия, произнес Андрюша.

И, говоря это, он ловко выхватил кнут из рук Никса, сильными движениями руки сломал его на несколько кусков и далеко отбросил от себя.

— А, так вот ты каков! — закричал Никс и со сжатыми кулаками бросился на мальчика.

Но Андрюша ждал этого нападения и приготовился уже к нему. Мальчики схватились врукопашную. Кулаки Никса забарабанили по спине Андрюши. Руки Андрюши стиснули, как клещи, плечи Никса. Но вот Никс незаметно выставил ногу, Андрюша запнулся за нее, не заметив предательского приема своего противника, и пролетел на пол, увлекая за собой врага. Сибирочка бросилась к ним и умоляла опомниться, но никто ее не слушал.

Наконец Никсу удалось схватить за горло своего противника. В глазах Андрюши, ничего подобного не ожидавшего, разом пошли красные круги, и он почти лишился чувств.

Вдруг неожиданно Никс вскрикнул от боли. Над ним очутилась Элла, которая стала награждать мальчика звонкими шлепками.

— Убирайся, гадкая обезьяна! — закричал неистово Никс, вскочил на ноги и бросился на негритянку.

В ту же секунду он был отброшен от нее одним увесистым взмахом ее огромной руки.

— М-м-м, — мычала Элла, — м-м-м! Так! Так! Так!

Слово «так» она выучила недавно и очень гордилась этим.

Никс, не помня себя, завыл не столько от боли, сколько от гнева и обиды.

— Что за шум? Что здесь такое? — неожиданно предстал пред детьми m-г Пьеро с лицом, как

и у Андриюши, вымазанным мелом и красками, в каком-то необычайно потешном фраке и в невообразимо широких штанах. Хотя m-r Пьеро был швейцарец, но говорил сносно по-русски и еще лучше бранился на этом языке, когда его ученики не понимали своего учителя. Но как скоро кто-либо выводил его из терпения, он начинал безбожно коверкать русские слова.

За его широкими штанами приютился шестилетний Роберт, который был одет в костюм бэби, или, вернее, спеленат с головы до ног, и напоминал собою куклу, наряженную грудным ребенком.

— Что за шум, что за крики, когда я скоро начинал наш представлений! — рассердился Пьеро. — Андре, что же это? Ты дерешься с Никсом?

— Я не виноват, m-r Пьеро, — произнес, стараясь говорить спокойно, Андриюша, приводя в порядок свой пострадавший во время схватки костюм.

— Нет, ты лжешь! Виноват только ты! Не притворяйся тихоней! — неистовствовал Никс, почти наскакывая снова со сжатыми кулаками на Андриюшу.

— Молшать! — бешено крикнул старый клоун, кидая на взбешенного Никса уничтожающие взгляды. — Я знаю тебя, негодяй!.. Знаю бездельника, задиру и лентяя... Я буду жаловаться на тебя мистеру Биллю. Пускай он выгоняйт тебе. Пускай!..

Старик клоун хотел еще прибавить что-то, но в эту минуту в зрительном зале заиграла музыка, извещаая о начале представления.

— Идем, Андре, идем, Роберт, нам нашинать, — проговорил старый клоун и, легко подхватив на руки спеленатого Роберта, у которого оставались на свободе одни только ноги в розовых туфельках, исчез за драпировкой, отделяющей зрительный зал от кулис театра-цирка.

— До свиданья, Сибирочка, я выхожу на сцену, — прошептал Андрюша, взяв за руку свою названую сестру. — Пожелай мне благополучно проделать все, чему меня учил m-r Пьеро! До свиданья, прощай!

— Желаю тебе от души провалиться в тартарары! — со злобным хохотом крикнул ему Никс, но тут же невольно отшатнулся назад, потому что прямо перед ним выросла черная фигура Эллы.

Силачка негритянка весьма грозно показала ему кулак.

Глава X

Новый клоун m-r Андре начинает свои штучки

В занавеси, завешивающей выход на сцену-арену, была маленькая дырочка. Эта дырочка находилась как раз на высоте человеческого роста. Сибирочка была слишком мала ростом, чтобы дотянуться до нее. Однако бедной девочке очень хотелось посмотреть, хотя бы в дырочку и одним глазом, как ее друг Андрюша станет проделывать свои «штучки» с Пьеро и его внуком. Но вот легкое мычание послышалось за плечами девочки, и не успела она опомниться, как чьи-то сильные руки подхватили ее, подняли на воздух, и Сибирочка почувствовала себя бережно опущенной на чье-то крепкое плечо.

— Элла, это ты! — прошептала она и благодарными глазами взглянула сверху вниз на черное, широко улыбающееся ей лицо негритянки.

— Так! Так! Так! Элла тебя любит, госпожа! М-м-м-м, м-м-м-м! — с самым довольным видом промычала негритянка.

Теперь, прильнув к маленькой дырочке одним глазом, Сибирочка могла великолепно следить за всем, что происходило на сцене.

Андрюша как раз в эту минуту выходил к публике. Важно, со степенным видом прошел он к середине арены, где сидел с невозмутимо спокойным видом m-r Пьеро, который, держа спеленатого Роберта вверх ногами, укачивал его, мурлыча вполголоса колыбельную песню, но настолько громко, что публика отлично слышала каждое слово:

Баю-баюшки-баю,
Я тебя качаю.
Я клоун, ты клоуненок,
Я кот, ты котенок,
Я человек, ты человенок...

— Вы неверно поете. Надо сказать не человек, а ребенок, — с невозмутимым видом поправил его Андрюша, приблизившись почти вплотную к этой группе.

— А я говорил так: «я человек, ты человенок», и мне нравится, как я говорил, — еще более картавя и ломая язык, проговорил Пьеро, принимая глупый и обиженный вид. — И проходи, пожалуйста, своей дорожка.

И запел снова:

Баю-баюшки-баю,
Я тебя качаю.
Я клоун, ты клоуненок,
Я кот, ты котенок,
Я человек, ты человенок...

— Ты осел, а он осленок! — диким басом загудел на весь цирк Андрюша так, что Пьеро вместе со стулом и с Робертом очутились на земле, а публика покатила со смеху.

Пьеро сделал вид еще глупее и вдруг, широко улыбнувшись, поднял свою шляпу и самым неожиданным смешным образом произнес:

— Здравствуйте, пожалуйста!

— Здравствуйте, пожалуйста! — отвечал ему в тон Андрюша и, приблизившись к Пьеро, протянул руку.

Но у Пьеро на руках был Роберт. Старый клоун сделал бессмысленное лицо и проговорил:

— Извинить, пожалуйста, у меня занят моя ручка. Я сперва положит моего чловенка, а потом пожал ваш рука!

И, говоря это, он положил Роберта на песок, а сам протянул руку Андрюше и наклонил голову. Клоуны стукнулись головами и одновременно с комическим видом потеряли себе затылки.

— Уф, это не годит... Ви прошиб моя мозга! — затряс головою и зафыркал клоун Пьеро.

— Вы ошиблись, в вашей голове не было мозга, — с самым любезным видом, сняв еще раз шляпу, как бы извиняясь, произнес Андрюша.

— Как не было мозга на моя голова, — удивился клоун, — честное слово? Не было мозга, честное слово?

— Честное слово! — подтвердил Андрюша.

— Кар-рауль!.. Я потерял моя мозга... Надо давать знать в полицию! А ви не нашли моя мозга!.. Я вам верит, ви кароший человек!.. Здравствуйте еще раз! Кароший человек!

И неожиданно старый клоун снял шляпу и снова с самым почтительным поклоном склонился перед Андрюшею. Тот поклонился тоже, и произошло новое столкновение лбами. Опять потирание воображаемых шишек и снова вежливый поклон. И снова стуканье, и так раз пять.

Публика хохотала.

Сибирочка хорошо видела весь театральный зал, все ложи и места, спускающиеся уступами к арене, как в цирке. Особенно весело хохотали в одной ложе. Там сидел бледный, весь в черном господин, молодая дама и белокурая нарядная

девочка лет девяти. Девочка смеялась звонко над проделками клоунов и громко вскрикивала от восторга. Иногда ее восторг проявлялся бурно, и тогда молодая дама и высокий господин наклонялись к уху девочки с белокурыми локонами и шептали ей что-то. Она затихала на минуту, делала недовольную рожицу, надувала губки и молча блестящими глазками следила несколько времени за клоунами. Потом забывалась снова и начинала хохотать и вскрикивать от удовольствия, не обращая внимания на замечания господина в черном и молодой дамы.

Эта девочка с немного надменным личиком, теперь, впрочем, оживленным улыбкой, почему-то заинтересовала Сибирочку. В ней было что-то резкое, что-то гордое и милое в одно и то же время, как будто девочка считала себя много знатнее всей этой публики и всех присутствующих на представлении детей.

Между тем клоуны на сцене разошлись вволю. Теперь они как будто ссорились, и Пьеро искал всюду своего спеленатого Роберта, который был пришпилен Андрюшей на спину самого Пьеро.

— Где мой человенок? — кричал неистово старый клоун.

— Он около вас. И не далеко, и совсем близко, и не совсем высоко, и совсем низко. Он висит и прямо, висит и криво, и потому некрасиво... Но чтобы узнать, где он, вы должны выйти вон, к зеркалу вернуться, встать к нему задом и обернуться! — с удивительно смешными гримасами пояснял Андрюша.

Публика хохотала. Девочка в нарядном платье хохотала громче всех.

Роберт между тем подражая ребенку, заплакал жалобно на спине у деда. Старый клоун, наконец найдя его, с растерянным видом произнес, засовывая палец в рот:

— Этот плютовка представлял из моей спины коляска. Очень карашо! Вот я буду наказать тебя.

И он улегся на спину, накрыв собою Роберта.

— Теперь он будет как в тюрьма!— с лукавым видом объявил он публике. И вдруг испустил пронзительный крик: — Мой человек превратился в мотор!

Спеленатый Роберт соскочил очень ловко со спины деда и покатился по арене. За ним побежали Пьеро и Андрюша. Они настигали мальчика и садились на землю, чтобы схватить его, но, когда садились, он уже укатывался дальше. Так длилось несколько минут, пока Андрюша не бросился в песок и не стал кататься по земле следом за Робертом. Пьеро последовал их примеру. Старшим клоунам удалось наконец поймать младшего, и Андрюша, подхватив его, бросил Пьеро. Тот, как мячик, швырнул Роберта обратно, и так они перебрасывались до тех пор, пока Пьеро не грохнул малютку со всего размаха о песок и заревел при этом, как режут наказанные дети.

— Ой-ой-ой, что я наделал! Я убил тебя, мой человекочек! — вопил он, раскачиваясь над ним и причитая.

Роберт лежал на песке, не двигаясь, как мертвый.

— Надо его хоронить! Вырыть ему ямку и зарыть его! — предложил Андрюша Пьеро.

— Пойди и зарой!

— Сам пойд и зарой.

— Караул! Я не хочу!.. Я боюсь!

— И я боюсь!

— Пойдем вместе!

— Пойдем!

— Очено карошо!

Они взялись под руки и пошли, умышленно трясясь от страха и стукаясь друг о друга.

Потом улеглись на землю и поползли на четвереньках...

И вдруг, когда они уже были около Роберта, Пьеро тронул незаметно какую-то пружинку, скрытую в его пеленках. Роберт вскочил, взлетел на воздух и тотчас же опустился обратно, но уже без пеленок, а в нарядном костюме маленького итальянского рыбака и стал лихо отплясывать под веселые звуки оркестра.

Андрюша и Пьеро последовали его примеру, причем нелепые клетчатые балахоны и штаны их куда-то исчезли, и они оказались в таких же красивых неаполитанских костюмах, успев наскоро платком стереть краски с лица.

Окончив танец, Андрюша махнул рукою музыкантам и, перейдя на русскую плясовую, стал отплясывать казачка. Из-за кулис выбежала Герта с гармоникой в руках, наряженная в русский костюм, и лебедью поплыла по сцене.

Публика аплодировала и неистово кричала «браво».

— Bravo русскому мальчику! M-г Андре, браво! — неистовствовала публика, сразу догадавшись, что под итальянским покровом платья скрывается у юного клоуна настоящая русская душа.

— Ну, вот и кончили! — радостно произнес Андрюша, вбежав за кулисы и обращаясь к соскочившей с рук Эллы Сибирочке. — Ты видела меня?

— Все, все видела, — отвечала она, с восторгом глядя на него восхищенными глазами. — Ты очень хорошо исполнил все, что было надо... А особенно танец сошел хорошо! — восторгалась девочка, целуя своего названного брата.

— И m-г Пьеро похвалил меня, — весело проговорил Андрюша.

— Что-то будет со мною? — произнесла озабоченно Сибирочка. — Сейчас мой выход. Мистер Билль уже зовет меня.

— Мужайся... Я уверен, что ты будешь молодцом и заслужишь похвалу... Я буду стоять за занавесом и не спускать с тебя глаз, чтобы ты знала, что я здесь, рядом, и в случае надобности защищу тебя! Ну, иди же! Иди с Богом!

И он легонько толкнул девочку по направлению к выходу на арену.

Глава XI

Маленькая укротительница львов

Музыка играла что-то нежное-нежное, когда Сибирочка в сопровождении мистера Билля и Никса, вооруженных бичами, появилась на сцене. Первое, что увидела девочка, — это ближайшую к ней ложу, в которой сидела, уже замеченная ею сквозь отверстие занавеса, нарядная маленькая барышня, теперь державшая в руках огромную коробку и угощавшаяся конфетами из нее.

— Ах, какая чудная девочка! Смотри, папа, она такая же белокурая, как и я! — вскричала нарядная маленькая барышня в ложе. — Прелесть, что за девочка, право!

— Надо говорить шепотом, Аля... Вы обращаете на себя общее внимание, — остановила ее дама, которая, по всей вероятности, была ее гувернанткой.

— Ах, отстаньте, вы мешаете мне смотреть! — сердито ответила девочка и надула губки. — Львы! Львы! О, какие страшные! — кричала она снова через минуту, увидя появившуюся на арене большую клетку. — Неужели эта маленькая девочка пойдет к ним туда?!

— Тише, Аля, говори шепотом, детка! — ласково остановил ее молчавший до сих пор бледный господин в темном костюме.

Девочка мгновенно стихла.

Лишь только львы появились на арене, Сибирочка смело прыгнула к дверям клетки и, с улыбкой держась за задвижку этой двери, послала публике воздушный поцелуй.

Теперь она уже ничуть не трусила Цезаря и Юоны; за этот месяц львы успели настолько привыкнуть к девочке, что без всякого недовольства подпускали ее к себе, позволяя ей проделывать с ними всевозможные штуки.

Мистер Билль не вошел в клетку с нею, а поместился неподалеку, подле ее двери. Сибирочка же и Никс смело переступили ее порог под оглушительные аплодисменты публики.

Цезарь и Юона мигом подошли к детям. Никс первый должен был показать свое искусство юного укротителя львов. Он вскочил на спину Цезаря и, ударив его хлыстиком, стал скакать на нем по клетке, как на коне. Публика, удивляясь и восторгаясь его смелости, кричала «браво». Тогда улыбающийся, торжествующий и гордый своим успехом мальчик соскочил с Цезаря и заставил служить Юону, дав ей небольшое ружье в передние лапы. С покорностью львица проделала все, что требовалось от нее. Наконец следовал самый сложный номер в исполнении Никса. Юона должна была выстрелить из ружья и как бы убить Никса, потом, оглушая воздух пронзительным ревом, сесть над мнимо умершим мальчиком, щупать его сердце, пульс, обнимать и целовать его. Когда же Никс вскочил на ноги, львица, а с нею и Цезарь, обхватив друг друга на радостях, заплясали какой-то танец, к полному восторгу публики, хлопавшей неистово в ладоши и кричавшей: «Браво, Никс, браво!»

Счастливым и улыбающийся Никс раскланивался со зрителями, и никто бы не узнал теперь в этом приветливом, славном мальчике всегда грубого и сердитого Николая Вихрова.

Но вот наступила очередь действовать Сибирочке.

Никс выскочил из клетки, посылая поклоны и поцелуи все еще аплодировавшей ему публике, а Сибирочка заступила его место.

Она начала с того, что своей маленькой ручкой толкнула Юнону. Юнона толкнула Цезаря, и оба они повалились на пол и забарахтались на деревянном полу клетки.

С легким вызывающим криком Сибирочка бросилась на зверей и, весело смеясь, стала возиться с ними на полу клетки. Публика уже не кричала теперь «браво». Публика затихла и, затаив дыхание, следила за этой опасной игрой хищных диких зверей с ребенком. Сделай Сибирочка хоть одно неверное движение, не пришедшееся по вкусу львам, и звери разорвали бы в одно мгновение свою укротительницу. Это отлично понимала публика и, чуть дыша, смотрела на арену.

Белокурые волосы девочки спутались с золотистыми гривами страшных зверей. Ее руки попадали то и дело в их горячие пасти, ее пальчики тербели их за уши, дергали их за волосы, хлопали по ноздрям, из которых валил пар. Наконец, крикнув что-то звонко и задорно, Сибирочка вскочила на ноги... И тут публика буквально замерла от ужаса при виде того, что произошло вслед за этим. Сибирочка быстро подбежала к Цезарю и, заставив его легким криком усесться перед нею, обеими ручонками схватила его огромную морду и широко раскрыла пасть зверя.

Тут публика не выдержала и громко ахнула всем театром. А маленькая белокурая головка в это время очутилась в пасти Цезаря между двумя рядами острых зубов зверя...

Сибирочка открыла свой розовый ротик и, улыбаясь своими чудно разгоревшимися синими глаз-

ками, запела песенку о львах — царях пустыни, попавших неожиданно в неволю к людям...

Страшно было видеть эту миниатюрную детскую головку, беспечно распеваящую в огромной пасти великана льва...

Синие глаза сверкали, как две чудные сапфировые звезды на фоне багрово-черного неба чудовища.

— Довольно! Довольно! — кричала публика, и, когда улыбающаяся, хорошенькая, как полевой цветок, Сибирочка выбежала из клетки, оглушительным восторгам зрителей не было конца.

— Bravo, Сибирочка, bravo! — кричали сидящие в ложах, в партере и на задних скамьях на самом верху.

— Молодец! Bravo! Она лучше Никса! Она смелее Никса! И такая крошка! Такая малютка! Никс великан перед нею! Где же Никсу проделать все это! Bravo, bravo! — слышались отдельные голоса.

Нарядная девочка в ложе кричала громче всех.

— Папа, — дергала она за руку отца, не отводя глаз от весело раскланивающейся с публикой Сибирочки, — папа, позови ее к нам сюда! Я хочу ее видеть! Хочу! Хочу!..

— Этого нельзя, моя девочка. Этого нельзя, — успокаивал ее господин в черном, — маленьких артистов не пускают в публику...

— Кто не пускает? Кто смеет не пускать? Несносные! Противные! — горячилась девочка. — Отчего не пускают?.. Я хочу! Я хочу! А если не пускают, так я вот что сделаю!..

И не успели господин и молодая дама остановить девочку, как она схватила коробку с конфетами, лежавшую у нее на коленях, быстро рванула ленту, связывавшую ее локоны, и, перевязав на скорую руку этой лентой коробку, широко размахнулась и бросила коробку вниз, к ногам изумленной и растерянно улыбающейся Сибирочки.

— Ну, чего стоишь? Бери! Тебе ведь! — услышала в ту же минуту Сибирочка голос Никса у своего уха и увидела бледное, исковерканное злою гримасою лицо мальчика.

«Что с вами, Никс? Отчего вы рассердились?» — хотела было спросить она мальчика, но он так сердито взглянул на нее и так больно сжал ее пальцы, схватив ее за руку и увлекая с арены, что вопрос так и замер на губах девочки.

Глава XII

Зависть и злоба. — Враги Андриюши и Сибирочки

Было ясное весеннее утро. Стоял красавец май. Все артисты труппы театра «Развлечение» сидели за завтраком. Миловидная Герта, как настоящая взрослая хозяйка, оделяла всех кушаньями. Элла, сидя подле своей любимой госпожи, не сводила с нее глаз. Подле Эллы приютилась Сибирочка, а рядом с Сибирочкою — Андриюша. Дети весело болтали на странном смешном языке, который вряд ли был понятен им самим. Это делалось для Эллы, которую лишь восемь месяцев тому назад привезли из Африки и которая не умела говорить иначе, как по-негритянски.

Весело вспоминали дети последнее представление, во время которого белокурая девочка из ложи бросила Сибирочке коробку конфет.

— Я не раз встречала эту девочку на улице, — проговорила Герта, — она, должно быть, очень богатая и важная барышня. На ней всегда такие нарядные костюмы, и ездит она в экипаже, запряженном парю прекрасных рысаков.

— О! — подняла палец кверху Элла, догадавшись, о чем шла речь, и стала делать уморитель-

ные гримасы, желая изобразить свой восторг перед маленькой русской госпожой.

— А все-таки ты, милочка, лучше ее! — улыбнулась с чрезвычайной нежностью Сибирочке Герта. — Если б ты знала, какую красоточкою ты выглядела в клетке у львов! И такая смелая, такая храбрая! Признаться, у меня сердце екнуло, когда я увидела твою головку в пасти этого свирепого Цезаря.

— Да, маленький мисс у нас совсем молодец. О, она, эта малютка, перещеголяет Никса! — вмешиваясь в разговор детей, произнес мистер Билль, завтракавший за отдельным столом с директором, его теткой, господином Ивановым, главою акробатов, и клоуном Дюруа.

Мистер Билль редко хвалил кого-нибудь, и поэтому все очень удивились его неожиданной похвале.

— Молодец мисс Сибирушка! — продолжал он, глядя на порозовевшую от удовольствия девочку. — Молодец! Куда нашему Никсу! О, я придумаю один весьма хороший игра... представление... Публикум будет в восторге. И Андре будет читать. Андре тоже! Дюруа похвалят. О, это будет чудесный штук, то, что я придумал.

Мистер Билль был, очевидно, в самом лучшем настроении духа. Успех Сибирочки совсем преобразил его. Оловянные глаза англичанина блестя, на желтом лице играл румянец.

— О, — произнес он снова через минуту, — вышел мисс Сибирушка первый разов и большущий коробка конфет уже получайл. Этого не бивало еще никогда. Никс не помогал нишево! Надо беречь мисс Сибирушка и выпускать на публика пореже, как можно пореже. Пускай на зверь выходит кто похуже, пускай выходит Никс.

И, совершенно спокойно произнеся эту фразу, мистер Билль отвернулся и заговорил о том же с

директором Шольцем, продолжая восхищаться девочкой.

— Поздравляю, поздравляю, Сибирочка! Видишь, как дорожит тобою мистер Билль, — зашептали Герта и Андрюша на ушко ошастливленной девочке, в то время как силачка Элла, не говоря ни слова, сцапала ее в свои железные объятия и, нежно прижимая ее к себе, начала целовать.

— Как ты чувствуешь себя сегодня? Каково тебе? Небось не пришлись по сердцу эти похвалы?

Эта фраза, сказанная старшим Ивановым, точно молотом ударила в ухо Никса. Во все время завтрака он сидел сам не свой, то бледнея, то краснея каждую минуту.

Похвалы Сибирочке точно ножами резали и терзали его завистливую душу. Никс был взбешен на девочку, на ее шумный успех, на мистера Билля, захвалившего ее, на Эллу, Герту и Андрюшу, восторгавшихся ею. Но больше всего был зол на себя за то, что он сам привел «негодную девчонку» (теперь Никс не называл иначе Сибирочку) к мистеру Биллю и сам дал ей возможность показать себя.

Слова мистера Билля о том, что ему, Никсу, далеко до Сибирочки, что он не так хорош, смел и ловок, как она, приводили его в бешенство. Самая черная зависть глодала душу мальчика. А тут еще Денис Иванов, угадав, что происходило в сердце озлобившегося, завистливого Никса, словно подливал масла в огонь.

— И тебе не стыдно уступать свой успех какой-то глупой девчонке? — шептал он на ухо Никсу. — Ты такой молодчинище, и вдруг...

— Ну, какой он молодчинище — зареветь готов! — подзуживал с другой стороны Никса второй брат, Глеб.

— Понятно, зареветь! Фи, стыд какой! А еще мужчина! — захохотал третий, Петр. — Да я бы на твоём месте не ревел, а проучил бы их всех хорошенько, и девчонку эту, и мальчишку, Андрейку негодного. Тоже, поди, нос задрал, загордился своей пляской, — продолжал он тише. — Пока его не было, я плясал и русскую, и все. Меня публика чуть на руках не носила, а тут на вот, как снег на голову свалились оба... О, будь я на твоём месте, я бы вздул их обоих так, что любо-дорого.

— Не стану я рук марать о девчонку! — презрительно оттопыривая губу, произнес Никс.

— Ну, так Андрейку отколоти как следует — девчонке это еще больнее будет, чем ее самое обидеть. Он к тому же и зазнался не в меру! А мы поможем тебе! — предложил снова Глеб.

— Поможете?

— Конечно. Только ты брату Вадимке не говори. Он с Андрейкой дружен... Сейчас ему насплетничает о нашем решении. А уж руки у меня на этого Андрейку чешутся. Еще бы! Вчера еще Шольц говорит отцу: «Вот, — говорит, — если б кто-нибудь из ваших сыновей мог выучить акробатическим штукам Андре, он бы всех за пояс заткнул. На диво ловкий мальчик!» Вот мы и покажем этому ловкому... Проучим хорошенько. Ведь точно принц какой: нос задирает, не разговаривает с нами даже. Гусь!

— Сначала его проучим, а потом придумаем, как бы Сибирку эту с места сдвинуть, — нашептывал на ухо Никсу Денис Иванов.

Никс угрюмо мотнул головою.

В его душе не было сейчас места ни одному светлomu чувству; напротив того, в голове Никса зрело одно новое решение, которое он ни за что бы не высказал своим новым друзьям.

Глава XIII

Письмо. — Сюрприз. — Затея Никса

«Милая маленькая девочка! Я не знаю твоего имени и потому просто называю тебя милой маленькой девочкой. Пожалуйста, не сердись на меня за это. Тебя называют Сибирочкой. Почему? Должно быть, ты родилась и выросла в Сибири... Так сказал мне мой папа — князь. Я тоже была в Сибири, но очень давно и не помню, когда это даже было... Тогда я была совсем маленькой девочкой. Теперь я большая. Мне уже девять лет. А тебе сколько? Какая ты храбрая! Когда я увидела твою голову в пасти этого ужасного льва, я чуть не закричала от испуга. Я думала, что он тебя съест. М-лле Софи, моя гувернантка, сделала мне выговор за то, что я бросила тебе конфеты, а не послала их с лакеем. Она говорит, что это неприлично, потому что я княжна и княжне надо уметь вести себя. А ты не княжна, маленькая девочка? Это хорошо и худо. Хорошо — потому что ты можешь кричать и тебя не останавливают каждую минуту, можешь громко разговаривать, смеяться, а худо — потому что у тебя нет таких нарядных платьиц, шляп, нет таких игрушек с картинками, как у меня, и ты должна входить в клетку этих ужасных львов, потому что иначе тебе нечем будет кормиться! Мне очень жаль тебя... Когда ты снова будешь давать представление, мой папа — князь повезет меня в театр. Ну, вот видишь, как много я тебе написала! М-лле Софи говорит, что я худо написала и испортила двумя кляксами письмо. Но это ничего. Тебе приятно будет получить это письмо и с кляксами, тем более что вместе с кляксами ты найдешь в нем и маленькое колечко с рубином, которое я тебе дарю. Когда я буду в театре, я приду к тебе с папой за

занавес. Ведь пустят? Должны пустить. Мой папа — князь, очень богатый и важный барин. У него столько денег, что если их навалить в кучу — получится гора.

Прощай, Сибирочка! Скоро я тебя увижу.

Княжна Аля Гордова».

Это письмо несколько раз подряд было прочтено Гертой, самой Сибирочкой и Андрюшей. На пальчике Сибирочки уже красовалось приложенное к письму прелестное кольцо с рубином, похожим на алую капельку крови. И письмо, и колечко рано утром доставил высокий лакей, одетый, как барин. Лакей пришел с парадного крыльца и спросил, можно ли ему видеть «барышню Сибирочку». Смущенная девочка вышла к лакею, и тот вручил ей письмо с колечком.

— Вот видишь, — весело говорила Герта Сибирочке, — вот видишь, у тебя нашлись покровители и друзья. Я очень счастлива за тебя, милочка.

Счастлив был за свою милую подругу и Андрюша, счастлива и Элла. Негритянка прыгала и хлопала в ладоши, пальцем показывая на колечко. Сибирочка написала ответ, в котором поблагодарила свою новую подругу, и вручила письмо лакею.

Потом Андрюша, она и Герта поехали на репетицию в театр, где их уже ждали остальные члены труппы.

Мистер Билль и господин Шольц придумали неделю тому назад совершенно новое и чрезвычайно интересное представление, какого еще не приходилось видеть посетителям театра «Развлечение».

Они решили представить на сцене то, что было почти две тысячи лет тому назад. Это была небольшая пьеса из времен гонения римлян на христиан, сочиненная самим мистером Биллем. Она заключалась в следующем.

Девочка-христианка, по имени Вероника, живет в Риме, которым правит цезарь, то есть император, Нерон.

Нерон запрещает христианам веровать в Христа и мучает, и пытается всех, кто не хочет поклоняться бездушным идолам, которым поклоняется сам император и его приближенные.

Веронику, которую должна была изображать Сибирочка, схватывают слуги Нерона и приводят ее по приказанию цезаря в клетку со львами, которые и должны растерзать девочку-христианку.

Львы готовы броситься на нее, готовы вонзить в нее свои когти, но девочка надевает на шею одного из них венок из лавров, брошенный ей в клетку Нероном, как бы в насмешку над нею, и лев тут же преклоняет колена перед девочкой Вероникой. Его примеру следует другой лев, и Вероника здоровой и невредимой выходит из клетки, получает прощение императора, приближенные которого тут же уверовали в Христа.

Эту небольшую пьесу очень усердно разучивали теперь дети: Никс, Андрюша, Герта, Сибирочка и другие. С утра до вечера они находились теперь в театре-цирке и проделывали все, что требовал от них мистер Билль.

В то утро, когда лакей князя Гордова принес письмо и подарок Сибирочке, репетиция немного запоздала, так как мистер Билль пошел осматривать с врачом ногу Юоны, которую та нечаянно подвернула во время последнего представления.

Господин Шольц был занят у себя в кабинете. Старик Дюруа занимался со своим внуком, которого, вследствие его молодости, учил отдельно.

Никс и три старших брата Ивановы были уже на арене, когда Герта, Элла, Сибирочка и Андрюша появились там.

— Что это у тебя на пальце? Откуда ты стащи-
ла такую прелесть? — грубо крикнул Никс, ус-
певший сразу заметить на тоненьком мизинце
Сибирочки рубиновое кольцо.

Последняя вспыхнула от обиды. Вспыхнула и
Герта за свою любимицу, в то время как негри-
тянка, заслыша грубый голос и заметя вызываю-
щий тон мальчика, грозно сдвинула свои сросши-
еся брови.

Зато Андрюша был бледен, как белый ворот-
ничок его рубашки.

— Как ты смеешь обижать девочку! — сдержан-
но произнес он, не возвышая голоса, в то вре-
мя как глаза его уже загорелись гневными ис-
крами.

— Ах, скажите, пожалуйста, какие нежност-
ти! Не забудь, что я должен знать все, что касает-
ся вас. Я вас поставил на место и за вас отвечаю.
Девчонка стянула где-то кольцо, и я не должен
этого заметить... — начал было с хохотом Никс и
не докончил своей фразы.

В два прыжка Андрюша очутился около него.
Его тонкие, но сильные пальцы, как клещи, впи-
лись в плечо Никса. Его перекошенное лицо с бе-
шенством приблизилось к лицу противника.

— Слушай, ты, — произнес он голосом, от ко-
торого Никс невольно вздрогнул, — если ты по-
смеешь когда-нибудь еще дурно обращаться с
нею, — он обратил взгляд на Сибирочку, — то
я... то я разделаюсь с тобою сам! Слышишь ты
меня?!

И Андрюша оттолкнул от себя не ожидавшего
ничего подобного Никса так, что тот закачался из
стороны в сторону и в тот же момент растянулся
на песке, во всю свою длину, под звонкий хохот
всех присутствующих.

Глава XIV

Таинственная каморка. — Черный дух

В большом летнем театре имелся длинный подвал. Этот подвал, вернее, целое подземелье, был устроен для того, чтобы там складывать старые и новые декорации, всевозможные театральные костюмы, имущество театра и цирка и прочие вещи, необходимые для каждого хозяина театрального дела. Часть этих вещей находилась в здании обоих театров, часть была сложена здесь.

Этот огромный подвал состоял из длинейших переходов, образовавшихся от нагроможденных здесь ящиков и кулис, и заканчивался небольшою каморкою, куда никто не заходил даже днем, потому что там было темно, как в могиле, и слышалась какая-то неприятная и шумная возня. Разумеется, это возились крысы, но у младших членов труппы театра «Развлечение» было убеждение, что внизу, в подвале, живет черный дух, хозяин подземелья, который и ночи, и дни проводит в каморке. Если бы кто-либо заглянул сюда в перерыв между репетициями, то понял бы, какой там хозяйничал дух или, вернее, четыре духа разом.

Лишь только днем кончалось первое отделение занятий на сцене и давался часовой отдых, три старших брата Ивановы и Никс Вихров незаметно уходили и один за другим пробирались сюда.

Здесь один из них доставал огарок свечи и зажигал его. Другой вынимал из разных карманов всевозможное угощение. Тут были и сласти, и фрукты, и закуски, и даже вино. Употребление вина строго воспрещалось в «Большом доме» у господина Шольца. Но старший из братьев Ивановых успел утащить бутылку вина из погреба хозяина, которое исключительно держалось для гостей, и

распивал его с братьями и Никсом. Последнего он успел тоже приучить к этому дурному делу. Если запасться лакомствами и вином было почему-либо неудобно этим путем, Никс покупал это угощение на свои деньги, которые умел всегда выклянчивать у матери, не чаявшей в нем души.

Они пировали здесь днем, пировали во время представлений, в перерывах между выходами на сцену.

Братья Ивановы были испорченные молодые люди, но Никсу они казались самыми лучшими друзьями, и он во всем старался подражать им. Если Денис, Глеб и Петр Ивановы курили — курил и Никс, хотя курение и не доставляло ему ровно никакого удовольствия. Пили братья вино — пил и Никс, хотя от вина его тошнило и нестерпимо болела голова. Но Никсу не хотелось отстать от своих старших товарищей, и он во что бы то ни стало желал показаться им вполне взрослым молодым человеком. Это было гадко, глупо и смешно. С этой целью четыре друга удалялись в крохотную комнатку подполья, где пировали, не боясь быть открытыми начальством и стариком Ивановым, который, разумеется, сильно рассердился бы на своих сыновей.

— А ведь я придумал славную штучку! — воскликнул Никс, только что выпивший большую рюмку вина, отчего у него закружилась голова.

— Что ты еще придумал? — спросили у него три брата-акробата.

Они с Никсом сидели в этот вечер в каморке подземелья прямо на полу, поджав под себя ноги по-турецки.

Перед ними стоял ящик, уставленный старыми, с отбитыми краями тарелками, наполненными лакомствами до краев, и едва початая бутылка вина. И вино, и сласти на этот раз были унесены из кладовой директора, пока Герта, выдававшая

повару провизию, утром отлучилась на кухню, оставив дверь не запертой на ключ.

— Что ж ты придумал?

— А вот что: вам известно, друзья мои, что в пьесе «Христианка и львы» я играю Нерона. Я сижу на троне и бросаю венок в насмешку над обреченной к смерти Вероникой. Она надевает его на шею Юноны. Так вот — ха-ха-ха! — в венок я спрячу две острые иголки и... и... воображаю, как захочет слушаться негодную Сибирку львица, когда ей вонзятся в тело по обе стороны шеи две острые иглы! Ха-ха-ха-ха! Разумеется, покорности от нее тогда и не жди! И вместо того чтобы улечься к ногам девчонки, она запрыгает бесом по клетке!.. Ха-ха-ха-ха! Вот то будет потеха! И уж выругает мистер Билль Сибирку за это... И перед публикой она осрамится, и нагоняй получит, и никто уже не станет хвалить ее и подносить ей подарки! Ха-ха-ха-ха!

— А вдруг львица рассвирепеет и кинется на Сибирочку? — тревожно произнес один из младших Ивановых, в котором еще не вполне заглохли хорошие порывы.

— Ну вот еще! Так вот тебе и кинется сразу! У меня будет револьвер наготове, и я выстрелю чуть что, да и мистер Билль не допустит: он всегда находится тут же, рядом, поблизости у клетки. И потом, стоит только чуть-чуть ранить львицу, чтобы она забыла все и, бросив намеченную жертву, кинулась разыскивать обидчика...

— Ну, в таком случае все пойдет отлично, — одобрил Никса Денис Иванов, — все увидят, что девчонка испортила пьесу, не умея внушить покорности львам. И публика уже не будет на ее стороне, и опять ты станешь, Никс, ее любимцем.

— О, мне это безразлично! — с деланно небрежным видом произнес Никс. — Я скоро ухожу от Билля, и он один с Сибирочкой поедет в Америку подыскивать и приручать новых молодых львов.

— Он возьмет и Андрея! — произнес старший Иванов и тотчас же добавил с лукавой усмешкой: — А ты, Никс, так и забыл, как тебя оскорбил Андрей, и простил ему все, как божья коровка!

Никс вспыхнул до корней волос.

— Я?.. Я?.. Я простил? — залепетал он смущенно.

— Ты... ты... — передразнил его Денис. — Что ты дашь мне за то, если мне удастся заманить сюда Андрея?

— Как что? — так и всколыхнулись его два брата и сам Никс.

— Ну да! — продолжал с усмешкой Денис. — Я поспорил сегодня утром с Андреем. Я сказал ему, что, вероятно, он боится, как и все здешние ребята, черного духа, который бродит в подполье. Он ответил, что не боится ничего. Тогда я ему сказал: докажи и приди сегодня вечером в перерыв представлений. И глупый мальчик обещал прийти. Сейчас он явится сюда... Нам остается только проучить его как следует и навсегда отвадить от глупой привычки важничать перед нами.

— О, какой вы умный, Деня! Как вы славно придумали все это! — вскричал Никс. — Я сделаю вам за это все, чего бы вы ни пожелали! Но, чу... вы слышите шаги? Это он!.. — внезапно прервал Никс свою речь.

Действительно, в подполье кто-то шел по направлению к каморке. Все три брата и Никс чутко насторожились... Вот ближе... ближе шаги... еще ближе... Теперь они уже у самых дверей каморки.

— Сейчас он войдет! Слушайся, братцы, меня! — скомандовал шепотом Денис. — Я первый подскочу к нему и схвачу его за руки, чтобы он не мог защищаться. Вы же хорошенько прибейте его, не жалея кулаков. Потом мы свяжем его и оставим здесь, а сами пойдем к господину Шольцу и при-

ведем его сюда. Он увидит связанного Андрея, недопитую бутылку и закуски из своего погреба и... и... решит, что благодетельствованный им мальчик бездельник и вор. А мы все четверо подтвердим это...

— Прекрасно, прекрасно! — зашептали два младших брата Ивановы и Никс. — Теперь-то мы доберемся до него, как и следовало бы давно! — И, потирая руки, они стали ждать появления Андрюши.

Еще ближе послышались шаги. Теперь уже совсем-совсем близко... Кто-то тронул дверь... Скобка звякнула, и...

Высокое, в черном плаще существо, со страшным бледным лицом, появилось на пороге каморки. На голове, покрытой черным капюшоном, торчали рога. Из-под плаща змеился длинный хвост. Стекловидные глаза слабо мерцали при тусклом свете огарка.

— Ага! Попались! Будете хозяйничать в моем царстве! Вот я вас за это! — гробовым голосом произнес неизвестный посетитель и, отделившись от двери, огромными шагами двинулся вперед.

— Ай-ай-ай, черный дух! — взвизгнул не своим голосом Никс и, продолжая неистово визжать, закрыл лицо руками и вне себя повалился на пол.

Два младших Иванова присели тут же, подле него, шепча молитвы.

— Чур, меня! Чур, меня! Чур, меня! Чур! Чур! Чур! — закричал дико, вытаращив глаза на страшное явление, старший Иванов и забился носом в самый угол каморки.

— Ха-ха-ха-ха! И трусы же вы, братцы! Сами черным духом пугали и сами же первые его испугались! — раздался веселый звонкий смех из-под капюшона, и вмиг полетела с грохотом страшная маска с высокой палки, на которой она была

надета, упала черная мантия, отскочили рожки с хвостом — и смеющееся лицо Андрюши представило внезапно перед насмерть перепуганными друзьями. — Ха-ха-ха-ха! Это я... Я же, глядите, трусы! — весело вскричал он. — Я шел к вам, да по дороге увидел в каком-то раскрытом сундуке в подполье старый, заношенный костюм с рожками и хвостом и эту маску и напялил все это на себя. Дай, думаю, припугну их в шутку... А выходит, что вы — трусы и на самом деле испугались. Ха-ха-ха-ха! — тем же веселым смехом заключил он свою речь.

Юноши во все глаза смотрели на него, еще не понимая сути дела. Наконец Денис Иванов тихонько вышел из своего угла. Никс, все еще продолжавший тихо подвизгивать, точно испуганная комнатная собачка, тоже нерешительно приподнялся с земли. Так же нерешительно встали на ноги и другие два брата, Глеб и Петр.

— Так это ты, а не черный дух, на самом деле! — произнес Денис.

— Ха-ха-ха-ха! Ну разумеется, я! — пришел совсем уже в веселое настроение Андрюша.

— Это он! — словно эхо проронили Никс и два младших Иванова в один голос.

— Это он! — подтвердил их брат Денис, и у него сделалось в эту минуту сконфуженное и очень глупое лицо.

— Но как же ты смеешь смеяться над нами?! — неожиданно разразился он, глядя сердитыми глазами на все еще продолжавшего смеяться Андрюшу.

— Да, как ты смеешь?.. Мы проучим тебя за это! — послышались угрожающие голоса его братьев.

— Да, да, проучим, проучим! — подтвердил внезапно обретший свою прежнюю храбрость Никс.

— Вот я тебя за это! — гаркнул во весь голос старший Иванов и кинулся на мальчика с поднятыми кулаками, прежде чем тот успел что-то сообразить.

Кинулись вслед за ним и его братья, и Никс Вихров на Андриюшу. Но тут случилось нечто неожиданное! Андриюша внезапно прыгнул на середину каморки и в одну секунду затушил свечу. Полная тьма воцарилась теперь здесь. В этой темноте только слышалась какая-то отчаянная возня и наконец раздался звенящий слезами голос Никса:

— Вы с ума сошли, Денис! Мне больно! Вы дергаете меня за волосы... Ой-ой-ой-ой!

— Да разве это ты, Никс? — слышался изумленный голос старшего Иванова.

— Я! Разумеется, я! Да оставьте же мои волосы, говорю я вам.

— Вот странно! А я ведь думал, что это Андриюшка.

— Андриюшка должен быть в противоположном углу, — откликнулся Глеб.

— Держи его, братцы! — неистово закричал Петр и метнулся по подполью в полной темноте.

— Ай-ай-ай! Это не Андриюшка, а я! Я же — Денис! Как ты смеешь меня бить! Я пожалуюсь отцу и господину Шольцу! — неистово завопил он в тот же миг на все подполье.

— Ах, это ты! Прости, пожалуйста, и не хнычь! Я думал, это Андрей. Да где же он, наконец?

Братья Ивановы и Никс носились в потемках, награждая шлепками и тумаками один другого, причем они тут же узнавали свои промахи и неистово бранили Андриюшу, который давно успел уже в это время подняться наверх и, весело смеясь, рассказывал обо всем происшедшем своим друзьям. Только перед самым началом второго отделения спектакля четыре истерзанные, в разорванных платьях, с предательскими синяками

на лбу, растрепанные фигуры вылезли из подполья.

Господин Иванов сделал строгое внушение своим сыновьям, мистер Билль — Никсу, а господин Шольц пригрозил выключить всех четверых из своей труппы, если что-либо подобное повторится еще раз. Господин Шольц еще не знал всего, что случилось, и бранил юношей только за драку и шум, доносившийся к ним все время из подполья. Андрюша же был далек от намерения поведать всю правду. Благородный мальчик не хотел причинить никому зла.

Глава XV

Снова княжна Аля. — Счастливый день

— Вас зовут, дитя мое! За вами пришли!

И господин Шольц, взяв за руку Сибирочку, с таинственной улыбкой повел ее через столовую, где только что окончился завтрак, в приемную, куда заглядывали иногда редкие знакомые и друзья обитателей «Большого дома». У дверей приемной директор оставил девочку и ушел. Она была очень удивлена. Она никого не знала, кто бы мог прийти к ней. Правда, та странная маленькая аристократка-барышня обещала побывать у нее в театре в вечер представления пьесы «Христианка и львы», но до этого представления оставалось еще два дня, стало быть, княжна Аля только через два дня могла заглянуть, и то только в театр... Кто же это мог быть?

Выходя из столовой, Сибирочка успела обменяться быстрым взглядом с Андрюшей, лицо которого выказывало тоже живейшее любопытство. Нерешительно, несмело вошла в гостиную Сибирочка. При ее появлении со стула поднялась на-

рядная, в белом пальто барышня и с веселым смехом бросилась к ней навстречу.

— Вот и я! Вот и я! — вскричала весело княжна. — А ты не ждала меня? Не ждала? Ведь правда? Здравствуй, маленькая девочка! — залепетала она, покрывая лицо Сибирочки градом нежных поцелуев. — Я приехала к тебе, потому что не могла дожидаться свидания с тобою еще два дня... Не правда ли, я поступила хорошо? Папа написал письмо твоему начальнику, чтобы он отпустил тебя на целый день к нам. Господин Шольц позволил, и мы проведем отлично денек! Я так рада тебя видеть. Ты ведь тоже любишь меня? Ты рада мне?

Слова у княжны Али сыпались, как искры. Она едва-едва успевала произносить их.

Сибирочке не было никакой возможности отвечать что-либо своей болтливой гостье.

Маленькая щебетунья наполнила всю комнату своим милым голоском.

— Ах, как я хотела тебя видеть! Как хотела видеть тебя! — трещала княжна, сияя хорошенькими глазками. — Вот m-lle Софии скажет! Правда, m-lle Софи?

M-lle Софи, которую тоже увидела здесь Сибирочка, подтвердила слова княжны. Она очень ласково поздоровалась с Сибирочкой и прибавила от себя, что князь позволил дочери пригласить на целый день ее к себе.

— А ты поедешь с нами вечером в театр! — неожиданно объявила княжна.

— В театр? В какой театр? — изумилась девочка.

— Ну, хотя бы в ваш театр-цирк! Это будет очень забавно. Ты, маленькая укротительница львов, будешь сидеть со мною в ложе, и все будут завидовать тебе! — не без некоторой доли гордости произнесла маленькая аристократка.

— Ах, мне уж и так завидуют!.. — вздохнула Сибирочка. — Андрюше завидуют тоже у нас.

— А кто такой Андрюша? — заинтересовалась снова княжна Аля.

— Это мой названный брат. Он очень хороший мальчик.

— И ты его любишь больше меня? — уже с некоторою досадою в голосе спросила княжна.

Сибирочка, которая не умела лгать, ответила просто:

— Да, я его люблю больше вас, больше всего в мире! — горячо вырвалось из ее груди.

— Но ты должна меня тоже любить больше всех! — топнула ножкой княжна. — Я так хочу.

— Аля! Аля! — остановила девочку m-lle Софи.

— Ну, что такое — «Аля! Аля!». Вечно только и слышишь: «Аля, сиди смирно!», «Аля, не грызи ногти!», «Аля, не болтай ногами!». Очень все это скучно! — И она презабавно надула хорошенькие губки.

— Перестаньте, Аля! Ведь ваша подруга с вами! Ведите же ее к нам скорее! — напомнила m-lle Софи, стараясь изменить настроение капризной девочки.

— Ах, да! — неожиданно рассмеялась княжна. — Пойдем, Сибирочка. Позови лакея! Пусть он наденет тебе пальто! — заторопилась она.

— У нас нет лакеев, а горничная нанята не для нас, детей, и господин Шольц не позволяет ей нам прислуживать. Легкие труды мы должны исполнять всегда сами, — проговорила серьезным голосом Сибирочка княжне.

— Вот это уже совсем глупо! — снова рассмеялась Аля. — Зачем тогда брать прислугу, если не для того, чтобы услуживать нам? Ай!.. — вскричала она внезапно, едва успев закончить свою фразу. — Что это за чучело там глядит? Смотри! Смотри! — И она бесцеремонно ткнула пальчиком

по направлению к двери, откуда просовывалась черная голова Эллы.

— Это наша атлетка! — пояснила Сибирочка и ласково кивнула своей чернокожей подруге.

— Фи, противная какая! Черная, как сажа! — сделала презрительную гримаску княжна. — А что она умеет делать? — заинтересовалась она внезапно.

— Дайте ей монету, и она двумя пальцами согнет ее, — предложила Сибирочка, — она у нас страшно сильная, наша Элла.

— Да неужели? — И глаза княжны Али загорелись самым жгучим любопытством.

Она сунула руку в карман и вынула оттуда нарядный бархатный кошелек. В кошельке было немало золота и серебра. Князь Гордов очень баловал свою маленькую дочку и дарил ей много денег.

— Вот золотой, пусть согнет его! Если согнет, я подарю ей его! — И Аля небрежно швырнула монету негритянке.

Та ловко подхватила золотой на лету, весело усмехаясь и сверкая белыми зубами, и крепко зажала его на минуту в своих сильных пальцах. Потом подбросила золотой кверху, и когда десятирублевик очутился снова на ее черной ладони, он оказался сплюснутым в трубочку.

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась княжна. — Вот так молодец! Действительно, она умеет сплющивать монеты. А теперь, чумазка ты этакая, разогни-ка ее снова! — обратилась она снова к негритянке, и так как та не поняла ее, то Аля жестами и движениями пояснила негритянке, чего ей хотелось от нее.

Последняя снова широко улыбнулась губами и глазами. Ее белые зубы сверкнули, как большие миндалины. Она закивала и снова зажала монету в пальцах. И опять золотой приобрел свой прежний вид и заблестел на ладони негритянки.

— Очень, очень хорошо! — захлопала в ладоши княжна Аля.

Потом она приняла важный и гордый вид знатной барышни, покровительственно-небрежно кивнула Элле и пошла из комнаты об руку со своей новой подругой. М-лле Софи последовала за ними. Неожиданно на лестнице тяжелая черная рука опустилась на плечо княжны. Она вскрикнула от испуга и живо обернулась.

Перед ней стояла черная Элла. Негритянка протягивала ей золотую монету, тряся своей курчавой головой, и что-то мычала.

— Зачем она отдает? Это ей в подарок от меня, — пожалала плечами Аля, — объясни ей это.

Сибирочка оживленными жестами стала пояснять что-то своей чернокожей подруге. Но та только по-прежнему трясла головой и мычала в ответ, сильно размахивая руками и пытаясь объяснить что-то.

— Она не возьмет денег от вас, — смущенно пояснила княжне Але Сибирочка, — она говорит, что она мой друг, стало быть, и ваш тоже!

— Ну, дружбы ее я не особенно-то просила, и какая это дружба с чернокожей! — засмеялась княжна и стала спускаться с лестницы.

— У нее светлая душа! — произнесла Сибирочка, которая с каждым днем узнавала все лучше благородную душу черной Эллы.

У подъезда княжну Алю ждала богатая коляска, запряженная парой вороных рысаков.

— Садись же скорее! — нетерпеливо сказала Аля своей новой подруге и птичкой впорхнула в экипаж.

Сибирочка, никогда в жизни не ездившая в экипаже, почти с робостью поместилась в нем. Лошади с места взяли рысью, и экипаж бесшумно покатил по мостовой.

Был ясный весенний день. Деревья уже зазеленели в скверах, уличные мальчики продавали повсюду букеты нежных и пахучих цветов.

Через четверть часа экипаж остановился у большого дома-особняка с мраморными колоннами и роскошным подъездом.

— Вот мой дом! Не правда ли, он похож на дворец? — проговорила с гордостью княжна Аля, и ее юное личико приняло надменное выражение.

Швейцар выскочил из подъезда и стал суетливо высаживать приехавших из экипажа.

— Пойдем, я познакомлю тебя с моим папой, князем, — проговорила снова Аля и, схватив за руку Сибирочку, бросилась с нею почти бегом по широкой лестнице, устланной коврами и уставленной тропическими растениями по площадкам.

Сибирочка широко раскрытыми от изумления глазами смотрела на невиданную еще никогда ею роскошную барскую обстановку. Громадные комнаты с высокими зеркалами, мягкая шелковая мебель, ковры, картины, нарядные безделушки — все это невольно приковывало ее взгляд.

— А вот и папа! — проговорила княжна Аля, вбегая в роскошный, несколько мрачный кабинет, в котором сидел за письменным столом тот самый бледный господин в черном сюртуке, которого Сибирочка видела с княжною в театре.

Этот, далеко еще не старый, но с печальным лицом господин поднялся со своего места и протянул Сибирочке обе руки.

— Здравствуйте, дитя мое, — проговорил он приятным, мягким голосом, — я рад, что вас удалось заполучить сегодня моей шалунье. Она с тех пор, как увидела вас, и слышать не хочет о других подругах. Упросила меня написать вашему директору и попросить отпустить вас к нам на целый день. Ведь вы свободны сегодня? Не правда ли, дитя мое?

— Да! Да! Она свободна! — не давая ответить смущенной этой любезной встречей Сибирочке, вскричала княжна. — Да, да, она свободна и поедет со мною в свой театр! Я хочу ехать сегодня в театр, в ее театр! — шумно и весело заявила она.

— Не будет ли это слишком часто, дитя мое? — произнес князь, ласково взглянув на дочь своими печальными добрыми глазами.

— Но я так хочу, папа! — задрожавшим голосом произнесла готовая уже заплакать маленькая княжна.

Князь, боявшийся причинить какое-либо горе своей любимице, поспешил согласиться.

— Хорошо, крошка, — сказал он ласково, — на этот раз я не лишу тебя удовольствия, хотя посещать так часто театры в твои годы очень вредно. А вы, дитя мое, родились и выросли в Сибири? И должно быть, вследствие этого вам и дали в театре такое хорошенькое имя? — обратился князь Гордов с вопросом к совсем уже потерявшейся от смущения девочке.

— Да, — сорвалось с уст Сибирочки, — я только два месяца как приехала оттуда в Петербург.

— А ваши родные остались там?

— У меня нет родных. Был у меня дедушка, но умер... Правда, есть еще Андрюша, брат, то есть... не родной, но...

Но тут княжна Аля без церемонии прервала Сибирочку и с шумом и смехом потащила ее к дверям.

— Пойдем, пойдем! Я покажу тебе мою комнату, игрушки, книги, все-все! — И Аля выпорхнула бабочкой из кабинета, увлекая за собою девочку.

Князь долго с грустной улыбкой смотрел вслед дочери. Он очень любил свою Алю и исполнял все ее малейшие капризы и желания. Постоянным страхом князя было потерять девочку. Княжна Аля часто злоупотребляла любовью к ней отца. Девочка была капризна, надменна и требовательна, но князь прощал все своей взбалмошной дочурке и никогда не сердился на нее.

— Вот моя гостиная! — торжествующе заявила княжна Аля своей новой подруге, вводя ее в прелестную комнату, всю уставленную крошечной мебелью розового плюша, миниатюрными

зеркалами в золоченых рамах, хрупкими и драгоценными, похожими на игрушки. Рыхлый пушистый розовый ковер покрывал весь пол комнаты. На ковре валялась нарядная кукла, небрежно кинутая в угол, и раскрытая книга в золоченом переплете. — Это моя гостиная, а там, рядом, — моя спальня, классная и зала для игры... В зале ты увидишь мои игрушки и книги... Их у меня очень много! — продолжала тараторить княжна. — В зале мы будем и обедать сегодня, нам накроют на игрушечном столе, — решила она неожиданно.

— Но, дитя мое, — вмешалась m-lle Софи в решение своей воспитанницы, — что скажет ваш папа? Или вы не будете обедать с ним сегодня в большой столовой?

— Ах, Господи, если я так хочу! — капризно надувая губки, произнесла княжна и очень сердито взглянула на свою наставницу.

— Аля! — с укором проронила m-lle Софи.

— Что, Аля! Ну что, Аля! — вся покраснев, как вишня, с гневом повторила, передразнивая, княжна. — Папа добрый, и он все позволит! А вы запрещаете все потому, что вы недобрая, вы — злая! Вы мне всю радость портите только всегда... вы... вы... Я сейчас пойду попрошу у папы и... и пожалуюсь заодно на вас, — с плачем заключила она и бросилась вон из комнаты.

Гувернантка пожалала только плечами и взглянула на Сибирочку. Та стояла потерянная, смущенная, с потупленными глазами. Маленькая княжна и нравилась ей, и отталкивала ее от себя в одно и то же время. Кроткой, нежной и послушной Сибирочке была непонятна эта необузданная натура богатой, знатной маленькой аристократки.

Она все еще думала об этой необузданной девочке, когда последняя снова появилась на пороге и торжествующими глазами, без всякого уже гнева, взглянув на m-lle Софи, громко заявила:

— Позволил! Папа позволил! Мы обедаем за игрушечным столом, а вечером едем в театр!

Это был какой-то сплошной сказочный сон наяву, переживаемый Сибирочкой. Чудные, как во дворце, комнаты с роскошной обстановкой, четыре прелестные собственные комнатки княжны Али, ее дорогие куклы, игрушки и книги с картинками, наконец, великолепный обед, поданный в игрушечной зале на миниатюрных тарелках, — все это было так диковинно и интересно для бедной маленькой девочки, выросшей в нищете.

После особенно вкусного десерта стали собираться в театр. Княжну Алю одели в нарядное белое платье, в котором девочка выглядела настоящей фарфоровой куклой.

Сибирочка осталась в своем коричневом платье, которое ей сшила домашняя портниха семьи Шольц. Разница в наряде обеих девочек была поразительная и сразу бросалась в глаза. И все же скромная, маленькая цирковая актриса была куда красивее и милее благодаря своему прелестному кроткому личику, чем нарядная, в пух и прах разряженная княжна.

Глава XVI

*Новое открытие. — Страхи 2-жи Вихровой. —
Выход найден*

— Гляди, матушка, наша-то Шурка, принцесса-то ненаглядная, Сибирочка, в ложе с Аленькой восседает...

— Где? Где, Николашенька?!

— Да вот, прямо! Ишь, пролезла все же в княжескую семью. Стало быть, и кольцо она ей подарила, и письма ей пишет...

— Какое кольцо? Какие письма?

— Да Аленька, говорю, письма пишет Сибирке этой!

— Что? — Лицо Анны Степановны Вихровой покрылось при этих словах смертельной бледностью. Она сидела с сыном в дешевых местах театра «Развлечение» (Никс не был занят в этот вечер и, решив дать возможность матери поразвлечься немного, привел ее сюда). — Что ты говоришь, Николаша! — почти с ужасом прошептала она. — Неужели попала в дом князя пройдоха эта?

— Тихе, матушка! Услышит еще кто! — остановил Никс Вихров и с досадой закусил губу.

Действительно, им надо было остерегаться. Впереди них сидел какой-то старик, с длинной бородой, в синих очках, не то ремесленник, не то мелкий торговец по виду, и все время вслушивался в их разговор, не желая, очевидно, пропустить из него ни единого слова. Если бы Анна Степановна и Никс проследили за стариком, они заметили бы, что внимание последнего было точно так же привлечено той ложей, где сидела Сибирочка вместе с княжной Гордовой и m-lle Софи. Глаза старика не отрывались от этой ложи во время спектакля.

«Так и есть — она!» — произнес он мысленно, и лицо его приняло злое, торжествующее выражение, лишь только он услышал разговор матери и сына за своими плечами и понял, что речь идет о той же живо заинтересовавшей его девочке, сидевшей в ложе.

В свою очередь, и Анна Степановна Вихрова была теперь как на иголках. Ее щеки то вспыхивали пятнами румянца, то делались белее полотна. Она буквально задыхалась от волнения и, забыв даже смотреть на арену, где на воздушных трапециях кувыркались братья Ивановы, горящими глазами впиалась в Сибирочку, не чужавшую устремленного на нее взгляда.

— Погубит нас девчонка, как есть погубит, если останется здесь еще хоть несколько дней! — громко, в забывчивости отчаяния прошептала Вихрова.

Никс испуганно сжал руку матери и процедил сквозь зубы:

— Ради Бога, тише, мама! Еще услышит нас кто-нибудь.

Лицо у Никса было не менее испуганно, нежели у матери.

— Ах, я полжизни отдала бы, кажется, лишь бы удалось услать Сибирочку теперь же из Петербурга куда-нибудь подальше! — продолжала вне себя, волнуясь и дрожа всем телом, Вихрова и в отчаянии хрустнула пальцами, совершенно не умея владеть собою.

К счастью, около них не было публики, и ближайšie места оставались пустыми. Один только старик в синих очках, сидевший впереди, слышал каждое слово разговора.

Между тем на сцене-арене окончился последний акт представления. Публика зашумела и зашуетилась, покидая места. Княжна Аля, нежно поцеловав Сибирочку, рассталась с нею.

Анне Степановне и Никсу не было слышно, что они говорили, но трогательное прощание девочек еще более взволновало обоих Вихровых — и сына, и мать.

— Еще два-три таких свидания, и... мы пропали! Сибирочка не ограничится одной дружбой с Аленькой, и благодетель скоро узнает все. Заинтересуется же он прошлую жизнью подруги своей дочери! — в отчаянии ужаса лепетала Вихрова, поминутно кашляя и хватаясь за грудь. — Нет-нет! Надо придумать что-нибудь сейчас же... Надо ее вон отсюда, и не осенью с мистером Биллем, а теперь, теперь... Завтра, Никс, заходи домой! Мы переговорим об этом.

И, беспорядочно и прерывисто кидая слова, Анна Степановна наскоро простилась с сыном (который теперь жил также в «Большом доме» Шольца и только изредка забегал к матери) и взволнованная, как никогда, поплелась домой.

Она была так занята своими тревожными мыслями, что совсем позабыла о дальнем расстоянии от театра к дому и, не нанимая извозчика, пешком зашагала по глухим улицам столицы.

Она шла, вздрагивая и спотыкаясь каждую минуту, сворачивая машинально из улицы в улицу, из переулка в переулок.

Если бы Вихрова не была поглощена своей тревогой и обернулась хоть раз, она увидела бы в весенних сумерках майской ночи неустанно следовавшего за нею человека. Этот человек был не кто иной, как сидевший перед нею в театре старик, в синих очках, с седой, совсем белой бородой. Однако старик шел далеко не старческой, а скорее юношески легкой походкой и то и дело зорко оглядывался по сторонам.

Когда Вихрова, миновав несколько улиц, очутилась наконец в захолустном переулке Выборгской стороны, по одну сторону которого тянулся забор какого-то огорода, а по другую — убогие, покосившиеся домишки, незнакомец вдруг ускорил шаги и в несколько минут догнал ее.

— Остановитесь! — произнес он хриплым голосом, хватая Вихрову за руку.

Она замерла от испуга, увидев точно из-под земли выросшего перед нею человека.

— Не кричите. Я не причиню вам никакого зла! Слышите ли, я запрещаю вам кричать! — грозно приказал странный старик, видя, что она уже открывает рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь. — Повторяю, я не хочу вам зла. Напротив, я остановил вас ради вашей же пользы... Вы, насколько я понял из вашего разговора с сыном в те-

атре, хотите избавиться от той маленькой девочки, которая сидела в ложе Гордовых? Так ли я говорю?

— Да! — совсем машинально проронила Вихрова, у которой ноги подкашивались от страха в этот миг.

— Эта девочка мне нужна, — снова заговорил незнакомец. — Больше того, она мне необходима. Я должен ее увезти из Петербурга надолго... навсегда... увезти далеко, в Сибирь... Без нее мне не прожить спокойно и безопасно, — продолжал незнакомец своим хриплым, далеко опять-таки не слабым и не старческим голосом.

— Вы ее родственник? — начиная чуть-чуть приходить в себя от испуга, слабо осведомилась Вихрова.

— Да, я ее дед...

— Дед! — пораженная изумлением, почти вскричала она. — Дед?.. Но как же... как ваше имя?

— Меня зовут Степан Михайлович Кашинов, — отвечал, не дрогнув, хриплый голос. — Я бедный сибирский птицелов.

— А-а! — вырвалось не то испуганным криком, не то стоном из груди Анны Степановны, и она зашаталась, готовая грохнуться на землю.

Имя и фамилия, произнесенные незнакомцем, принадлежали ее покойному отцу. Степан Михайлович Кашинов и был тот самый дедушка Михайлыч, который нашел и взлелеял девочку Сибирочку и потом умер в тайге. Теперь Вихрова отлично поняла одно: перед нею стоял опытный обманщик, бродяга, может быть, вор и убийца, присвоивший себе имя ее покойного отца.

— Что с вами, — изумился незнакомец, заметив волнение своей собеседницы, — или вам знакомо это имя? — приходя, в свою очередь, в волнение, помолчав с минуту, осведомился он.

— Кашинов — мой отец!.. Он умер... — простонала женщина, снова задрожав от страха с головы до ног.

На минуту незнакомец смутился. Но только на минуту. Потом он живо оправился и заговорил снова:

— Ну, да... я сказал неправду... но... это не изменяет дела, так как у меня паспорт и бумаги вашего отца... Я их нашел в кармане старика, когда хоронил его с отцом и братом в глуши сибирской тайги.

— Вы хоронили моего отца? — едва слышно осведомилась Вихрова упавшим голосом.

— Да. Мы с отцом и братом нашли его замерзшим в сибирской тайге... Его бумаги я взял себе и с тех пор живу по его паспорту, так как своего у меня нет... Люди, видите ли, поступили со мною и с моими родными слишком зло и несправедливо, — продолжал говорить незнакомец. — Они обвинили нас в преступлении, в котором мы были невиновны, и посадили нас в тюрьму. Но нам удалось бежать оттуда... Мой отец и брат, однако, попали вскоре снова в руки полиции, я же спасся и, благодаря найденному паспорту в кармане того старика, который, как вы говорите, приходится вам отцом, могу жить если не вполне спокойно, то хотя бы отчасти... Для того чтобы жизнь моя была спокойна совсем, я должен вполне уверить людей в том, что я действительно и есть этот старый птицелов Кашинов, по бумагам которого я живу. Но это можно сделать только при помощи той девочки, которую вы зовете Сибирочкой и которую я искал повсюду и нашел совершенно случайно здесь... Она должна считать меня своим дедушкой, как скоро я получу ее в мои руки, а тогда и все будут признавать меня за старика птицелова, которого считают пропавшим без вести.

— Но вы говорите правду? Мой отец действительно умер? — прервала с трепетом снова Анна Степановна незнакомца.

— Умер и похоронен. К чему мне вам было бы лгать... Но не в том покамест дело. Через несколько дней я уезжаю в Сибирь, где томятся в тюрьме мои бедные невинные отец с братом. Мне надо спасти их во что бы то ни стало. Девочка Сибирочка мне необходима сейчас. С нею мне легче будет пробраться в знакомые места. Люди тогда скорее поверят мне, что я тот самый человек, по паспорту которого теперь проживаю. И я прошу вас помочь мне в этом. Это будет нетрудно для вас, так как вы сами хотите, я не знаю, впрочем, по какой причине, избавиться от этой девчонки. Но помните одно: все должно быть сохранено в полнейшей тайне, иначе... не вините меня, но я доберусь до вас и разделаюсь с вами по-свойски, если вы выдадите мою тайну, — заключил свою речь бродяга таким зверским тоном, что Вихрова снова задрожала всем телом при его словах.

Опять наступило долгое молчание. Подавив волнение, Анна Степановна робко осведомилась у своего собеседника:

— Но как же и куда доставить вам девочку?

— Я остановился на Нарвской улице, в гостинице «Байкал». Завтра вечером вы привезете мне девочку. Я буду вас ждать, — уже тоном приказания обратился он к Вихровой. — Это будет нетрудно сделать... Скажите ей, что ее дедушка жив, что он только пропал без вести и что ее обманули лесные бродяги, сказав, что он умер. Глупая птичка поддастся на эту приманку и поедет с вами тогда охотно. Что же касается остального, то я приложу все старания, чтобы показаться ей в настоящем виде ее деда и вашего покойного отца, благо я хорошо его запомнил, и постараюсь сделать так, чтобы быть похожим на него. Впрочем, девоч-

ка едва ли так хорошо помнит старика. Она и не расчихает обмана в первую минуту, а когда расчихает, то будет уже в моих руках.

Незнакомец смолк и ожидал теперь, что скажет Вихрова.

В душе Анны Степановны шла тяжелая работа. С одной стороны, она угадала в незнакомце беглого преступника и злодея и ей было жаль отдавать в его руки любимицу ее покойного отца. С другой стороны, если бы Сибирочка осталась в Петербурге и вела дружбу с семьею Гордовых, кто знает, истина могла бы обнаружиться очень скоро, и ей, Анне Степановне, и близким для нее людям пришлось бы очень худо, а может быть, это и вовсе погубило бы их. Последнее обстоятельство заставило Вихрову сразу решить дело далеко не в пользу Сибирочки, и она, поборов последние признаки волнения, проговорила твердо:

— Хорошо. Завтра вечером ждите меня и ребенка. Но вы должны мне дать слово, что не будете обращаться дурно с ней.

— Конечно, — с плохо скрытой насмешкой произнес незнакомец. — Внучка вашего отца будет у меня воспитываться, как принцесса, но с условием, чтобы обо всем этом разговоре и нашей встрече не узнал никто. Иначе не поздоровится ни вам, ни девчонке. Честь имею кланяться. Завтра я вас жду!

И прежде чем Анна Степановна могла ответить что-либо, странный незнакомец уже исчез из вида.

Глава XVII

Радость

Следующий день как раз приходился кануном представления новой пьесы «Христианка и лвы». Чтобы дать хорошенько подготовиться

Сибирочке к предстоящему ей на другой вечер новому представлению, мистер Билль позволил девочке не участвовать в сегодняшнем спектакле. Сибирочка вместе с Эллой, которая тоже не была занята в этот вечер, осталась дома. В восемь часов все обитатели «Большого дома» уезжали в театр.

Андрюша должен был ехать вместе с остальными. Он пришел, по обыкновению, проститься с названной сестрою и очень изумился, увидя, что хорошенькое личико Сибирочки было очень грустно и печально в этот вечер.

— Что с тобою, Шура? — озабоченно спросил мальчик. — Что-нибудь недоброе случилось с тобой?

— Наша принцесса, должно быть, не успела опомниться от всех княжеских богатств, которые изволила видеть вчера, — не пропустил случая съязвить Никс, неожиданно вынырнувший как из-под земли.

Андрюша так строго взглянул на него и с такой угрозой сдвинул свои черные брови, что у злополучного Никса пропала всякая охота шутить дальше.

— Послушай, Элла, — остановил Андрюша проходившую мимо негритянку, — побереги Сибирочку и развесели ее, пока я буду в театре! — И жестами он стал пояснять свои слова.

Элла поняла его, закивала курчавой головой и заблестела зубами, открывшимися в приветливой улыбке.

Андрюша поцеловал Сибирочку и уехал в театр. Девочки остались одни. Элла тотчас же приступила к исполнению возложенной на нее задачи. Чтобы разогнать грусть на личике «госпожи», она проделала по очереди все свои штучки: гнула пальцами монеты, поднимала гири, становилась на голову, ходила на руках. Но ничего не помогало —

Сибирочка была грустна. Эта грусть девочки была не без причины.

В эту ночь девочка видела во сне покойного дедушку, и печаль о дорогом старике наполняла теперь ее сердце. Немудрено поэтому, что личико ребенка было покрыто облаком грусти весь день.

Элла была в отчаянии. Ей во что бы то ни стало хотелось растормошить свою подругу. Она уже надумывала новую штучку, которая, по ее мнению, должна была непременно развеселить Сибирочку, как неожиданно в передней раздался звонок, а через две-три минуты вошла горничная и сказала Сибирочке, что госпожа Вихрова ждет ее в приемной.

С того самого утра, как Никс увел из жилища его матери Сибирочку и Андрюшу, девочка ни разу не видала Вихровой. Поэтому девочке показался очень странным ее неожиданный визит, но еще страннее показалось Сибирочке приветливое и радостно улыбающееся лицо Вихровой, то самое лицо, которое она видела в первый раз перекошенным от гнева и ненависти.

— Здравствуй, Сибирочка! — произнесла насколько можно ласковее лукавая женщина. — Здравствуй, милая моя девочка! Я принесла тебе радостную весть.

— Какую весть? — смущенно кланяясь и получая непривычный поцелуй, спросила девочка.

Вихрова окинула ребенка быстрым взглядом и, помолчав минуту, спросила так ласково и нежно, как только могла:

— Что бы ты сказала, деточка, если бы твой дедушка, которого ты считаешь умершим, оказался жив?

Сибирочка вздрогнула от неожиданности и широко раскрыла свои большие синие глаза.

— Этого не может быть, мой бедный дедушка умер в тайге... — упавшим голосом отвечала она.

— Ты видела его мертвым?.. Видела, как его хоронили? Видела его могилу? — каким-то странным голосом выпрашивала Вихрова.

— Нет. Я видела только, как он лежал на снегу... И потом уже не видала его... Он умер, умер! — И Сибирочка, закрыв лицо руками, горько заплакала, переживая снова в своей памяти тяжелую картину.

Анна Степановна быстро обняла девочку и зашептала ей на ухо:

— Полно, не плачь... Дедушка жив... Его удалось спасти... привести в чувство... Он был сильно болен и теперь поправился... Приехал сюда и ждет нас с тобою к себе в гости...

По мере того как Анна Степановна говорила это, слезы Сибирочки иссякли. Ее огромные глаза раскрылись еще больше. В них сверкнула робкая радость. Она схватила руки Вихровой и, не помня себя, сжала их, лепеча бессвязно:

— Жив? Дедушка жив? Дорогой мой жив? Где он? Приведите его сюда ко мне... О, скорее, скорее! Не мучьте же меня, ради Бога!

— Дедушка не может прийти, он очень устал с дороги. Он остановился в гостинице и ждет нас к себе. Едем к нему, Сибирочка! — взволнованным, срывающимся голосом лепетала не помня себя Вихрова.

— Едем! Едем! — вырвалось радостным звуком из груди обезумевшей от радости Сибирочки, и она порывисто кинулась на шею Вихровой, плача, смеясь и душа ее своими поцелуями. — Дедушка жив! Мой дедушка, дорогой! Милый! — лепетала она, чуть живая от счастья.

Анне Степановне, которая, кстати сказать, чувствовала себя очень скверно, хотелось во что бы то ни стало прервать поскорее эту мучительную сцену. Она, ласково уговаривая Сибирочку не волноваться, повела ее в прихожую, помогла

девочке одеться и, сказав горничной, что к барышне Сибирочке приехали родные издалека и что Сибирочка только на полчаса сьездит поглядаться с ними, вывела девочку без всяких препятствий из «Большого дома».

Взяв извозчика до Нарвской улицы, Анна Степановна усадила в пролетку свою маленькую спутницу и приказала ехать вознице как можно скорее. Улицы, дома, магазины — все это запестрело перед девочкой в легкой дымке сумерек весенней ночи.

Сердце Сибирочки то билось сильно, то замирало. Всеобъемлющая радость наполняла до краев ее маленькую душу.

«Дедушка жив! Дедушка здесь! Дедушка ждет меня! Вот счастье! Вот радость! Ах, скорее, скорее бы его повидать!» — пела-ликовала маленькая, безгранично счастливая теперь душа девочки.

Сибирочка почти не заметила быстро промелькнувшего пути и опомнилась только тогда, когда извозчик подвез ее и ее спутницу к подъезду плохенькой грязной гостиницы, стоявшей на самом дальнем краю города.

— Ступай за мною! — произнесла, волнуясь, Вихрова, войдя с нею в подъезд и поднимаясь по ветхой и грязной деревянной лестнице во второй этаж здания. — Где остановился Степан Михайлович Кашинов? — осведомилась она у попавшегося ей навстречу слуги.

Тот указал на дальнюю дверь в самом конце коридора.

— Ну, беги скорее одна к дедушке! Я уже видела отца, не хочу мешать вам и пойду тихонько за тобою! — проговорила Вихрова, обращаясь к Сибирочке, и умышленно замедлила шаги.

Сибирочка не заставила Вихрову повторять это приглашение и стрелюю пустилась бежать по коридору прямо к указанной двери. Вне себя, вся

запыхавшаяся, взволнованная и счастливая, она рванула эту дверь и, широко распахнув ее, влетела в комнату.

— Дедушка! Миленький! — вырвалось радостным криком из ее груди, и она упала в широко раскрытые объятия находившегося в комнате старика.

Теперь она была как безумная. Она обвила ручонками его шею, целовала его седую бороду, белые волосы, которые были так похожи на дедушкины волосы, целовала лицо и мочила это лицо слезами, радостными, счастливыми слезами, шепча одну только фразу, словно в забытьи:

— Дедушка! Миленький! Дедушка!

Глава XVIII

He он

— Ха-ха-ха-ха! Пора прийти в себя, внученька! Довольно наобнималась и нацеловалась! Садись теперь сюда и слушай меня хорошенько, что я тебе буду говорить!..

Этот грубый смех и голос, совсем не похожий на голос и смех дедушки, заставили затрепетать Сибирочку с головы до ног. Она тихо вскрикнула и отскочила от мнимого деда к двери. Но старик, точно ожидая этого, опередил девочку и, прежде нежели она достигла порога комнаты, быстрым движением затворил дверь и запер ее на ключ.

Лицо Сибирочки покрылось смертельной бледностью. В глазах отразился ужас: только теперь она убедилась, что перед ней не дедушка, а Иван Зуб. Последний между тем расхохотался еще грубее.

— Что запрыгала? Что, небось признала по голосу-то?.. Старого знакольца своего признала, голубушка?.. — хрипло ронял он слова своим гру-

бым голосом. — Ну, и ладно... Слушай же теперь хорошенько меня. Ты теперь в моих руках. Теперь что захочу, то и сделаю с тобой. Если будешь покорна мне, забуду прошлую обиду, забуду, как ты с негодяем Андриюшкой меня и отца с братом полиции выдала. Прощу тебе все, только за это ты меня своим дедушкой признать перед всеми должна. Слышишь? Я твой дедушка отныне, Степан Михайлович, птицелов сибирской тайги... Слышишь? Так ты и знай! И повезу я тебя с собою в Сибирь, и будешь ты жить в ней до тех пор, пока отца и брата не вызволим из неволи, а там отпущу тебя на все четыре стороны, коли умна и покорна мне будешь. Слышишь, что говорит тебе Иван Зуб?

С теми же широко раскрытыми, почти вытаращенными глазами и до смерти испуганным лицом Сибирочка слушала, точно в каком-то страшном кошмаре, эти речи.

— Иван Зуб! Иван Зуб! — воскликнула она не своим голосом.

Да, это был Иван Зуб! С первого же звука узнала она голос лесного бродяги, своего злейшего врага, и почти онемела от ужаса.

Зуб видел впечатление, произведенное им на Сибирочку, и, желая несколько ободрить ее, произнес, значительно смягчая свой грубый голос:

— Ишь, зашла со страху, глупая! Ну, чего испугалась? Говорю тебе: в холе у меня будешь заместо дочери жить, если признаешь меня за своего покойного деду и другим меня за него выдавать будешь. Согласись, глупенькая, тебе же лучше станет. Ну же, тебе говорю, согласись!

Что-то новое произошло в эту минуту с Сибирочкой! Только сейчас, казалось, она поняла все, что требовалось от нее. И странно — недавний страх при этих словах Зуба, казалось, сразу покинул ее. Как, признать этого злодея за дедушку?.. За милого, доброго покойного дедушку?..

О, никогда! Никогда она, Сибирочка, не сделает этого. Пусть лучше он, этот злодей, убьет ее!

И, не помня себя от горя, ужаса, тоски и обиды за своего деда, она крикнула, вся охваченная одним сплошным гневом, одною мукою и тоской:

— Никогда! Слышите ли? Никогда я не сделаю этого, никогда, никогда, никогда!

— Ага, вот ты как! Ну, не прогневайся, миленькая! Как аукнется — так и откликнется! — почти прорычал взбешенный Зуб и, раньше чем девочка могла крикнуть, позвать на помощь, схватил ее на руки, быстро сунул ей в рот какой-то комок тряпиц и, связав ей лежавшей на стуле веревкой руки и ноги, грубо бросил ее на диван.

Потом быстро подскочил к ней и, нагнувшись к ее уху, зашипел злобно:

— Слушай ты у меня, мерзкая девчонка!.. Ты могла бы быть счастливой теперь... внучкой моей быть... дочерью любимой... как родной дочерью... а теперь... теперь... Постой же ты у меня... В Сибирь я тебя повезу все же с собою... Недаром приехал я сюда и разыскивал тебя за тысячи верст. Стало быть, ты мне нужна. Но кабы ты охотой ехала со мной, легче было бы тебе... А теперь одно скажу: лучше бы тебе и на свет Божий не родиться. Не раз помянешь Зуба и руку его... Дай только срок, улягутся все, я тебя проучу хорошенько... Небу жарко станет... Пока лежи одна-одинешенька да на досуге подумай обо всем! А вернусь я — иной у нас будет разговор с тобою...

И, сверкнув бешено горящими глазами, Зуб погрозил девочке своим огромным кулачищем и вышел из комнаты, не забыв повернуть ключ в замке с наружной стороны дверей.

Связанная, почти задохшаяся, Сибирочка лежала теперь, близкая к обмороку, поперек широкого грязного ситцевого дивана, без воли, без мыслей, без слез...

Глава XIX

Снова Зуб. — Отчаяние. — Неожиданная защита

Сибирочке становилось с каждой минутой все хуже и хуже. Веревки резали ей руки и ноги. Тряпка, засунутая в рот бедной девочки, мешала ей свободно дышать. Она почти совсем задыхалась. Ее спутанные мысли отказывались работать... Уже не прежний ужас, а тяжелая тоска сковывала маленькое сердечко. Теперь уже самый страх перед тем, что будет, не терзал, как прежде, душу девочки. Она хотела только одного: хотела всеми придушенными в ее измученном мозгу мыслями, чтобы то, чему неминуемо было суждено свершиться, свершилось бы теперь, сейчас...

Так тянулись тяжелые минуты, может быть, и часы. Сибирочка не могла сообразить, сколько времени прошло, как неожиданно послышались быстро приближающиеся шаги по коридору и кто-то, подойдя к двери, повернул ключ в замке. В сильно сгустившихся сумерках, царивших в комнате, Сибирочка увидела Зуба. Он был страшен. Его глаза бешено сверкали. Лицо подергивалось судорогой. От него пахло вином, и, казалось, он едва стоял на ногах.

Медленно, неверной походкой подошел он к Сибирочке и, грубо схватив ее, с силой поставил девочку перед собою.

— Ну что, надумала наконец? Хочешь не хочешь, а нужно тебе сделать по-моему! — грубо проговорил он и сильно потряс девочку за плечи.

Та если бы и захотела отвечать своему мучителю, вряд ли бы могла сделать это. Тряпка, воткнутая ей в рот, не давала возможности девочке произнести ни одного слова. Тогда, видя это, Зуб освободил рот девочки, вынув оттуда грязный комок тряпиц.

— Ну, отвечай теперь, согласна ли исполнить мой приказ? Говори, а не то худо будет! — произнес он с плохо сдерживаемым бешенством.

Сибирочка едва-едва могла перевести дух и молчала... Только маленькое сердечко ее билось в груди, как подстреленная птица.

— А, так ты не хочешь говорить!.. — зашипел снова Зуб и изо всей силы отшвырнул от себя девочку, так что та, пролетев несколько шагов, тяжело рухнула на пол.

Злодей в один прыжок очутился подле нее; его перекошенное злобой лицо, со страшными от бешенства глазами и трясущимися губами, наклонилось близко-близко над лежавшей пред ним связанной жертвой. Он сжал свой огромный кулак и взмахнул им над головой Сибирочки...

Ужас, отчаяние, трепет перед боями заставили Сибирочку собрать последние силы и прервать свое тяжелое, мучительное оцепенение.

— Помогите! — отчаянно и глухо крикнула она с мольбой.

В ту же минуту сильно затрещала ведущая в соседнюю комнату ветхая дверь, соскочила с петель, рухнула под чьим-то могучим напором плеча — и черная, как сажа, женская фигура появилась на пороге комнаты...

— Элла! — крикнула вне себя угасающим голосом Сибирочка.

— Да-да! Элла здесь, госпожа! — прогремела негритянка и с нечеловеческим, диким остервенением бросилась на Зуба.

Тот, не ожидавший ничего подобного, замер от ужаса, увидя перед собою черное лицо, сверкающие белки и оскаленные, как у зверя, зубы.

Воспользовавшись этим замешательством, негритянка, толкнув бродягу на пол, наскоро сорвала простыню с кровати, находившейся тут же в

комнате, и скрутила ей ноги и руки все еще не пришедшего в себя нетрезвого Зуба. Потом, не медля ни минуты, она так же быстро освободила от связывавших веревок Сибирочку и, распахнув дверь в коридор, громко крикнула своим сильным гортанным голосом, призывая на помощь. Прошла минута, поднялась суматоха в коридоре... Слуги, сторож и еще какие-то люди, заспанные и испуганные, появились в комнате, за-

нятой Зубом. Они с изумлением, почти с ужасом, таращили глаза на их связанного постояльца, на дрожащую белокурую девочку и на черную негритянку, неизвестно каким образом очутившуюся здесь.

Между тем Сибирочка, ободренная присутствием своего черного друга, уже стояла в толпе людей и, вся бледная, взволнованная, прерывающимся голосом говорила:

— Это не дедушка... нет... нет... Они обманули меня... Это разбойник и преступник... Он бежал из тюрьмы... из Сибири... Он... очень злой человек... Он хотел убить купца Гандурова, меня и Андрюшу... там, в тайге... а здесь предлагал мне, чтобы я... чтобы я признала его своим дедушкой и всем заявила это... Но мой дедушка умер... а это... беглый каторжник... Я боюсь его... Я боюсь его... Он не дедушка!.. Нет!.. нет!.. — простионала несчастная девочка, едва держась на ногах от пережитых страхов и мучений.

Между тем Зуб, бившийся на полу, тщетно стараясь освободиться, угрожал всячески Сибирочке, черной девушке и всему миру, браня и проклиная все и всех. Он то злобно рычал, как раненый зверь, то шипел в бешенстве, бессильный сделать что-либо.

Вскоре подросла полиция, за которой уже послал управляющий гостиницей, и Сибирочка должна была рассказать все подробно о случившемся с нею. Потом ее, Эллу и связанного Зуба повели в участок, где должно было разобраться это загадочно-странное и темное для окружающих людей происшествие. Но теперь Сибирочка не боялась ничего больше. Ее черная подруга находилась с нею.

Глава XX

Элла действует

В то время как Анна Степановна Вихрова беседовала с Сибирочкой в приемной «Большого дома», негритянка Элла незамеченная притаилась за дверью. Правда, она не могла понять ни слова из того, что говорилось матерью Никса, но плач Сибирочки, ее взволнованный голос, то звучавший глубокой печалью, то шумной радостью, — все это навело на смутные подозрения молодую негритянку. Она, как и все в труппе, знала, что Никс от души ненавидел Сибирочку и Андрюшу, и потому один уже необычайный и поздний визит матери Никса к их общей любимице заставил Эллу предположить что-то дурное. Когда Сибирочка в сопровождении Анны Степановны вышла из дома, негритянка Элла незаметно проскользнула вслед за ними. Они взяли извозчика и поехали. Элла не могла сделать того же: другого возницы не было поблизости, да и нанять его, не зная русского языка, было трудно. И потому она не теряя ни минуты и нимало не смущаясь, побежала бегом вслед за пролеткой, взятой Вихровой. Вне представлений, будучи дома, Элла носила обыкновенное платье простой девушки, и теперь она была в длинной юбке и темной цветной кофте. Большой платок, накинутый второпях на голову, делал ее похожей на бегущую за покупками горничную, и поэтому никто из прохожих не обращал внимания на странную черномазую девушку, почти скрывшую все свое лицо под платком. Извозчицья пролетка, увозившая Сибирочку, ехала довольно быстро, но Элла не отставала от нее. Сильные ноги негритянки, казалось, не знали усталости.

Когда Анна Степановна сошла с пролетки у подъезда гостиницы и вошла в нее в сопровожде-

нии Сибирочки, туда же проскользнула вслед за ними и Элла.

Она видела, как стремительно бросилась бежать Сибирочка, как открыла ближайшую дверь и услышала сначала радостный крик и плач девочки, потом почти тотчас же за этим ее испуганный возглас. Как раз одновременно с этим возгласом Элла заметила быстрое исчезновение Вихровой из гостиной. Это еще более усилило подозрения черной атлетки, и Элла во что бы то ни стало решила дожидаться Сибирочку здесь.

Дверь номера-комнаты, находящейся подле той, куда прибежала Сибирочка, была полуоткрыта, и, не замеченная никем, Элла проскользнула в нее.

Каково же было радостное изумление негритянки, когда она увидела оклеенную обоями дверь, сделанную в смежной стене обеих комнат. Она бросилась к ней, схватилась за ручку, надеясь при первом же новом крике Сибирочки прийти к ней на помощь. Но увы!.. Дверь оказалась запертой на ключ...

Глава XXI

Они вернулись!

Господин Шольц волновался всю ночь, все утро, весь следующий день и вечер. В его доме случилось загадочное происшествие. Два человека разом исчезли из его дома еще накануне вечером. Эти два исчезнувших человека были Сибирочка и Элла.

Горничная пояснила в тот же вечер господину Шольцу, что за барышней Сибирочкой приезжала госпожа Вихрова и куда-то увезла ее с собой. А следом за ними скрылась и «черная барышня»,

как называла вся прислуга Эллу. Господин Шольц на другое же утро поехал к матери Никса разыскивать у нее своих артисток. Но каково же было его изумление, когда ему передали, что за госпожою Вихровой еще рано утром приехали какие-то люди и увезли ее куда-то и что с тех пор она не возвращалась. Господин Шольц теперь уже совсем потерял голову, не зная, где искать Эллу и Сибирочку. Он по нескольку раз обращался к Никсу, спрашивая его, не знает ли он, куда отправили его мать, и не знает ли он, зачем и куда она увезла накануне Сибирочку. Но Никс, который сам знал не больше директора, испуганный за участь матери, весь дрожащий и бледный, мог только ответить одно:

— Клянусь вам, Эрнест Эрнестович, что я ничего не знаю!

На этот раз, обычно лживый и далеко не честный, мальчик не лгал. Он действительно ничего не знал из всего того, что произошло в эти сутки. Только смутная догадка в том, что открыт давнишний проступок его матери, пришла ему на ум и несказанно мучила его.

Весь этот день прошел в ужасных волнениях и для него, и для директора цирка. Наступил вечер. В этот вечер давалось первый раз придуманное мистером Биллем представление «Христианка и львы».

Нечего и говорить, что касса театра «Развлечение» с утра ломилась от напора публики. Всем хотелось посмотреть на диковинное зрелище, и все торопились запасть билетами на этот вечер.

Но чем больше покупалось билетов в кассе, тем мрачнее и озабоченнее становился господин Шольц.

— Сибирочки нет. Представление надо заменить другим. Пусть Никс занимает публику со львами! — голосом, полным тоски и раздражения, обращался он несколько раз к мистеру Биллю.

Последний тоже вышел на этот раз из своего обычного спокойствия.

— О! — говорил он. — О, этот маленький Сибирушка зарезал нас без ножа своим поступком...

И он, усиленнее, чем когда-либо, курил сигару за сигарой.

— Я все-таки надеюсь, что она вернется сегодня же. Она должна вернуться, если она с Эллой! Элла не даст ее в обиду, она обещала мне это! — неожиданно вскричал Андрюша, незаметно подошедший к обоим старикам.

Он был очень бледен. Он не сомкнул глаз в эту ночь. В его лице не было ни кровинки. Бедный мальчуган решительно не мог понять, куда девалась его маленькая подруга, и находился в состоянии отчаяния от горя и тоски по ней.

Между тем к подъезду «Большого дома» приехали кареты; надо было отправляться в театр-цирк. Несмотря на постигшее его горе, Андрюша должен был сегодня, как и всегда, смешить публику и балаганить в роли клоуна. Ему ведь платили жалованье за это. Он не мог подвести начальство, которое надеялось на его исполнительность, как всегда.

Час представления настал. Прозвучал гулкий звонок за кулисами. Опера кончилась, начиналось цирковое отделение.

Мистер Билль и господин Шольц ужасно волновались. Они чувствовали необходимость выйти к публике и возвестить об отмене пьесы «Христианка и львы».

Господин Шольц решил взять эту неприятную обязанность на себя. Он надел фрак и белый галстук (что он делал только по самым торжественным дням) и готовился уже выйти за занавес, отделявший кулисы от сцены-арены, как неожиданно к нему кинулась его дочь, Герта. Плача и сме-

ясь в одно и то же время, в каком-то странном, радостном, так мало свойственном ей возбуждении, девочка лепетала, задыхаясь:

— Они идут, папа! Они вернулись, они здесь!.. Смотри, смотри! Вот они! — И она протягивала вперед дрожащие руки.

Действительно, по коридору быстро шли, вернее, бежали Сибирочка и Элла. Андрюша еще издали увидел свою названую сестру и опрометью кинулся к ней.

— Где ты была? Что случилось с тобой, милая, дорогая? — градом посыпались его вопросы, в то время как он сжимал ее в своих горячих братских объятиях.

Но Эрнест Эрнестович не дал поделиться пережитыми впечатлениями детям. Внезапная радость охватила старика. Девочка вернулась! Отменять пьесу не надо, и касса останется полной в этот вечер! Он чуть не прыгал, как мальчик, сжимаемая костлявые руки мистера Билля, но мистер Билль уже принял свой прежний невозмутимый вид и скомандовал своим спокойным голосом, точно ничего не случилось за эти сутки:

— Публикум ждет, публикум все равно до того, пропал или не пропал мисс Сибирушка, а поэтому разберем все после, а теперь марш одеваться, чтобы через десять минут начинать пьесу. Алло!

Глава XXII

«Христианка и львы»

— Я готова! Мистер Билль, я готова!

— Очень хорошо!

Прозвучал новый звонок. Занавес тихо раздвинулся, из-за кулис на арену выехала колесница,

вся убранная цветами, такая, какие были в Риме тысячи лет тому назад. На колеснице стояла Сибирочка в белой римской тунике и в синем плаще, накинутом на голову. Из-под плаща, вдоль спины и плеч, струились ее белокурые волосы, обрамляя пушистыми локонами прелестное, но бледное, как мрамор, личико девочки. Пережитые за последние сутки волнения и страхи, проведенный среди чужих, незнакомых ей людей день в полиции, где ее неоднократно допрашивали по делу арестованных Зуба, а за ним и Анны Степановны, — все это не могло не повлиять на бедную девочку. Теперь же к пережитым за день волнениям примешивалась еще новая тревога: Сибирочка сильно волновалась за предстоящее ей исполнение новой роли, которая могла бы не удалиться благодаря тому, что страшная усталость сковывала все тело девочки.

Однако она принудила себя улыбнуться, когда колесница, объехав всю цирковую арену, очутилась прямо перед ложей князей Гордовых, где сидели сам князь и княжна Аля, еще издали посылавшая Сибирочке ободряющие улыбки. Очевидно, они не подозревали, что случилось за эти сутки с их любимицей, так как растерявшемуся господину Шольцу и в голову не пришло оповестить Гордовых об исчезновении девочки и ее черной подруги.

Сибирочка медленно и величаво сошла с колесницы. Двое Ивановых, одетых как древневековые рабы, подвели ее к клетке, где метались, по своему обыкновению, Цезарь и Юнона в ожидании представления. Как раз против клетки, на золотом троне, под балдахином, окруженный свитой в белых римских одеждах, сидел император Нерон, то есть Никс, с заранее приготовленным лавровым венком в руке. Сибирочка в этот вечер успела сообщить ему, что его мать находится в по-

лиции, где ее допрашивали по делу Зуба, и мальчик, который все же по-своему любил мать, хотя и был подчас резок с нею, очень боялся за ее участь.

Как он был далек теперь от желания мстить Сибирочке или Андриюше! В забывчивости он хватался за голову каждую минуту и потирал лоб.

— Что с тобою, Вихров? Ты сегодня точно мокрая курица, — шепотом спросил его Денис Иванов, игравший одного из его приближенных римлян.

Но Никс не успел ответить. Надо было начинать. Сибирочка, игравшая Веронику, уже стояла перед ним на коленях и, ломая руки, молила не бросать ее на растерзание львам. Но Нерон—Никс по пьесе должен был быть чуждым жалости. Властным движением руки он приказал рабам втолкнуть Веронику в клетку.

Рабы схватили Веронику—Сибирочку под руки и повели. Публика, заинтересованная совершенно незнакомым ей ходом пьесы, затаив дыхание следила за тем, что будет дальше, тем более что следить было нужно как можно внимательнее, так как юные актеры не говорили ни слова, а только поясняли жестами рук каждую фразу. Еще минута — и Сибирочка очутилась в клетке у львов.

По замыслу мистера Билля львы должны были сразу броситься на девочку и сделать вид, будто они хотят растерзать ее. Это должно было длиться до той минуты, пока Нерон — Никс не бросит лавровый венок в клетку, как бы в насмешку венчая им приговоренную к смерти Веронику. Львы должны были смириться разом, чуть только на одного из них будет надет этот венок.

Пьеса шла своим ходом. Юнона и Цезарь бесновались. Сибирочка стояла бледная и прекрасная между двумя рычащими и мечущимися око-

ло нее зверями, делавшими вид, что они хотят разорвать на части обреченную им жертву. Вдруг зеленый кружочек, стукнувшись о решетку клетки, упал к ногам Сибирочки — Вероники. Она быстро нагнулась, подняла венок и, со светлой улыбкой, вполне войдя в свою роль, надела его на шею Юноны.

По пьесе львица должна была мгновенно упасть к ногам девочки, но, к полному изумлению последней, Юнона испустила отчаянный рев и с изогнутой шеей, по которой текли две алые струйки крови, заметалась по клетке, издавая дикое рычание. Сибирочка подняла изумленные глаза, собрала все свои силы и, впиваясь в львицу глазами, вскричала:

— Сюда, Юнона! Ко мне!

Но Юнона прыгала и бесновалась, точно что-то терзало ее невыносимо и больно. Вдруг она сделала прыжок и, прежде чем кто-либо мог опомниться, лапой толкнула Сибирочку на пол и вонзила ей в тело с тем же воем-рычаньем свои страшные когти...

Глава XXIII

Ужас. — Спаситель

Отчаянный вопль боли и ужаса потряс стены театра... Алая струя крови брызнула из раны, и Сибирочка сразу лишилась чувств.

И точно эхом на крик девочки прозвучало в театре еще более отчаянное, еще более ужасное:

— Спасите ее, спасите! Убейте львицу, сорвите венок!.. В нем иглы... иглы!..

Это кричал Никс, как безумный носясь по арене, путаясь в длинной пурпуровой мантии римского императора.

Публика, ровно ничего не понимая из всего, что происходило, кричала, шумела и бестолково суежилась на своих местах. Со многими дамами и детьми сделалось дурно. Кто-то рыдал в ложе. Шум и суета росли с каждой минутой.

— Где укротитель? Где укротитель? — неистовствовала публика, не замечая того, что мистер Билль, находившийся тут же на арене, уже бежал к клетке, на ходу вынимая из кармана револьвер, который он на всякий случай носил всегда с собою.

Во все это время Юнона с глухим рычанием стояла над бесчувственной Сибирочкой. Вид и запах крови, казалось, опьяняли ее. Ее глаза принимали все более и более разъяренное выражение. Вот она снова подняла свою страшную лапу, и...

Раньше нежели львица успела нанести новый, на этот раз уже, бесспорно, смертельный удар, из-за кулис выскочил кто-то и, далеко оставив за собою мистера Билля, метнулся к клетке.

Размахивая белыми широкими рукавами клоунского балахона, который он не успел еще снять, Андрюша в несколько секунд очутился у клетки.

Мальчик был смертельно бледен, несмотря на густой слой румян, покрывавших его щеки. Сильным движением руки он рванул тяжелую железную дверь клетки и, прежде чем кто-либо успел остановить его, очутился с глазу на глаз с рассвирепевшими львами.

Глава XXIV

Спасена

Первым движением Андрюши было заслонить распростертую и окровавленную Сибирочку от зверей. Но это было не так легко сделать. Юнона

и подошедший за нею Цезарь, тоже почувывая при виде крови свои инстинкты дикого зверя, стояли над несчастным ребенком, не смея, однако, еще начать страшную расправу над ним.

Не медля ни минуты, Андрияша прыгнул прямо к ним и ударил изо всей силы по голове Юнону своим детским, но сильным кулаком.

Зверь взвыл скорее от обиды, нежели от боли, и мгновенно обратился теперь на нового врага... Но смелый мальчик, не дав Юноне опомниться, бросился к Сибирочке, схватил ее на руки и ринулся с нею из клетки. Взбешенные звери метнулись было следом за детьми, но голос и бич мистера Билля привел их в повиновение. Одновременно раздался выстрел в воздух, заставивший чутко насторожиться обоих — и льва, и львицу.

Мистер Билль, воспользовавшись смятением зверей, сорвал венок с шеи Юноны.

Каково же было изумление англичанина, когда он увидел две острые иглы, запрятанные в зелени лавровых листьев этого злополучного венка и вонзившиеся в окровавленную шкуру зверя.

— Тот, кто это сделал, — большой негодяй!.. — прогремел мистер Билль на весь театр голосом, в котором слышались и гнев, и угроза.

В тот же миг кто-то рыдающий, дрожащий и бледный упал к ногам укротителя и обнял его колени.

Это был обезумевший от горя и испуга Никс.

— О, мистер Билль! О, мистер Билль! — лепетал он, рыдая. — О, я не хотел, клянусь... теперь я не хотел этого... я только прежде... то есть раньше... прежде... да... да... но не теперь... Я завидовал ей... и ему... им обоим, да... завидовал их успеху и хотел помешать ему... Я не думал... не знал, что так все случится, когда втыкал иглы в венок... Я забыл их вынуть... совсем позабыл... Вчера я перестал даже думать о мести Сибироч-

ке... Я не могу так мучиться... не могу... не могу... прибейте меня... Но я не могу больше...

И он зарыдал еще сильнее, закрыв лицо обеими руками.

Мистер Билль, казалось, сразу понял все. Гадкий замысел, свершившийся, помимо воли свершившего его, тогда, когда рыдающий маленький преступник менее всего думал о нем, мигом стал ему понятен. Презрение и гнев отразились на лице англичанина. Он оттолкнул от себя Никса, произнес с ненавистью и дрожью в голосе:

— Уйди от меня!.. Мне стыдно, что я считал тебя своим учеником и честным человеком! — И быстрыми шагами прошел за кулисы.

Глава XXV

Крестик

— Ей худо, она умирает!

— Доктора, доктора поскорее!

— Доктор здесь. Доктор был в публике. Он пришел.

— Доктор, рана смертельна?

— Спасите ее, доктор!.. Это лучшее дитя в мире!..

— Она умерла?.. Не правда ли?.. О, неужели правда?..

Все эти возгласы, крики и вопли — все смешалось в одном отчаянном шуме. За кулисы театра набилось столько народу, чужого и своего, интересующегося одинаково горячо участью раненой, что доктору было невозможно отвечать на все вопросы. Он, впрочем, и не думал об этом. Все его мысли заняты были несчастной девочкой.

Сибирочка все еще лежала распростертая на диване в уборной мистера Билля. Над нею склонилась рыдающая Герта. Поддерживая голову Сибирочки, на коленях у дивана стоял Андриуша, не замечая, что кровь, обильно лившаяся из груди раненой девочки, пачкала его руки и шутовской клоунский наряд.

Эрнест Эрнестович, все пятеро Ивановых, Элла, Дюруа с Робертом и, наконец, сам мистер Билль стояли вокруг девочки, ожидая, что скажет доктор. Последний умелыми, ловкими руками уже приступил к перевязке и, раскрыв израненную грудь ребенка, стал рассматривать рану, стараясь во что бы то ни стало прежде всего остановить кровь.

Все замерли в ожидании его приговора. Все молчали... Сибирочка по-прежнему лежала без чувств.

Неожиданно распахнулась дверь, и взволнованная, трепещущая княжна Аля Гордова, об руку с отцом, вошла в уборную.

— Она здесь, папа!.. О, бедная моя Сибирочка! Папа! Папа! Узнай, пожалуйста, будет ли она жива!.. — обливаясь слезами, лепетала Аля, таща за руку отца в уборную, где лежала ее подруга.

Князь Гордов быстрыми шагами подошел к больной. Его аристократическая фигура, изящный костюм и взволнованное лицо — все это заставило присутствующих посторониться и дать ему дорогу.

Он низко наклонился над бесчувственной девочкой, желая узнать, дышит ли еще она, и вдруг отшатнулся от нее, бледный как смерть, с громким криком не то ужаса, не то изумления... Прямо в глаза ему блеснул странный, знакомый ему предмет — крестик, на который едва ли обратили внимание присутствующие здесь люди. Дрожащими руками князь схватил крестик, повернул

его оборотной стороною и, наклонившись еще ниже, к самой груди девочки, к немалому удивлению окружающих, прочел надпись, сделанную на кресте: «Спаси, Господи, рабу твою Александру!»

И с криком схватился за голову...

Это был хорошо ему знакомый золотой крестик на золотой цепочке.

Глава XXVI

Что было дальше

Прошла минута. Бледный как смерть князь стоял над распростертой девочкой, не будучи в состоянии произнести ни одного слова. Глаза всех были с крайним изумлением обращены на него.

— Что с тобой, папа? Что с тобой? — испуганно спрашивала отца княжна Аля, теребя его за руку.

При звуке ее голоса князь точно проснулся.

— Где директор цирка? — спросил он глухо, и лицо его странно осунулось и потемнело.

— Я здесь! — тотчас же послышался взволнованный ответ господина Шольца, и сам он отделился из толпы.

— Я сейчас увожу девочку к себе, — срывающимся от волнения голосом, но не допускающим возражения тоном обратился к нему князь. — Будет ли она жива или умрет, но я хочу, чтобы она была в моем доме. Это дитя бесконечно дорого мне! Позаботьтесь о том, чтобы больную и доктора поместили в мою карету!

— И меня! О, и меня тоже! Я не могу оставить мою Шуру! — вырвалось из груди Андрюши, и его черные глаза с мольбою остановились на лице князя.

— Хорошо, мальчик, ты поедешь с нами. Ты заслужил это! Ты не щадил жизни для нее! — произнес князь, и его смертельно бледное лицо снова обратилось к Сибирочке.

— Девочка приходит в себя. Ее рана, кажется, не опасна для жизни! — слышался голос доктора, в эту минуту только что закончившего перевязку. И, как бы в подтверждение его слов, Сибирочка открыла свои прекрасные синие, теперь измученные и страдальческие глаза.

В ту ночь никто не ложился в доме князя. Сам князь Гордов, доктор, m-lle Софи и Андрюша сидели в спальне хозяина дома, где спала раненая Сибирочка.

Эрнест Эрнестович Шольц и мистер Билль, черная Элла и Герта, тоже приехавшие сюда прямо из театра, находились в гостиной, нетерпеливо ожидая новых вестей...

Княжна Аля переходила от них к больной и от больной обратно к ним, сообщая вполголоса о малейшей перемене в состоянии общей любимицы.

Сибирочка спала. Этот сон был, по словам доктора, для девочки необходимее и важнее всякого лекарства.

Рана действительно оказалась не только не смертельной, но и не опасной вовсе. Когти Юноны, сильно порвав кожу и мясо на теле, не затронули ни одной кости, ни одного сосуда. Больной надо было, однако, иметь полный покой и отоспаться хорошенько, и с этой целью доктор предписал не будить Сибирочку, сколько бы она ни спала.

Только перед утром все чужие уехали из дома князя, кроме Андрюши, трогательно умолявшего не гнать его от постели больной.

— Не только гнать тебя, но буду просить тебя остаться постоянно с нею. Я сегодня же напишу

об этом директору цирка и сделаю все, чтобы он отпустил тебя совсем ко мне, — произнес князь с неизъяснимой лаской, кладя руку на голову мальчика. — Ты спас ей жизнь и этим избавил меня от большого, большого горя, мой мальчик! — с внутренним содроганием прибавил он тихо, и в его глазах Андрюша увидел слезы.

Уже начало брезжить ясное весеннее утро, уже солнышко ворвалось в комнату князя, а Сибирочка все еще спала...

Ровно в семь часов утра лакей доложил князю, что его хочет видеть какой-то мальчик по очень важному делу.

Князь на цыпочках, осторожно вышел из комнаты и прошел в гостиную.

Там, нервно теребя в руках фуражку, стоял Никс. Он в одну ночь изменился почти до неузнаваемости. Страх за Сибирочку, жизнь которой могла угаснуть из-за него, сделал то, что мальчик осунулся и похудел в одну ночь, как после тяжелой и трудной болезни.

— Ваше сиятельство... князь... — прошептал он глухо, увидя перед собой хозяина дома. — Что она... жива ли?

И глаза его с лихорадочным нетерпением впились в князя.

— Жива и будет, даст Бог, скоро здорова! — поспешил ответить последний.

— Слава Богу! — И мальчик широко перекрестился несколько раз. — А теперь, — произнес он дрогнувшим голосом, — я должен рассказать вам всю правду, что я сделал с нею. Я должен снять это бремя с души. Князь, эта девочка чуть не погибла из-за меня. Когда она приехала сюда из Сибири, мы с моею матерью так испугались, что решили отправить ее куда-нибудь подальше... Мистер Билль должен был уехать отсюда осенью, и я рекомендовал ему на службу девочку... С пер-

вого же ее выхода в цирке успех ее у публики стал громадным. Посетители цирка, восторгаясь Сибирочкой, совсем разлюбили меня... Разумеется, я стал ей завидовать, стал ее ненавидеть... А тут еще прибавилась у меня новая ненависть к ее названному брату, которого я считал своим врагом. Чтобы отомстить ей и ему, я придумал скверную штуку... Я решил осрамить Сибирочку перед публикой, решил испортить ее игру во время первого представления новой пьесы. Для этого я достал две острые иглы и воткнул их в венки Юноны, зная, что от малейшего ощущения боли львица освирепееет и станет непокорной. Но вчера, нет... третьего дня, то есть когда моя мать увезла куда-то Сибирочку и затем была взята полицейскими, я был так взволнован и так далек от мести! Вся моя вина была в том, что я совсем забыл вынуть из венка иглы. И вот львица растерзала бы Сибирочку, если бы не подоспел Андрюша!.. — заключил он рыданием свою речь и закрыл лицо руками.

Князь дал мальчику выплакаться, потом положил ему руку на голову и заставил его открыть залитое слезами лицо.

— Слушай, мальчик, твоя вина велика, но ты можешь искупить ее одним чистосердечным признанием, — произнес князь серьезным, строгим голосом, — ты должен честно и прямо ответить мне на один вопрос: почему твоя мать и ты так испугались появления Сибирочки в Петербурге и почему вы хотели во что бы то ни стало отделаться от нее?

Его глаза впились в самую глубину глаз Никса острым, пронизывающим взглядом.

Смертельная бледность покрыла лицо последнего. И с новым неистовым плачем Никс упал к ногам князя.

— Я все расскажу! Все-все, только спасите мою мать! Не позволяйте сажать ее в тюрьму. Она не

виновата... Я знаю, она сделала все ради нас, детей... Мы очень нуждались тогда... очень нуждались, князь! О, простите и спасите ее! — прорыдал он, целуя руки Гордова.

И тут же, у ног князя, глядя в его страдальческое лицо, ставшее теперь мертвенно-бледным, Никс рассказал подробно, как его мать, оставшись нищей, из любви к своим несчастным детям решилась передать князю свою дочь, выдавая ее за маленькую княжну.

Мальчик кончил свою исповедь и с опущенной головой ждал приговора. Его собеседник молчал. По его лицу текли слезы. Князь угадал заранее все то, о чем говорил ему теперь мальчик, угадал еще там, в цирке, но хотел теперь иметь подтверждение своей догадки.

Никс давно кончил свою исповедь, а князь все молчал и молчал, и только крупные слезы текли по его печальному лицу. Наконец он сделал невероятное усилие над собою и дрожащим голосом произнес:

— Успокойся!.. Я сделаю все, чтобы избавить твою мать от заслуженных ею неприятностей, и сегодня же буду просить кого следует избавить ее от наказания, от тюрьмы.

И, махнув рукой, не слушая горячих излияний благодарности со стороны Никса, князь поспешно вышел из гостиной.

Глава XXVII

Две Али — две княжны

Прошло несколько дней. Было ясное весеннее утро. В той же большой и просторной детской зале, где несколько недель тому назад маленькая княжна, хозяйка этой залы, угощала свою

подругу, Аля, Андруша и Сибирочка, совсем уже оправившаяся от пережитых потрясений, играли в мяч. Дети так увлеклись своим занятием, что не заметили, как вошел князь и остановился, любуясь прелестной картиной. Чернокудрый красавец мальчик и две беленькие и воздушные, как сільфиды, девочки кружились и прыгали, догоняя мяч.

Сибирочка была сегодня особенно оживлена. Ее прелестное личико разгорелось, щечки покрылись румянцем, синие глаза блестели, как звезды.

Князь с неизъяснимой нежностью и тихой грустью смотрел на нее, удивляясь, как он мог не признать столько времени своего родного ребенка, между тем как теперь он узнал бы его из тысячи других, ему подобных. Князь забыл одно: он оставил свою девочку в лесу, когда ей было только девять месяцев от роду, а в этом нежном возрасте все маленькие дети почти всегда бывают похожи друг на друга.

Взволнованный и потрясенный, он думал в эту минуту: «Дитя окрепло настолько, что может узнать истину! Сегодня я могу сказать ей все...»

И тут же он ласковым голосом позвал девочку: — Сибирочка, подойди ко мне...

Девочка бросила игру и подбежала к князю. Она уже успела привыкнуть к нему и полюбить в короткое время этого доброго, ласкового человека. За ней подбежала и княжна Аля, подошел и Андрюша.

— Довольно, дети, играть сегодня. Я пришел к вам, чтобы рассказать одну небольшую быль, которая захватила меня сегодня всего. Надеюсь, вы охотно выслушаете ее, — далеко не спокойным голосом произнес князь.

— Рассказывай, рассказывай, папа! Я так люблю тебя слушать! — прыгая, кричала княжна Аля. — Как это интересно, должно быть! Ты говоришь, это быль? Значит, то, что ты собираешься рассказать, правда? — суетилась она, усаживая в кресло отца.

— Да, это случилось со мною, когда я был млад, — произнес князь и сел.

Княжна поместилась на скамеечке у его ног. Андрюша и Сибирочка присели несколько поодаль на стульях.

— Это было давно, девять лет тому назад, — начал князь, и голос его дрогнул при этом. — Однажды по большому сибирскому лесу ехали сани, запряженные парой лошадей. Была ночь и стужа, бушевала метель. Путников было трое в возке: отец, малютка дочь и ее кормилица-няня. Мать девочки умерла лишь два месяца тому назад, и ее овдовевший муж ехал со своей девяти-месячной дочуркой в имение друга, находившееся в глуши Сибири, чтобы развеять хоть немного свою тоску после смерти любимой жены.

Вдруг неожиданно-негаданно на путников напали волки. Спасенья не было, и молодой отец, боясь за участь своего дитяти, велел ямщику остановиться, вышел из саней, снял с себя шубу и, закутав в нее ребенка, привязал его к дереву ремнем, чтобы волки не могли добраться до малютки. Он едва успел сделать это, как звери бросились на несчастных путников и загрызли их почти всех насмерть. Только отец девочки спасся каким-то чудом. Охотники из ближайшего поселка услышали крики и стоны в лесу и поспешили на помощь как раз вовремя. Несчастный путник еще дышал. Они подобрали его и унесли к себе в поселок.

Ребенка же не нашли. Вскоре охотники дали знать другу путника о месте нахождения несчастного. Друг приехал и увез больного за границу. Здесь его болезнь приняла тяжелый оборот. Четыре года больной пробыл в чужой земле и только посылал оттуда письмо за письмом в русские газеты, в Россию. Это были публикации с просьбами вернуть ему пропавшего ребенка или сообщить что-либо об участи последнего. Но никто не мог сделать этого. Дитя не находилось... Девочка не пропала, однако. Как потом выяснилось, на другое утро после нападения волков ее нашел в си-

бирском лесу старый птицелов. Он взял малютку к себе и воспитал ее как умел. Этого птицелова люди звали дедушкой Михайлычем...

Тут дрожащий и без того голос князя задрожал сильнее и разом оборвался. Во все время своего рассказа он не сводил глаз с Сибирочки, следя за ней. Сначала девочка вспыхнула до корней своих белокурых волос, когда князь упомянул о привязанном в дремучей тайге на дереве ребенке. Потом прозрачная бледность покрыла все ее нежное, прекрасное личико. Синие глаза ее расширились и, горя ярко-ярко, впились теперь в лицо князя. Ее сердечко забилося так сильно, что она должна была прижать к нему руку, как бы сдерживая его удары...

Взор князя встретился с взором ребенка.

Точно молния сверкнула перед обоими в этот миг. Точно солнце засияло и озарило все то, что находилось до сих пор в тумане. Неопишное волнение охватило обоих. Князь как будто преобразился. Грусть исчезла с его лица... Безумная отцовская любовь и бесконечная нежность изменили это преобразенное, благородное, не по годам состарившееся лицо...

Едва владея собою, он привстал немного с кресла, трепещущий, взволнованный, бледный, и протянул вперед руки... Поднялась машинально со своего стула и Сибирочка. Она вся трепетала, вся дрожала от непонятного ей волнения. Князь шагнул к ней навстречу.

— Это дитя... это... ты... ты была... моя крошка... моя дочь... моя Сибирочка! — прошептал он чуть слышно, и слезы хлынули из его глаз.

— Папа! — прозвенел милый и нежный голосок, вырвавшись из самой глубины детского сердечка, и дрожащая Сибирочка упала на грудь отца.

Прошла минута... может быть, две... может быть, три минуты... может быть, целый час про-

шел. Но этот час показался одной минутой отцу, ласкавшему свою найденную любимую дочурку...

Тихое, чуть слышное всхлипывание послышалось подле счастливых отца и дочери. Вскоре оно усилилось и перешло в громкое рыдание. Это плакала мнимая княжна Аля горькими, неутешными слезами.

— О, Боже мой, Боже мой, — всхлипывая и задыхаясь в своем волнении, лепетала девочка, — теперь не я, а Сибирочка будет настоящей княжной, а меня отдадут на ее место в цирк или туда, откуда ее взяли. Я не хочу! Я не хочу этого... не хочу! Ах, я несчастная, несчастная!.. — И она еще горше залилась слезами.

Белокурая головка Сибирочки с трудом оторвалась при этих словах от родимой груди. Она соскользнула с коленей отца, быстро приблизилась к рыдающей девочке и обняла ее.

— Аля, милая, не плачь, — прошептала она, — ты останешься со мною у папы... Я попрошу его оставить тебя с нами... Ведь ты же не виновата ни в чем. Да-да, папа добрый и оставит тебя. Мы будем жить все вместе... ты, я и Андрюша. Ведь правда, папа? Правда?

— Правда, дитя мое, правда, милая моя крошка! — поспешил ответить князь. — Все будет по твоему желанию. Я исполню все, что ты хочешь. Ты столько горя перенесла, моя малютка, что будущая твоя жизнь должна быть полна радостей и света... Я был сегодня у госпожи Вихровой. Благодаря моим хлопотам ее освободили. Она покаялась во всем... Я обещал ей заботиться о ее дочери так же, как и о тебе, моя Сибирочка, так же, как и об Андрюше, которого воспитаю, не жалея ничего. Ты рада, не правда ли, моя крошка? — спросил князь, нежно целуя дочь.

Андрюша, весь сияющий и красный, жал его руку. Аля обнимала его. Сибирочка прильнула к его груди.

— А теперь ты расскажешь мне все, что пережила моя дочурка; я хочу знать все, — обратился к Андрюше князь, и мальчик поспешил исполнить его желание.

* * *

Глубоко взволнованный и потрясенный, выслушал отец полную печальных событий повесть о приключениях своей маленькой дочери. Его сердце то сжималось, то учащенно билось. Он не сдерживал слез, обильно струившихся по его лицу.

Когда мальчик рассказал о том, как черная Элла вырвала Сибирочку из рук Зуба (Андрюше уже успела его маленькая подруга сообщить об этом), неожиданно на пороге комнаты появился лакей и почтительно заявил о приходе новой посетительницы из цирка. И не успел князь спросить, что это за посетительница, как в дверь залы просунулась чернокожая сильная Элла с букетом дешевых весенних цветов в руках.

— Будь здоров! Будь здоров! — залепетала, сверкая глазами, белками и зубами, негритянка новую, выученную ею, очевидно недавно, фразу и, подойдя к Сибирочке, сунула ей в руки цветы.

— Вот, папа, моя вторая спасительница! — вскричала девочка, схватив за руку Эллу и подводя ее к отцу.

Тот ласковым взором окинул негритянку и крепко пожал ее черные, как сажа, пальцы.

— Объясни ей, Сибирочка, всю мою признательность, — произнес князь с волнением в голосе. — Скажи, что в благодарность за то, что она сделала для тебя, я дам ей все, что она захочет...

Скажи ей, что ты теперь можешь подарить ей все, чего только ни пожелает она. Ведь ты теперь моя наследница, богатая княжна...

Едва успел закончить свою фразу князь, Сибирочка и Андриуша вдвоем стали объяснять жестами негритянке всю суть дела.

Та только мычала что-то в ответ и часто-часто кивала своею курчавою головою.

Наконец она, очевидно, поняла все, потому что усиленно зажестикувала руками, стараясь, в свою очередь, пояснить что-то, то трогая волосы Сибирочки, то глядя их своими черными пальцами, то покрывая горячими поцелуями ее руки, плечи и кольца белокурых кудрей.

— Что она хочет сказать? — спросил князь у дочери, глазами указывая на негритянку.

— О, папа, — вскричала потрясенная Сибирочка, — о, папа, она отказывается от денег, от подарка и просит только дать ей на память... один локон моих волос...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эту ночь Сибирочка провела уже в доме своего отца — князя.

Поздно вечером, когда обе белокурые княжны, обе Али, уже заснули в своих постельках, дверь в детскую неслышно отворилась, и в комнату вошел князь.

Он подошел сначала к мнимой княжне, перекрестил и поцеловал ее по привычке, потом приблизился к кровати своей родной, настоящей дочери.

Сибирочка крепко спала. Ее роскошные локоны разметались по подушке, прелестное личико оживилось румянцем сна.

Она спала крепко, сладко... Ей снились, должно быть, лучезарные сны... Она улыбалась радостно сквозь грезы...

Князь неслышно простер над ней благословляющую руку, нежно поцеловал влажный лобик ребенка, потом тут же, у ее постели, опустился на колени и долго горячо молился о ниспослании счастья своей девочке...

**ЗАПИСКИ
МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ**

Повесть

Глава I

В чужой город, к чужим людям

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колеса, и поезд быстро мчится все вперед и вперед.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колеса выстукивают одно и то же, без счета, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колеса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как все странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придется покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одиношеньке за тысячи верст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне все еще кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Сережей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а Бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень немоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я все больше, а жена с Нюрой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — еще раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: — Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я

вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелек с деньгами и кричала, что ее обокрали. Чей-то ребенок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своем разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошел медленнее. Колеса уже не выкрикивали свое неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, веселый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнес Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой теплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повел меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

Глава II

Моя мамочка

Была у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы с мамочкой в маленьком домике на берегу Волги. Домик был такой чистый и светленький, а из окон нашей квартиры видно было и ши-

рокую, красивую Волгу, и огромные двухэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющих, вышедших в определенные часы на эту пристань встречать приходящие пароходы... И мы с мамочкой ходили туда, только редко, очень редко: мамочка давала уроки в нашем городе, и ей нельзя было гулять со мною так часто, как бы мне хотелось. Мамочка говорила:

— Подожди, Ленуша, накоплю денег и прокачу тебя по Волге от нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вот тогда-то нагуляемся вдвоём.

Я радовалась и ждала весны.

К весне мамочка прикопила немножко денег, и мы решили с первыми же теплыми днями исполнить нашу затею.

— Вот как только Волга очистится от льда, мы с тобой и покатым! — говорила мамочка, ласково поглаживая меня по голове.

Но когда лед тронулся, она простудилась и стала кашлять. Лед прошел, Волга очистилась, а мамочка все кашляла и кашляла без конца. Она стала как-то разом худенькая и прозрачная, как воск, и все сидела у окна, смотрела на Волгу и твердила:

— Вот пройдет кашель, поправлюсь немного, и покатым мы с тобою до Астрахани, Ленуша!

Но кашель и простуда не проходили; лето было сырое и холодное в этом году, и мамочка с каждым днем становилась все худее, бледнее и прозрачнее.

Наступила осень. Подошел сентябрь. Над Волгой потянулись длинные вереницы журавлей, улетающих в теплые страны. Мамочка уже не сидела больше у окна в гостиной, а лежала на кровати и все время дрожала от холода, в то время как сама была горячая как огонь.

Раз она подозвала меня к себе и сказала:

— Слушай, Ленуша. Твоя мама скоро уйдет от тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотреть на тебя с неба и буду радоваться на добрые поступки моей девочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала также, а глаза у нее стали грустные-грустные, такие же точно, как у того ангела, которого я видела на большом образе в нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

— Я чувствую, Господь скоро возьмет меня к Себе, и да будет Его святая воля! Будь умницей без мамы, молись Богу и помни меня... Ты поедешь жить к твоему дяде, моему родному брату, который живет в Петербурге... Я писала ему о тебе и просила приютить сиротку...

Что-то больно-больно при слове «сиротка» сдавило мне горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминой постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у нас целые девять лет, с самого года моего рождения, и любившая мамочку и меня без памяти) и увела меня к себе, говоря, что «мамаше нужен покой».

Вся в слезах уснула я в эту ночь на Марьюшкиной постели, а утром... Ах, что было утром!..

Я проснулась очень рано, кажется, часов в шесть, и хотела прямо побежать к мамочке.

В эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

— Молись Богу, Леночка: Боженька взял твою мамашу к себе. Умерла твоя мамочка.

— Умерла мамочка! — как эхо повторила я.

И вдруг мне стало так холодно-холодно! Потом в голове у меня зашумело, и вся комната, и Марьюшка, и потолок, и стол, и стулья — все перевернулось и закружилось в моих глазах, и я уже не помню, что случилось со мною вслед за этим. Кажется, я упала на пол без чувств...

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала в большом белом ящике, в белом платье, с белым веночком на голове. Старенький седенький священник читал молитвы, певчие пели, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили какие-то старушки и тоже молились, потом глядели на меня с сожалением, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

— Сиротка! Круглая сиротка! — тоже покачивая головой и глядя на меня жалостливо, говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третий день Марьюшка подвела меня к белому ящику, в котором лежала мамочка, и велела поцеловать мне мамочкину руку. Потом священник благословил мамочку, певчие запели что-то очень печальное; подошли какие-то мужчины, закрыли белый ящик и понесли его вон из нашего домика...

Я громко заплакала. Но тут подросли знакомые мне уже старушки, говоря, что мамочку несут хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Белый ящик принесли в церковь, мы отстояли обедню, а потом снова подошли какие-то люди, подняли ящик и понесли его на кладбище. Там уже была вырыта глубокая черная яма, куда и опустили мамочкин гроб. Потом яму забросали землею, поставили над нею белый крестик, и Марьюшка повела меня домой.

По дороге она говорила мне, что вечером повезет меня на вокзал, посадит в поезд и отправит в Петербург к дяде.

— Я не хочу к дяде, — проговорила я угрюмо, — не знаю никакого дяди и боюсь ехать к нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно так говорить большой девочке, что мамочка слышит это и что ей больно от моих слов.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди.

Я никогда не видела моего петербургского дяди, но в мамочкином альбоме был его портрет. Он был изображен на нем в золотом шитом мундире, со множеством орденов и со звездой на груди. У него был очень важный вид, и я его невольно боялась.

После обеда, к которому я едва притронулась, Марьюшка уложила в старый чемоданчик все мои платья и белье, напоила меня чаем и повезла на вокзал.

Глава III

Клетчатая дама

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живет в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: «Ну, будь умницей!» — простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал мое внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и сутолокой, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свертками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

— А кто же вас встречать будет, барышня? — вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет — этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хоть самое отдаленное сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно таки устала, но все еще не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натыкаясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

— Вот, вот еще один похожий, кажется, на дядю! — вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в черной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клет-

чатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подобает хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

— Невежи! Олухи! Неучи! — кричала на весь вокзал клетчатая дама. — Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуюсь на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время ее падения огромный зонтик и стали расспрашивать, не ушиблась ли она.

— Ушиблась, понятно! — все тем же сердитым голосом кричала дама. — Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А все ты! Все ты! — внезапно накинулась она на меня. — Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди ты у меня, городскому скажу, в полицию отправлю! — И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. — Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! — снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

— Полноте, сударыня, не пугайте ребенка! Видите, девочка сама не своя от страха, — проговорил своим добрым голосом мой защитник, — и то сказать — не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому

что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идет. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне ее передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у нее дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слышали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова ее с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудельки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами — все это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец, а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у нее сделались колики.

— Ха-ха-ха! — выкрикивала она. — Вот что еще выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневись, матушка, на этот раз дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-ха!!!

Не знаю, долго ли еще смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил ее.

— Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, — произнес он строго. — Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот Бог...

— Не ваше дело. Молчать! — неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех ее разом пресекся. — Несите за мною барышницы вещи, — добавила она несколько мягче и, обер-

нувшись ко мне, бросила вскользь: — Идем. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва поспевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролетка, запряженная красивою вороной лошастью. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

— Степан, подавай! — крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дернул вожжами, и нарядная пролетка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно ее мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом все сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нем куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

— Ну, прощайте, милая барышня, — ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, — дай вам Бог счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что — к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живем, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Еще долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

— Ну, долго ли ты еще заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять свое место,

наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дернул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролетка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце мое сжималось от страха при мысли о том, что ждет меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.

Глава IV

Семейство Иконовых. — Первые невзгоды

— Матильда Францевна привезла девочку!

— Твою кузину, а не просто девочку...

— И твою тоже!

— Врешь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

— И я не хочу!

— И я! И я!

— Звонят! Ты оглох, Федор?

— Привезла! Привезла! Ура!

Все это я слышала, стоя перед обитой темно-зеленой клеенкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными красивыми буквами:

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ
СОВЕТНИК
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИКОНИН

За дверью слышались торопливые шаги, и лакей в черном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог ее, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда еще не доводилось видеть, и потому немудрено, если все это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздернутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платье с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазенок так и впилась в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди — Жоржик, Нина и Толя, — о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я — на детей.

Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно поднял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнес:

— Вот так фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему белокурая девочка. — И правда: фи-гу-ра! Толька верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

— Очень остроумно, — произнес в нос гимназист, — есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

— Как мокрица? Отчего мокрица? — так и всколыхнулись младшие дети.

— Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое — мокрица? — любопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

— М-м... м-м... м-м... — смешался гимназист, — м-м... это цветок такой: когда к нему прикоснешься пальцем, он сейчас и закроется... Вот...

— Нет, вы ошибаетесь, — вырвалось у меня против воли. (Мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет). — Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, — это мимоза, а мокрица — это водяное животное вроде улитки.

— М-м-м... — мычал гимназист, — не все ли равно, цветок или животное. У нас еще этого не проходили в классе. А вы чего с носом суетесь, когда вас не спрашивают? Ишь какая умница выискалась!.. — внезапно накинулся он на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, — капризно протянула она, — Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

— Остроумно! — снова процедил гимназист.

— А ты все-таки мокрица! — пропищал его братишка и захихикал. — Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто еще не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у паперти церквей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление — все это разом закипело во мне, и, не помня себя, я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

— Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

— Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! — как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, еще чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного братца.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равнове-

сие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких прическах и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и черненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И черненькие девочки, и цветы, и аисты — все смешалось и исчезло в одной общей гряде черепков и осколков.

Глава V

Разбитая ваза. — Тетя Нелли и дядя Мишель

Минуту длилось гробовое молчание. На лицах детей был написан ужас. Даже Толя присмирел и вращал во все стороны испуганными глазами.

Жорж первый нарушил молчание.

— Остроумно! — протянул он в нос.

Ниночка покачала своей красивой головкой, глядя на гряду черепков, и произнесла значительно:

— Любимая мамина японская ваза.

— Ну так что же! — прикрикнул на нее старший брат. — А кто виноват?

— Не я только! — выпалил Толя.

— И не я! — поспешила не отстать от него Ниночка.

— Так я, по-вашему, что ли? Остроумно! — обиделся гимназист.

— Не ты, а Мокрица! — выкрикнула Ниночка.

— Конечно, Мокрица! — подтвердил и Толя.

— Мокрица и есть. Надо пожаловаться мамзельке. Зовите сюда вашу Баварию Ивановну — то бишь Матильду Францевну. Ну, чего рты разинули! — командовал Жорж младшим детям. — Не понимаю только, чего она смотрит за вами!

И, пожав плечами, он с видом взрослого человека заходил по зале.

Ниночка и Толя скрылись в одну минуту и тотчас же снова появились в гостиной, таща за собою Матильду Францевну, ту самую клетчатую даму, которая встретила меня на вокзале.

— Что за шум? Что за шкандаль? — спрашивала она, глядя на всех нас строгими вопрошающими глазами.

Тогда дети, окружив ее, стали рассказывать хором, как все случилось. Если б я не была так убита горем в эту минуту, то невольно удивилась бы тому избытку лжи, которая сквозила в каждой фразе маленьких Икониных.

Но я ничего не слышала и не хотела слышать. Я стояла у окна, смотрела на небо, на серое петербургское небо, и думала: «Там, наверху, моя мамочка. Она смотрит на меня и видит все. Вероятно, она недовольна мною. Вероятно, ей тяжело видеть, как нехорошо поступила сейчас ее Леночка... Мамочка, милая, — шептало мое сильно бьющееся сердце, — разве я виновата, что они такие злые, такие нехорошие задиры?»

— Ты глухая или нет! — внезапно раздался за мною резкий окрик, и цепкие пальцы клетчатой дамы впились мне в плечо. — Ты ведешь себя как настоящая разбойница. Уже на вокзале подставила мне ножку...

— Неправда! — вне себя прервала я резко. — Неправда! Я не делала этого! Я нечаянно толкнула вас!

— Молчать! — взвизгнула она так, что стоявший неподалеку от нее Жорж зажал себе уши. —

Мало того что ты груба и резка, ты еще лгунья и драчунья! Нечего сказать, сокровище приобрели мы себе в дом! — И, говоря это, она дергала меня за плечи, за руки и за платье, в то время как глаза ее так и сверкали злобой. — Ты будешь наказана, — шипела Матильда Францевна, — ты будешь строго наказана! Отправляйся снимать бурнус и калоши! Давно пора.

Внезапный звонок заставил ее умолкнуть. Дети разом оправились и подтянулись, услышав этот звонок. Жорж одернул мундирчик, Толя поправил волосы. Одна только Ниночка не обнаружила никакого волнения и, подпрыгивая на одной ножке, побежала в прихожую посмотреть, кто звонил.

Через гостиную пробежал лакей, неслышно скользя по коврам мягкими подошвами, тот самый лакей, который открывал нам двери.

Тотчас же из передней донесся веселый голос Ниночки:

— Мама! Папочка! Как вы поздно!

Послышался звук поцелуя, и через минуту в гостиную вошли очень нарядно одетая в светло-серое платье дама и полный, очень добродушного вида господин с таким же точно, но только менее важным лицом, какое было на дядином портрете.

Красивая, нарядная дама была как две капли воды похожа на Ниночку, или, вернее, Ниночка была вылитая мать. То же холодно-надменное личико, та же капризно вздернутая губка.

— Ну, здравствуй, девочка! — произнес густым басом полный господин, обращаясь ко мне. — Иди-ка сюда, дай взглянуть на тебя! Ну-ну, поцелуй дядю. Нечего дичиться. Живо! — шутивым голосом говорил он...

Но я не двигалась с места. Правда, лицо высокого господина было очень похоже на лицо дяди на портрете, но где же остались его золотом ши-

тый мундир, важный вид и ордена, которые были изображены на портрете? Нет, решила я, это не дядя Миша.

Полный господин, видя мою нерешительность, произнес тихо, обращаясь к даме:

— Она немного дика, Нелли. Уж ты извини. Придется заняться ее воспитанием.

— Благодарю покорно! — отвечала та и сделала недовольную гримаску, отчего вдруг стала еще более походить на Ниночку. — Мало мне забот со своими! Пойдет в гимназию, там ее и вымуштруют...

— Ну, конечно, конечно, — согласился полный господин. А потом прибавил, обращаясь ко мне: — Здравствуй же, Лена! Что ж ты не подойдешь ко мне поздороваться! Я твой дядя Мишель.

— Дядя? — неожиданно сорвалось у меня с губ помимо моего желания. — Вы — дядя? А как же мундир и ордена, где же у вас тот мундир и ордена, которые я видела на портрете?

Он сначала не понял, что я у него спрашиваю. Но разобрав, в чем дело, весело и громко рассмеялся своим громким, густым, басистым голосом.

— Так вот оно что, — добродушно произнес он, — тебе орденов и звезду захотелось? Ну, ордена и звезду я дома не надеваю, девочка. Уж извини, они у меня в комодке лежат до поры до времени... А будешь умницей и скучать у нас не станешь — я тебе их тогда и покажу в награду...

И, наклонившись ко мне, он поднял меня на воздух и крепко поцеловал в обе щеки.

Мне сразу понравился дядя. Он был такой ласковый, добрый, что невольно тянуло к нему. К тому же он доводился родным братом покойной мамочки, и это еще более сблизило меня с ним. Я готова была уже броситься ему на шею и расцеловать его милое, улыбающееся лицо, как внезапно надо мною раздался неприятный, шипящий

голос моего нового неожиданного врага — Матильды Францевны.

— Не очень-то ее ласкайте, Herr General (господин генерал), она очень гадкая девочка, — заговорила Матильда Францевна. — Всего только полчаса как у вас в доме, а уже успела наделать много дурного.

И тут же своим противным, шипящим голосом Матильда Францевна пересказала все то, что случилось до прихода дяди и тети. Дети подтвердили ее слова. И никто из них не сказал, почему все это так случилось и кто настоящий виновник всех происшедших бед. Во всем оказалась виновата только Лена, одна только Лена...

«Бедная Лена!.. Мамочка, зачем ты покинула меня?»

По мере того как немка рассказывала, все сумрачнее и печальнее становилось лицо дяди, и тем строже и холоднее смотрели на меня глаза тети Нелли, его жены. Осколки разбитой вазы и следы на паркете от мокрых калош вместе с растерзанным видом Толи — все это далеко не говорило в мою пользу.

Когда Матильда Францевна кончила, тетя Нелли строго нахмурилась и сказала:

— Ты будешь непременно наказана в следующий раз, если позволишь себе что-либо подобное.

Дядя посмотрел на меня грустными глазами и заметил:

— Твоя мама в детстве была кротка и послушна, Лена. Мне жаль, что ты так мало похожа на нее...

Я готова была заплакать от обиды и горечи, готова была броситься на шею дяде и рассказать ему, что все это неправда, что меня обидели совершенно незаслуженно и что я далеко не так виновата, как объяснили ему сейчас. Но слезы душили меня, и я не могла выговорить ни слова. Да

и к чему было говорить! Мне бы все равно не поверили...

Как раз в эту минуту на пороге залы появился лакей в белых перчатках, с салфеткою в руках и доложил, что кушать подано.

— Иди сними с себя верхнюю одежду и вымой руки да пригладь волосы, — приказала мне суровым, строгим голосом тетя Нелли. — Ниночка проводит тебя.

Ниночка с неохотой оторвалась от матери, которая стояла обнявшись со своей любимицей. Сказав мне сухо «пойдемте», она повела меня куда-то целым рядом светлых, красиво убранных комнат.

В просторной детской, где стояли три совершенно одинаково убранные кровати, она подвела меня к изящному мраморному умывальнику.

Пока я мыла руки и тщательно обтирала их полотенцем, Ниночка разглядывала меня очень подробно, наклонив немного в сторону свою белокурую головку.

Думая, что она хочет заговорить со мною, но стесняется, я ободряюще улыбнулась ей.

Но она вдруг фыркнула, покраснела и в тот же миг повернулась ко мне спиной.

Я поняла по этому движению девочки, что она сердится на меня за что-то, и решила оставить ее в покое.

Глава VI

Горбунья. — Новый враг

Когда мы вошли в столовую, над длинным обеденным столом горела люстра, ярко освещая комнату.

Вся семья уже сидела за обедом. Тетя Нелли указала мне место около Матильды Францевны,

которая, таким образом, очутилась между мною и Ниночкой, приютившейся около матери. Напротив нас сидели дядя Мишель и оба мальчика.

Подле меня оказался еще один незанятый прибор. Этот прибор невольно привлек мое внимание.

«Разве в семье Икониных есть еще кто-нибудь?» — подумала я.

И как бы в подтверждение моих мыслей дядя взглянул на пустой прибор недовольными глазами и спросил у тети:

— Опять наказана? Да?

— Должно быть! — пожалала та плечами.

Дядя хотел еще спросить что-то, но не успел, потому что как раз в это время в передней прозвенел такой оглушительный звонок, что тетя Нелли невольно зажала себе уши, а Матильда Францевна на целые пол-аршина подпрыгнула на стуле.

— Отвратительная девчонка! Сколько раз ей сказано не трезвонить так! — произнесла тетя сердитым голосом и обернулась к дверям.

Я посмотрела туда же. На пороге столовой стояла маленькая безобразная фигурка с приподнятыми плечами и длинным бледным лицом. Лицо было такое же безобразное, как и фигурка. Длинный крючковатый нос, тонкие бледные губы, нездоровый цвет кожи и густые черные брови на низком, упрямом лбу. Единственно, что было красиво в этом недетски суровом и недобром старообразном личике, — так это одни глаза. Большие, черные, умные и пронизательные, они горели, как два драгоценных камня, и сверкали, как звезды, на худеньком бледном лице.

Когда девочка повернулась немного, я тотчас заметила огромный горб за ее плечами.

Бедная, бедная девочка! Так вот почему у нее такое измученное бледное личико, такая жалкая обезображенная фигурка!

Мне стало до слез жалко ее. Покойная мамочка учила меня постоянно любить и жалеть калек, обиженных судьбою. Но, очевидно, никто, кроме меня, не жалел маленькую горбуницу. По крайней мере, Матильда Францевна окинула ее с головы до ног сердитым взглядом и спросила, ехидно поджимая свои синие губы:

— Опять изволили быть наказаны?

А тетя Нелли вскользь взглянула на горбуницу и бросила мимоходом:

— Сегодня опять без пирожного. И в последний раз запрещаю тебе так трезвонить. Нечего на ни в чем не повинных вещах показывать свой прелестный характер. Когда-нибудь оборвешь звонок. Злючка!

Я взглянула на горбуницу. Я была уверена, что она покраснеет, смутится, что на глаза ее набегут слезы. Но ничуть не бывало! Она с самым равнодушным видом подошла к матери и поцеловала у нее руку, потом направилась к отцу и чмокнула его кое-как в щеку. С братьями, сестрой и гувернанткой она и не думала здороваться. Меня как бы не заметила совсем.

— Жюли! — обратился к горбатой девочке дядя, как только она уселась на незанятое место по соседству со мною. — Разве ты не видишь, что у нас гостя? Поздоровайся же с Леной. Она твоя кузина.

Маленькая горбуница подняла глаза от тарелки с супом, за который она принялась было с большою жадностью, и посмотрела на меня как-то боком, вскользь.

Господи! Что за глаза это были! Злые, ненавидящие, угрожающие, суровые, как у голодного волчонка, которого затравили охотники... Точно я была ее давнишним и злейшим врагом, которого она ненавидела всей душой. Вот что выражали черные глаза горбатой девочки...

Когда подали сладкое — что-то красивое, розовое и пышное, в виде башенки, на большом фарфоровом блюде, — тетя Нелли повернула к лакею свое холодное красивое лицо и проговорила строго:

— Старшая барышня сегодня без пирожного.

Я взглянула на горбунью. Ее глаза загорелись злыми огоньками, и без того бледное лицо побледнело еще больше.

Матильда Францевна положила мне на тарелку кусочек пышной розовой башенки, но есть сладкое я не могла, потому что в упор на меня с завистью и злобой смотрели два жадных черных глаза.

Мне показалось невозможным есть свою порцию, когда моя соседка была лишена сладкого, и я решительно отодвинула от себя тарелку и тихо шепнула, наклонившись в сторону Жюли:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я тоже не буду кушать.

— Отвяжитесь! — буркнула она чуть слышно, но с еще большим выражением злобы и ненависти в глазах.

Когда обед кончился, все вышли из-за стола. Дядя и тетя тотчас же поехали куда-то, а нас, детей, отправили в классную — огромную комнату подле детской.

Жорж тотчас же исчез куда-то, сказав мимоходом Матильде Францевне, что идет учить уроки. Жюли последовала его примеру. Нина и Толя затеяли какую-то шумную игру, не обращая никакого внимания на мое присутствие.

— Елена, — услышала я за собою знакомый мне неприятный голос, — ступай в твою комнату и разбери твои вещи. Вечером будет поздно. Ты сегодня раньше должна лечь спать: завтра пойдешь в гимназию.

В гимназию?

Полно, не ослышалась ли я? Меня отдадут в гимназию? Я готова была запрыгать от радости. Хотя мне пришлось всего только два часа провести в семье дяди, но я уже поняла всю тяжесть предстоящей мне жизни в этом большом, холодном доме в обществе сердитой гувернантки и злых двоюродных братьев и сестриц. Немудрено поэтому, что я так обрадовалась известию о поступлении в гимназию, где, наверное, меня не встретят так, как здесь. Ведь там было не две, а может быть, тридцать две девочки-сверстницы, между которыми, конечно, найдутся и хорошие, милые дети, которые не будут меня так обижать, как эта надутая, капризная Ниночка и злая, угрюмая и грубая Жюли. И потом, там, наверное, не будет такой сердитой клетчатой дамы, как Матильда Францевна...

Мне даже на душе веселее как-то стало от этого известия, и я побежала разбирать свои вещи, исполняя приказание гувернантки. Я даже не обратила особенного внимания на брошенное мне вслед замечание Ниночки, обращенное к брату:

— Смотри, смотри, Толя, наша Мокрица — уже не Мокрица больше, а настоящая коза в са-рафане.

На что Толя заметил:

— Верно, она в платье своей мамаша. Точно мешок!

Стараясь не слушать, что они говорят, я поторопилась уйти от них.

Миновав коридор и какие-то две-три не такие большие и не такие светлые комнаты, из которых одна, должно быть, была спальня, а другая уборная, я вбежала в детскую, в ту самую комнату, куда Ниночка водила меня мыть руки перед обедом.

— Где мой чемоданчик, не можете ли вы сказать? — вежливо обратилась я с вопросом к молодой горничной, стлавшей на ночь постели.

У нее было доброе румяное лицо, которое приветливо мне улыбалось.

— Нет, нет, барышня, вы не здесь спать будете, — сказала горничная, — у вас комнатка совсем особенная будет; генеральша так приказала.

Я не сразу сообразила, что генеральша — это тетя Нелли, но тем не менее попросила горничную показать мою комнату.

— Третья дверь направо по коридору, в самом конце, — охотно пояснила она, и мне показалось, что глаза девушки с ласкою и грустью остановились на мне, когда она сказала: — Жаль мне вас, барышня, трудно вам у нас будет. Дети у нас злючки, прости Господи! — И она сокрушенно вздохнула и махнула рукой.

Я выбежала из спальни с сильно бьющимся сердцем.

Первая... вторая... третья... считала я двери, выходившие в коридор. Вот она — третья дверь, о которой говорила девушка. Я не без волнения толкаю ее... и передо мною маленькая, крошечная комнатка в одно окно. У стены узкая кроватка, простой рукомойник и комод. Но не это обратило мое внимание. Посреди комнаты лежал мой раскрытый чемоданчик, а вокруг него на полу валялось мое белье, платья и все мое нехитрое имущество, которое так заботливо укладывала Марьюшка, собирая меня в дорогу. А над всеми моими сокровищами сидела горбатая Жюли и бесцеремонно рылась на дне чемоданчика.

Увидев это, я так растерялась, что не могла произнести ни слова в первую минуту. Молча стояла я перед девочкой, не находя, что ей сказать. Потом, сразу оправившись и встряхнувшись, я произнесла дрожащим от волнения голосом:

— И не стыдно вам трогать то, что вам не принадлежит?

— Не твое дело! — оборвала она меня грубо.

В это время рука ее, безостановочно шарившая на дне чемодана, схватила завернутый в бумагу и тщательно перевязанный ленточкой пакетик. Я знала, что это был за пакетик, и со всех ног бросилась к Жюли, стараясь вырвать его из ее рук. Но не тут-то было. Горбунья была куда проворнее и быстрее меня. Она высоко подняла руку со свертком над головою и в один миг вскочила на стол, стоявший посреди комнаты. Тут она быстро развернула сверток, и в ту же минуту из-под бумаги выглянула старенькая, но красивая коробочка-несессер, которую всегда пользовалась при работе покойная мамочка и которую почти накануне своей смерти подарила мне. Я очень дорожила этим подарком, потому что каждая вещица в этой коробке напоминала мне мою дорогую. Я обращалась так осторожно с коробочкой, точно она была сделана из стекла и могла разбиться каждую минуту. Потому мне было очень тяжело и больно видеть, как бесцеремонно рылась в ней Жюли, швыряя на пол каждую вещицу из несессера.

— Ножницы... игольник... наперсток... протыкалочки... — перебирала она, то и дело выбирая одну вещь за другою. — Отлично, все есть... Целое хозяйство... А это что? — И она схватила маленький портрет мамочки, находившийся на дне несессера.

Я тихо вскрикнула и бросилась к ней.

— Послушайте... — зашептала я, вся дрожа от волнения, — ведь это нехорошо... вы не смеете... Это не ваши... а мои вещи... Нехорошо брать чужое...

— Отвяжись... Не ной!.. — прикрикнула на меня горбунья и вдруг зло, жестко рассмеялась мне в лицо. — А хорошо от меня отнимать было... а? Что ты скажешь на это? — задыхаясь от злобы, прошептала она.

— Отнимать? У вас? Что могу я отнять у вас? — пораженная до глубины души, воскликнула я.

— Ага, не знаешь разве? Скажите пожалуйста, невинность какая! Так я тебе и поверила! Держи карман шире! Противная, скверная, нищая девчонка! Уж лучше бы ты не приезжала. Без тебя легче бы было. Все-таки мне раньше не так попадало, потому что я жила отдельно, не с противной Нинкой, маминой любимицей, и у меня был свой уголок. А тут... ты приехала, и меня в детскую к Нинке и к Баварии перевели... У-у! Как я ненавижу тебя за это, гадкая, противная! Тебя, и твой несессер, и все, и все!

И говоря это, она широко размахнулась рукою с маминым портретом, очевидно желая отправить его туда же, где уже нашли себе место игольник, ножницы и хорошенький серебряный наперсток, которым очень дорожила покойная мамочка.

Я вовремя схватила ее за руку.

Тогда горбунья изловчилась и, быстро наклонившись к моей руке, изо всех сил укусила меня за палец.

Я громко вскрикнула и отступила назад.

В ту же минуту дверь широко распахнулась, и Ниночка стремглав влетела в комнату.

— Что? Что такое? — подскочила она ко мне и тут же, заметя портрет в руках сестры, закричала, нетерпеливо топая ногою: — Что это у тебя? Сейчас покажи! Покажи сию минуту! Жюлька, покажи!

Но та вместо портрета показала сестре язык. Ниночка так и вскипела.

— Ах ты, дрянная горбушка! — вскричала она, бросаясь к Жюли, и прежде чем я могла удержать ее, она в одну минуту очутилась на столе рядом с нею.

— Покажи сейчас, сию минуту! — кричала она пронзительно.

— И не подумаю, с чего ты взяла, что я буду показывать? — спокойно возразила горбунья и еще выше подняла руку с портретом.

Тогда произошло что-то совсем особенное. Ниночка подпрыгнула на столе, желая выхватить вещицу из рук Жюли, стол не выдержал тяжести обеих девочек, ножка его подвернулась, и обе они с оглушительным шумом полетели вместе со столом на пол.

Крик... стон... слезы... вопли.

У Нины кровь льет ручьем из носа и капает на розовый кушак и белое платье. Она кричит на весь дом, захлебываясь слезами...

Жюли присмирела. У нее тоже ушиблены рука и колено. Но она молчит и только втихомолку кряхтит от боли.

На пороге комнаты появляются Матильда Францевна, Федор, Дуняша, Жорж и Толя.

— Остроумно! — тянет Жорж по своему обыкновению.

— Что? Что случилось? — кричит Матильда Францевна, бросаясь почему-то ко мне и трясая меня за руку.

Я с удивлением смотрю в ее круглые глаза, не чувствуя ровно никакой вины за собою. И вдруг взгляд мой встречается со злым, горящим, как у волчонка, взором Жюли. В ту же минуту девочка подходит к гувернантке и говорит:

— Матильда Францевна, накажите Лену. Она прибила Ниночку.

Что такое?.. Я едва верю своим ушам.

— Я? Я прибила? — повторяю я эхом.

— А скажешь — не ты? — резко закричала на меня Жюли. — Смотри, у Нины кровь идет носом.

— Велика важность — кровь! Три капельки только, — произнес с видом знатока Жорж, внимательно расследуя припухший нос Нины. — Удивительные эти девчонки, право! И подраться-

то как следует не умеют. Три капли! Остроумно, нечего сказать!

— Да это неправда все! — начала было я и не докончила моей фразы, так как костлявые пальцы впились мне в плечо и Матильда Францевна потащила меня куда-то из комнаты.

Глава VII

Страшная комната. — Черная птица

Сердитая немка протащила меня через весь коридор и втокнула в какую-то темную и холодную комнату.

— Сиди здесь, — злобно крикнула она, — если не умеешь вести себя в детском обществе!

И вслед за этим я услышала, как щелкнула снаружи задвижка двери, и я осталась одна.

Мне ни чуточки не было страшно. Покойная мамочка приучила меня не бояться ничего. Но тем не менее неприятное ощущение остаться одной в незнакомой холодной темной комнате давало себя чувствовать. Но еще большее я чувствовала обиду, жгучую обиду на злых, жестоких девочек, наклеветавших на меня.

— Мамочка! Родная моя мамулечка, — шептала я, крепко сжимая руки, — зачем ты умерла, мамочка! Если бы ты осталась со мною, никто бы не стал мучить твою бедную Ленушу.

И слезы невольно текли из моих глаз, а сердце билось сильно-сильно...

Понемногу глаза мои стали привыкать к темноте, и я могла уже различать окружающие меня предметы: какие-то ящики и шкапы по стенам. Вдали смутно белело окошко. Я шагнула к нему, как вдруг какой-то странный шум привлек мое внимание. Я невольно остановилась и подняла го-

лову. Что-то большое, круглое, с двумя горящими во тьме точками приближалось ко мне по воздуху. Два огромных крыла отчаянно хлопали над моим ухом. Ветром пахнуло мне в лицо от этих крыльев, а горящие точки так и приближались с каждой минутой ко мне.

Я отнюдь не была трусихой, но тут невольный ужас сковал меня. Вся дрожь от страха, я ждала приближения чудовища. И оно приблизилось.

Два блестящих круглых глаза смотрели на меня минуту, другую, и вдруг — что-то сильно ударило меня по голове...

Я громко вскрикнула и без чувств грохнулась на пол.

— Скажите, какие нежности! Из-за всякого пустяка — хлоп в обморок! Неженка какая! — услышала я грубый голос, и, с усилием открыв глаза, я увидела перед собой ненавистное лицо Матильды Францевны.

Теперь это лицо было бледно от испуга, и нижняя губа Баварии, как ее называл Жорж, нервно дрожала.

— А где же чудовище? — в страхе прошептала я.

— Никакого чудовища и не было! — фыркнула гувернантка, — не выдумывай, пожалуйста. Или ты уж так глупа, что принимаешь за чудовище обыкновенную ручную сову Жоржа? Филька, иди сюда, глупая птица! — позвала она тоненьким голосом.

Я повернула голову и при свете лампы, должно быть принесенной и поставленной на стол Матильдой Францевной, увидела огромного филина с острым хищным носом и круглыми глазами, горевшими всю...

Птица смотрела на меня, наклонив голову набок, с самым живым любопытством. Теперь, при

свете лампы и в присутствии гувернантки, в ней не было ничего страшного. По крайней мере, Матильде Францевне, очевидно, она вовсе не казалась страшной, потому что она, обращаясь ко мне, заговорила спокойным голосом, никакого внимания не обращая на птицу:

— Слушай, ты, скверная девчонка, — на этот раз я тебя прощаю, но смей мне только еще раз обидеть кого-нибудь из детей. Тогда я высеку тебя без сожаления... Слышишь?

Высечь! Меня — высечь?

Покойная мамочка никогда даже не повышала на меня голоса и была постоянно довольна своей Ленушей, а теперь... Мне грозят розгами! И за что?.. Я вздрогнула всем телом и, оскорбленная до глубины души словами гувернантки, шагнула к двери.

Но несносный голос Баварии снова остановил меня.

— Ты, пожалуйста, не вздумай насплетничать дяде, что испугалась ручной совы и грохнулась в обморок, — сердито, обрывая каждое слово, говорила немка. — Ничего нет страшного в этом, и только такая дурочка, как ты, могла испугаться невинной птицы. Ну, нечего мне с тобой разговаривать больше... Марш спать!

Мне оставалось только повиноваться.

После нашей уютной рыбинской спальни какой неприятной показалась мне каморка Жюли, в которой я должна была поселиться!

Бедная Жюли! Вероятно, ей не пришлось устроиться более удобно, если она пожалела для меня своего убогого уголка. Нелегко, должно быть, ей живется, убогой бедняге!

И, совершенно позабыв о том, что ради этой «убогой бедняги» меня заперли в комнату с совою и обещали высечь, я жалела ее всею душою.

Раздевшись и помолясь Богу, я улеглась на узенькую неудобную кроватку и накрылась одеялом. Мне было очень странно видеть и эту убогую постель, и старенькое одеяло в роскошной обстановке моего дяди. И вдруг смутная догадка мелькнула в моей голове, почему у Жюли бедная каморка и плохонькое одеяло, тогда как у Ниночки нарядные платица, красивая детская и много игрушек. Мне невольно припомнился взгляд тети Нелли, каким она взглянула на горбунью в минуту ее появления в столовой, и глаза той же тети, обращенные на Ниночку с такой лаской и любовью.

И я теперь разом поняла все: Ниночку любят и балуют в семье за то, что она живая, веселая и хорошенькая, а бедную калеку Жюли не любит никто.

«Жюлька», «злючка», «горбушка» — припомнились мне невольно названия, данные ей ее сестрою и братьями.

Бедная Жюли! Бедная маленькая калекка! Теперь я окончательно простила маленькой горбунье ее выходку со мною. Мне было бесконечно жаль ее.

Неприменно подружусь с нею, решила я тут же, докажу ей, как нехорошо клеветать и лгать на других, и постараюсь приласкать ее. Она, бедняжка, не видит ласки! А мамочке как хорошо будет там, на небе, когда она увидит, что ее Ленуша отплатила лаской за вражду.

И с этим добрым намерением я уснула.

Мне снилась в эту ночь огромная черная птица с круглыми глазами и лицом Матильды Францевны. Птицу звали Баварией, и она ела розовую пышную башенку, которую подавали на третье к обеду. А горбатенькая Жюли непременно хотела высечь черную птицу за то, что она не желала занять место кондуктора Никифора Матвеевича, которого произвели в генералы.

Глава VIII

В гимназии. — Неприятная встреча. — Я — гимназистка

— Вот вам новая ученица, Анна Владимировна. Предупреждаю, девочка из рук вон плоха. Возни вам будет достаточно с нею. Лжива, груба, драчлива и непослушна. Наказывайте ее почаще. Frau Generalin (генеральша) ничего не будет иметь против.

И, закончив свою длинную речь, Матильда Францевна окинула меня торжествующим взглядом.

Но я не смотрела на нее. Все мое внимание привлекала к себе высокая стройная дама в синем платье, с орденом на груди, с белыми как лунь волосами и молодым, свежим, без единой морщинки лицом. Ее большие ясные, как у ребенка, глаза смотрели на меня с нескрываемой грустью.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, девочка! — произнесла она, покачивая своей седой головой.

И лицо ее в эту минуту было такое же кроткое и ласковое, как у моей мамочки. Только моя мамочка была совсем черненькая, как мушка, а синяя дама вся седая. Но лицом она казалась не старше мамочки и странно напоминала мне мою дорогую.

— Ай-ай-ай! — повторила она без всякого гнева. — И не стыдно тебе, девочка?

Ах, как мне было стыдно! Мне хотелось заплакать — так мне было стыдно. Но не от сознания своей виновности — я не чувствовала никакой вины за собою, — а потому только, что меня оклеветали перед этой милой ласковой начальницею гимназии, так живо напомнившей мне мою мамочку.

Мы все трое, Матильда Францевна, Жюли и я, пришли в гимназию вместе. Маленькая горбунья

побежала в классы, а меня задержала начальница гимназии, Анна Владимировна Чирикова. Ей-то и рекомендовала меня злая Бавария с такой нелестной стороны.

— Верите ли, — продолжала Матильда Францевна рассказывать начальнице, — всего только сутки как водворили у нас в доме эту девочку, — тут она мотнула головой в мою сторону, — а уже столько она набедокурила, что сказать нельзя!

И начался долгий перечень всех моих проделок. Тут уж я не выдержала больше. Слезы разом навернулись мне на глаза, я закрыла лицо руками и громко зарыдала.

— Дитя! Дитя! Что с тобою? — слышался надо мной милый голос синей дамы. — Слезы тут не помогут, девочка, надо стараться исправить-ся... Не плачь же, не плачь! — И она нежно гладила меня по головке своей мягкой белой рукою.

Не знаю, что случилось со мною в эту минуту, но я быстро схватила ее руку и поднесла к губам. Начальница смешалась от неожиданности, потом быстро обернулась в сторону Матильды Францевны и сказала:

— Не беспокойтесь, мы поладим с девочкой. Передайте генералу Иконину, что я принимаю ее.

— Но помните, уважаемая Анна Владимировна, — скривив многозначительно губы, произнесла Бавария, — Елена заслуживает строгого воспитания. Как можно чаще наказывайте ее.

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах, — холодно проговорила начальница, — у меня своя собственная метода воспитывать детей.

И чуть заметным кивком головы она дала понять немке, что она может оставить нас одних.

Бавария нетерпеливым жестом одернула свою клетчатую тальму и, погрозив мне многозначительно пальцем на прощанье, исчезла за дверью.

Когда мы остались вдвоем, моя новая покровительница подняла мою голову и, держа мое лицо своими нежными руками, проговорила тихим, в душу вливающимся голосом:

— Я не могу верить, девочка, чтобы ты была такою.

И снова глаза мои наполнились слезами.

— Нет, нет! Я не такая, нет! — вырвалось со стоном и криком из моей груди, и я, рыдая, бросилась на грудь начальницы.

Она дала мне время выплакаться хорошенько, потом, поглаживая меня по голове, заговорила:

— Ты поступишь в младший класс. Экзаменовывать тебя теперь не будем; дадим тебе оправиться немного. Сейчас ты пойдешь в класс знакомиться с твоими новыми подругами. Я не стану провожать тебя, ступай одна. Дети сближаются лучше без помощи старших. Постарайся быть умницей, и я буду любить тебя. Хочешь, чтобы я тебя любила, девочка?

— О-о! — могла только выговорить я, глядя с восхищением в ее кроткое, прекрасное лицо.

— Ну, смотри же, — покачала она головою, — а теперь ступай в класс. Твое отделение первое направо по коридору. Торопись, учитель уже пришел.

Я молча поклонилась и пошла к дверям. У порога я оглянулась, чтобы еще раз увидеть милое молодое лицо и седые волосы начальницы. И она смотрела на меня.

— Ступай с Богом, девочка! Твоя кузина Юлия Иконина познакомит тебя с классом.

И кивком головы госпожа Чирикова отпустила меня.

Первая дверь направо! Первая дверь...

Я с недоумением оглядывалась вокруг себя, стоя в длинном светлом коридоре, по обе стороны

которого тянулись двери с прибитыми черными дощечками над ними. На черных дощечках написаны цифры, обозначающие название класса, находящегося за дверью.

Ближайшая дверь и черная дощечка над нею принадлежали первому, или младшему, классу. Я храбро приблизилась к двери и открыла ее.

Тридцать, или около этого числа, девочек сидят на скамейках за покатыми столиками в виде пюпитров. Их по две на каждой скамейке, и все они записывают что-то в синих тетрадках. На высокой кафедре сидит черноволосый господин в очках, с подстриженной бородою и вслух читает что-то. У противоположной стены за маленьким столиком какая-то тощая девушка, черненькая, с желтым цветом лица, с косыми глазами, вся в веснушках, с жиденькой косичкой, заложенной на затылке, вяжет чулок, быстро-быстро двигая спицами.

Лишь только я появилась на пороге, как все тридцать девочек как по команде повернули ко мне свои белокурые, черненькие и рыжие головки. Тощая барышня с косыми глазами беспокойно завертелась на своем месте. Высокий господин с бородою, в очках, сидевший за отдельным столом на возвышении, пристальным взглядом окинул меня с головы до ног и произнес, обращаясь ко всему классу и глядя вверх очков:

— Новенькая?

И рыженькие, и черненькие, и беленькие девочки прокричали хором на разные голоса:

— Новенькая, Василий Васильевич!

— Иконина-вторая!

— Сестра Юлии Икониной.

— Вчера только приехала из Рыбинска.

— Из Костромы!

— Из Ярославля!

— Из Иерусалима!

— Из Южной Америки!

— Молчать! — кричала, надрываясь, тощая барышня в синем платье.

Учитель, которого дети называли Василием Васильевичем, зажал уши, потом разжал их и спросил:

— А кто из вас может сказать, когда благовоспитанные девицы бывают курицами?

— Когда они кудахчут! — бойко ответила с передней скамейки розовенькая белокурая девочка с веселыми глазками и вздернутым пуговицеобразным носиком.

— Именно-с, — ответил учитель, — и я прошу оставить ваше кудахтанье по этому случаю. Новенькая, — обратился он ко мне, — вы сестра или кузина Икониной?

«Кузина», — хотела ответить я, но в эту минуту с одной из ближайших скамеек поднялась бледная Жюли и произнесла сухо:

— Я, Василий Васильевич, не хочу считать ее ни сестрой, ни кузиной.

— Это почему же? Почему такая немилость? — изумился тот.

— Потому что она лгунья и драчунья! — крикнула со своего места белокурая девочка с веселыми глазками.

— А вы почему знаете, Соболева? — перевел на нее глаза учитель.

— Мне Иконина говорила. И всему классу говорила то же, — бойко отвечала живая Соболева.

— Недурно! — усмехнулся учитель. — Хорошо же вы отрекомендовали кузину, Иконина. Нечего сказать! Откровенно! Да я бы на вашем месте, если бы это и было так, скрыл от подруг, что у вас кузина драчунья, а вы точно хвастаетесь этим. Стыдно выносить сор из избы! И потом... Странно, но эта худенькая девочка в траурном платье не имеет вида драчуньи. Так ли я говорю, а, Иконина-вторая?

Вопрос был обращен прямо ко мне. Я знала, что мне надо было ответить, и не могла. В странном смущении стояла я у дверей класса, упорно смотря в пол.

— Ну, хорошо, хорошо. Не смущайтесь! — ласковым голосом обратился ко мне учитель. — Садитесь на место и пишите диктовку... Жебелева,

дайте тетрадку и перо новенькой. Она сядет с вами, — скомандовал учитель.

При этих словах с соседней скамейки поднялась черненькая, как мушка, девочка с маленькими глазами и тоненькой косичкой. У нее было недоброе лицо и очень тонкие губы.

— Садитесь! — довольно-таки нелюбезно бросила она в мою сторону и, подвинувшись немного, дала мне место около себя.

Учитель уткнулся в книгу, и через минуту в классе по-прежнему стало тихо.

Василий Васильевич повторял одну и ту же фразу несколько раз, и потому было очень легко писать под его диктовку. Покойная мамочка сама занималась со мною русским языком и арифметикой. Я была очень прилежна и для моих девяти лет писала довольно сносно. Сегодня же я с особенным усердием выводила буквы, стараясь угодить обласкавшему меня учителю, и очень красиво и правильно исписала целую страницу.

— Точка. Довольно. Жукова, соберите тетради, — приказал учитель.

Худенькая востроносенькая девочка, моя сверстница, стала обходить скамейки и собирать тетради в одну общую грудку.

Василий Васильевич отыскал мою тетрадку и, быстро раскрыв ее, стал просматривать прежде всех остальных тетрадей.

— Bravo, Иконина, bravo! Ни одной ошибки, и написано чисто и красиво, — произнес он веселым голосом.

В тот же миг раздался резкий голос с последней скамейки.

— Я очень стараюсь, господин учитель, не мудрено, что вы довольны моей работой! — произнесла на весь класс моя кузина Жюли.

— Ах, это вы, Иконина-первая? Нет, это не вами я доволен, а работой вашей кузины, — пото-

ропился пояснить учитель. И тут же, увидя, как покраснела девочка, он успокоил ее: — Ну, ну, не смущайтесь, барышня. Может быть, ваша работа еще лучше окажется.

И он быстро отыскал ее тетрадь в общей груди, поспешно раскрыл ее, пробежал написанное... и всплеснул руками, потом быстро повернул к нам тетрадку Жюли раскрытой страницей и, высоко подняв ее над головою, вскричал, обращаясь ко всему классу:

— Что это, девицы? Диктовка ученицы или шалость разрезвившегося петушка, который опустил лапку в чернила и нацарапал эти каракульки?

Вся страница тетради Жюли была испещрена крупными и мелкими кляксами. Класс смеялся. Тощая барышня, оказавшаяся, как я узнала потом, классной дамой, всплеснула руками, а Жюли стояла у своего пюпитра с угрюмо сдвинутыми бровями и злым-презлым лицом. Ей, казалось, вовсе не было стыдно — она только злилась.

А учитель между тем продолжал рассматривать исписанную каракулями страницу и считал:

— Одна... две... три ошибки... четыре... пять... десять... пятнадцать... двадцать... Недурно, в десяти строках — двадцать ошибок. Стыдитесь, Иконина-первая! Вы старше всех и пишете хуже всех. Берите пример с вашей младшей кузины! Стыдно, очень стыдно!

Он хотел сказать еще что-то, но в эту минуту прозвучал звонок, извещающий об окончании урока.

Все девочки разом встрепенулись и повскакали с мест. Учитель сошел с кафедры, поклонился классу в ответ на дружное приседание девочек, пожал руку классной даме и исчез за дверью.

Глава IX

Травля. — Японка. — Единица

— Ты, как тебя, Дракунина!..

— Нет, Лгунишкина...

— Нет, Крикунова...

— Ах, просто она Подлизова!

— Да, да, именно Подлизова... Отвечай же, как тебя зовут?

— Сколько тебе лет?

— Ей лет, девочки, много! Ей сто лет. Она бабушка! Видите, какая она сгорбившаяся да съезжившаяся. Бабушка, бабушка, где твои внуки?

И веселая, живая как ртуть Соболева изо всей силы дернула меня за косичку.

— Ай! — невольно вырвалось у меня.

— Ага! Знаешь, где птичка «ай» живет! — захохотала во весь голос шалунья, в то время как другие девочки плотным кругом обступили меня со всех сторон. У всех у них были недобрые лица. Черные, серые, голубые и карие глазки смотрели на меня, поблескивая сердитыми огоньками.

— Да что это, язык у тебя отнялся, что ли, — вскричала черненькая Жебелева, — или ты так заважничала, что и не хочешь говорить с нами?

— Да как же ей не гордиться: ее сам Яшка отличил! Всем нам в пример ставил. Всем старым ученицам — новенькую. Срам! Позор! Осрамил нас Яшка! — кричала хорошенькая бледная хрупкая девочка по фамилии Ивина — отчаяннейшая шалунья в классе и сорвиголова, как я узнала впоследствии.

— Срам! Позор! Правда, Ивина! Правда! — подхватили в один голос все девочки.

— Травить Яшку! Известить его за это хорошенько! В следующий же урок затопить ему баню! — кричали в одном углу.

— Истопить баню! Непременно баню! — кричали в другом.

— Новенькая, смотри, если ты не будешь для Яшки бани топить, мы тебя изживем живо! — звенело в третьем.

Я ровно ничего не понимала, что говорили девочки, и стояла оглушенная, пришибленная. Слова «Яшка», «истопить баню», «травить» мне были совершенно непонятны.

— Только, смотри, не выдавать, не по-товарищески это! Слышишь! — подскочила ко мне толстенная, кругленькая, как шарик, девочка, Женечка Рош. — А то берегись!

— Берегись! Берегись! Если выдашь, мы тебя сами травить будем! Смотри!

— Неужели, мадамочки, вы думаете, что она не выдаст? Ленка-то? Да она вас всех с головой подведет, чтобы самой отличиться. Вот, мол, я какая умница, одна среди них!

Я подняла глаза на говорившую. По бледному лицу Жюли было видно, что она злилась. Глаза ее злобно горели, губы кривились.

Я хотела ей ответить и не могла. Девочки со всех сторон надвинулись на меня, крича и угрожая. Лица их разгорелись. Глаза сверкали.

— Не смей выдавать! Слышишь? Не смей, а то мы тебе покажем, гадкая девчонка! — кричали они.

Новый звонок, призывающий к классу арифметики, заставил их живо отхлынуть и занять свои места. Только шалунья Ивина никак не хотела угомониться сразу.

— Госпожа Драчуникова, извольте садиться. Тут не полагается колясок, которые отвезли бы вас на ваше место! — кричала она.

— Ивина, не забывайте, что вы в классе, — прозвучал резкий голос классной дамы.

— Не забуду, мадемуазель! — самым невинным тоном произнесла шалунья и потом добавила как

ни в чем не бывало: — Это неправда ведь, мадемуазель, что вы японка и приехали к нам сюда прямо из Токио?

— Что? Что такое? — так и подскочила на месте тощая барышня. — Как ты смеешь говорить так?

— Нет, нет, вы не беспокойтесь, мадемуазель, я также знаю, что неправда. Мне сегодня до урока старшая воспитанница Окунева говорит: «Знаешь, Ивушка, ведь ваша Зоя Ильинишна — японская шпионка, я это знаю наверное... и...»

— Ивина, не дерзи!

— Ей-богу же, это не я сказала, мадемуазель, а Окунева из первого класса. Вы ее и браните. Она говорила еще, что вас сюда прислали, чтобы...

— Ивина! Еще одно слово — и ты будешь наказана! — окончательно вышла из себя классная дама.

— Да ведь я повторяю только то, что Окунева говорила. Я молчала и слушала...

— Ивина, становись к доске! Сию же минуту! Я тебя наказываю.

— Тогда и Окуневу тоже накажите. Она говорила, а я слушала. Нельзя же наказывать за то только, что человеку даны уши... Господи, какие мы несчастные, право, то есть те, которые слышат, — не унималась шалунья, в то время как остальные девочки фыркали от смеха.

Дверь широко распахнулась, и в класс ввалился кругленький человечек с огромным животом и с таким счастливым выражением лица, точно ему только что довелось узнать что-то очень приятное.

— Ивина сторожит доску! Прекрасно! — произнес он, потирая свои пухлые маленькие ручки. — Опять нашалила? — лукаво прищуриваясь, произнес кругленький человечек, которого звали Адольфом Ивановичем Шарфом и который был учителем арифметики в классе маленьких.

— Я наказана за то только, что у меня есть уши и что я слышу то, что не нравится Зое Ильинишне, — капризным голосом протянула шалуныя Ивина, делая вид, как будто она плачет.

— Скверная девчонка! — произнесла Зоя Ильинишна, и я видела, как она вся дрожала от волнения и гнева.

Мне было сердечно жаль ее. Правда, она не казалась ни доброй, ни симпатичной, но и Ивина отнюдь не была добра: она мучила бедную девушку, и мне было очень жаль последнюю.

Между тем кругленький Шарф задал нам арифметическую задачу, и весь класс принялся за нее. Потом он вызывал девочек по очереди к доске до окончания урока.

Следующий класс был батюшкин. Строгий на вид, даже суровый, священник говорил отрывисто и быстро. Было очень трудно поспевать за ним, когда он рассказывал о том, как Ной построил ковчег и поплыл со своим семейством по огромному океану, в то время как все остальные люди погибли за грехи. Девочки невольно присмирели, слушая его. Потом батюшка стал вызывать девочек по очереди на середину класса и спрашивать заданное.

Была вызвана и Жюли.

Она стала вся красная, когда батюшка назвал ее фамилию, потом побледнела и не могла произнести ни слова.

Жюли не выучила урока.

Батюшка взглянул на Жюли, потом на журнал, который лежал перед ним на столе, затем обмакнул перо в чернила и поставил Жюли жирную, как червяк, единицу.

— Стыдно плохо учиться, а еще генеральская дочка! — сердито произнес батюшка.

Жюли присмирела.

В двенадцать часов дня урок закона Божия кончился, и началась большая перемена, то есть

свободное время до часу, в которое гимназистки завтракали и занимались чем хотели. Я нашла в своей сумке бутерброд с мясом, приготовленный мне заботливой Дуняшей, единственным человеком, который хорошо относился ко мне. Я ела бутерброд и думала, как мне тяжело будет жить на свете без мамочки и почему я такая несчастная, почему я не сумела сразу заставить полюбить меня и почему девочки были такие злые со мною.

Впрочем, во время большой перемены они так занялись своим завтраком, что забыли обо мне. Ровно в час пришла француженка, мадемуазель Меркуа, и мы читали с нею басни. Потом худой, как вешалка, длинный немецкий учитель делал нам немецкую диктовку — и только в два часа звонок возвестил нам, что мы свободны.

Как стая встряхнувшихся птичек, бросился весь класс врассыпную к большой прихожей, где девочек ждали уже их матери, сестры, родственницы или просто прислуга, чтобы вести домой.

За нами с Жюли явилась Матильда Францевна, и под ее начальством мы отправились домой.

Глава X

Филька пропал. — Меня хотят наказать

Опять зажгли громадную висячую люстру в столовой и поставили свечи на обоих концах длинного стола. Опять неслышно появился Федор с салфеткой в руках и объявил, что кушать подано. Это было на пятый день моего пребывания в доме дяди. Тетя Нелли, очень нарядная и очень красивая, вошла в столовую и заняла свое место. Дяди не было дома: он должен был сегодня приехать очень поздно. Все мы собрались в столовой, только Жоржа не было.

— Где Жорж? — спросила тетя, обращаясь к Матильде Францевне.

Та ничего не знала.

И вдруг, в эту самую минуту, Жорж как ураган ворвался в комнату и с громкими криками бросился на грудь матери.

Он ревел на весь дом, всхлипывая и причитая. Все его тело вздрагивало от рыданий. Жорж умел только дразнить сестер и брата и «остроумить», как говорила Ниночка, и потому было ужасно странно видеть его самого в слезах.

— Что? Что такое? Что случилось с Жоржем? — спрашивали все в один голос.

Но он долго не мог успокоиться.

Тетя Нелли, которая никогда не ласкала ни его, ни Толю, говоря, что мальчикам ласка не приносит пользы, а что их следует держать строго, в этот раз нежно обняла его за плечи и притянула к себе.

— Что с тобою? Да говори же, Жоржик! — самым ласковым голосом просила она сына.

Несколько минут еще продолжалось всхлипывание. Наконец Жорж выговорил с большим трудом прерывающимся от рыданий голосом:

— Филька пропал... мама... Филька...

— Как? Что? Что такое?

Все разом заахали и засуетились. Филька — это был не кто иной, как сова, напугавшая меня в первую ночь моего пребывания в доме дяди.

— Филька пропал? Как? Каким образом?

Но Жорж ничего не знал. И мы знали не больше его. Филька жил всегда, со дня своего появления в доме (то есть с того дня, как дядя привез его однажды, возвратившись с пригородной охоты), в большой кладовой, куда входили очень редко, в определенные часы и куда сам Жорж являлся аккуратно два раза в день, чтобы кормить Фильку сырым мясом и подрессировать его на свободе. Он просиживал долгие часы в гостях у Фильки,

которого любил, кажется, гораздо больше родных сестер и брата. По крайней мере, Ниночка уверяла всех в этом.

И вдруг — Филька пропал!

Тотчас после обеда все принялись за поиски Фильки. Только Жюли и меня отправили в детскую учить уроки.

Лишь только мы остались одни, Жюли сказала:

— А я знаю, где Филька!

Я подняла на нее глаза, недоумевая.

— Я знаю, где Филька! — повторила горбунья. — Это хорошо... — неожиданно заговорила она, задыхаясь, что с нею было постоянно, когда она волновалась, — это очень даже хорошо. Жорж мне сделал гадость, а у него пропал Филька... Очень, очень даже хорошо!

И она торжествующе хихикала, потирая руки.

Тут мне разом припомнилась одна сцена — и я поняла все.

В тот день, когда Жюли получила единицу за закон Божий, дядя был в очень дурном настроении. Он получил какое-то неприятное письмо и ходил бледный и недовольный весь вечер. Жюли, боясь, что ей достанется больше, нежели в другом случае, попросила Матильду Францевну не говорить в этот день о ее единице, и та обещала. Но Жорж не выдержал и нечаянно или нарочно объявил во всеуслышание за вечерним чаем:

— А Жюли получила кол из закона Божия!

Жюли наказали. И в тот же вечер, ложась спать, Жюли погрозила кому-то кулаками, лежа уже в постели (я зашла в эту минуту случайно в их комнату), и сказала:

— Ну, уж я ему припомню за это. Он у меня попляшет!..

И она припомнила — на Фильке. Филька исчез. Но как? Как и куда могла маленькая двена-

дцатилетняя девочка спрятать птицу — этого я угадать не могла.

— Жюли! Зачем ты сделала это? — спросила я, когда мы вернулись в классную после обеда.

— Что сделала? — так и встрепенулась горбунья.

— Куда ты дела Фильку?

— Фильку? Я? Я дела? — вскричала она, вся бледная и взволнованная. — Да ты с ума сошла! Я не видела Фильки. Убирайся, пожалуйста...

— А зачем же ты... — начала я и не закончила.

Дверь широко распахнулась, и Матильда Францевна, красная, как пион, влетела в комнату.

— Очень хорошо! Великолепно! Воровка! Укрывательница! Преступница! — грозно потрясая руками в воздухе, кричала она.

И прежде чем я успела произнести хоть слово, она схватила меня за плечи и потащила куда-то.

Передо мною замелькали знакомые коридоры, шкапы, сундуки и корзины, стоявшие там по стенам. Вот и кладовая. Дверь широко распахнута в коридор. Там стоят тетя Нелли, Ниночка, Жорж, Толя...

— Вот! Я привела виновную! — торжествующе вскричала Матильда Францевна и толкнула меня в угол.

Тут я увидела небольшой сундучок и в нем распростертого на дне мертвого Фильку. Сова лежала, широко распластав крылья и уткнувшись клювом в доску сундука. Должно быть, она задохнулась в нем от недостатка воздуха, потому что клюв ее был широко раскрыт, а круглые глаза почти вылезли из орбит.

Я с удивлением посмотрела на тетю Нелли.

— Что это такое? — спросила я.

— И она еще спрашивает! — вскричала, или, вернее, взвизгнула, Бавария. — И она еще осмеливается спрашивать — она, неисправимая при-

творщица! — кричала она на весь дом, размахивая руками, как ветряная мельница своими крыльями.

— Я ни в чем не виновата! Уверю вас! — произнесла я тихо.

— Не виновата! — произнесла тетя Нелли и прищурила на меня свои холодные глаза. — Жорж, кто, по-твоему, спрятал сову в ящик? — обратилась она к старшему сыну.

— Конечно, Мокрица, — произнес он уверенным голосом. — Филька напугал ее тогда ночью!.. И вот она в отместку за это... Очень остроумно... — И он снова захныкал.

— Конечно, Мокрица! — подтвердила его слова Ниночка.

Меня точно варом обдало. Я стояла, ровно ничего не понимая. Меня обвиняли — и в чем же? В чем я совсем, совсем не была виновата.

Один Толя молчал. Глаза его были широко раскрыты, а лицо побелело как мел. Он держался за платье своей матери и не отрываясь смотрел на меня.

Я снова взглянула на тетю Нелли и не узнала ее лица. Всегда спокойное и красивое, оно как-то подергивалось в то время, когда она говорила.

— Вы правы, Матильда Францевна. Девочка неисправима. Надо попробовать наказать ее чувствительно. Распорядитесь, пожалуйста. Пойдемте, дети, — произнесла она, обращаясь к Нине, Жоржу и Толе.

И, взяв младших за руки, вывела их из кладовой.

На минуту в кладовую заглянула Жюли. У нее было совсем уже бледное, взволнованное лицо, и губы ее дрожали, точь-в-точь как у Толи.

Я взглянула на нее умоляющими глазами.

— Жюли! — вырвалось из моей груди. — Ведь ты знаешь, что я не виновата. Скажи же это.

Но Жюли ничего не сказала, повернулась на одной ножке и исчезла за дверью.

В ту же минуту Матильда Францевна высунулась за порог и крикнула:

— Дуняша! Розог!

Я похолодела. Липкий пот выступил у меня на лбу. Что-то клубком подкатило к груди и сжало горло.

Меня? Высечь? Меня — мамочкину Леночку, которая была всегда такой умницей в Рыбинске, на которую все не нахваливались?.. И за что? За что?

Не помня себя я кинулась на колени перед Матильдой Францевной и, рыдая, покрывала поцелуями ее руки с костлявыми крючковатыми пальцами.

— Не наказывайте меня! Не бейте! — кричала я иступленно. — Ради Бога, не бейте! Мамочка никогда не наказывала меня. Пожалуйста. Умоляю вас! Ради Бога!

Но Матильда Францевна и слышать ничего не хотела. В ту же минуту просунулась в дверь рука Дуняши с каким-то отвратительным пучком. Лицо у Дуняши было все залито слезами. Очевидно, доброй девушке было жаль меня.

— А-а, отлично! — прошипела Матильда Францевна и почти вырвала розги из рук горничной. Потом подскочила ко мне, схватила меня за плечи и изо всей силы бросила на один из сундуков, стоявших в кладовой.

Голова у меня закружилась сильнее... Во рту стало горько, и как-то холодно зараз. И вдруг...

— Не смейте трогать Лену! Не смейте! — прозвенел над моей головой чей-то дрожащий голос.

Я быстро вскочила на ноги. Точно что-то подняло меня. Передо мной стоял Толя. По его детскому личику катились крупные слезы. Воротник курточки съехал в сторону. Он задыхался. Видно, что мальчик спешил сюда сломя голову.

— Мадемуазель, не смейте сечь Лену! — кричал он вне себя. — Лена сиротка, у нее мама умерла... Грех обижать сироток! Лучше меня высеките. Лена не трогала Фильку! Правда же не трогала! Ну, что хотите сделайте со мною, а Лену оставьте!

Он весь трясся, весь дрожал, все его тоненькое тельце ходуном ходило под бархатным костюмом, а из голубых глазенок текли все новые и новые потоки слез.

— Толя! Сейчас же замолчи! Слышишь, сию же минуту перестань реветь! — прикрикнула на него гувернантка.

— А вы не будете Лену трогать? — всхлипывая, прошептал мальчик.

— Не твое дело! Ступай в детскую! — снова закричала Бавария и взмахнула надо мною отвратительным пучком прутьев.

Но тут случилось то, чего не ожидали ни я, ни она, ни сам Толя: глаза у мальчика закатились, слезы разом остановились, и Толя, сильно пошатнувшись, изо всех сил грохнулся в обмороке на пол.

Поднялся крик, шум, беготня, топот.

Гувернантка бросилась к мальчику, подхватила его на руки и понесла куда-то. Я осталась одна, ничего не понимая, ни о чем не соображая в первую минуту. Я была очень благодарна милому мальчику за то, что он спас меня от позорного наказания, и в то же время я готова была быть высеченной противной Баварией, лишь бы Толя остался здоров.

Размышляя таким образом, я присела на край сундука, стоявшего в кладовой, и сама не знаю как, но сразу заснула, измученная перенесенными волнениями.

Глава XI

Маленький друг и ливерная колбаса

— Тс! Ты не спишь, Леночка?

Что такое? Я в недоумении открываю глаза. Где я? Что со мною?

Лунный свет льется в кладовую через маленькое окошко, и в этом свете я вижу маленькую фигурку, которая тихо прокрадывается ко мне.

На маленькой фигурке длинная белая сорочка, в каких рисуют ангелов, и лицо у фигурки — настоящее лицо ангелочка, беленькое-беленькое, как сахар. Но то, что фигурка принесла с собою и протягивала мне своей крошечной лапкой, никогда не принесет ни один ангел. Это что-то — не что иное, как огромный кусок толстой ливерной колбасы.

— Ешь, Леночка! — слышится мне тихий шепот, в котором я узнаю голосок моего недавнего защитника Толи. — Ешь, пожалуйста. Ты ничего еще не кушала с обеда. Я подождал, когда они все улягутся, и Бавария также, пошел в столовую и принес тебе колбасу из буфета.

— Но ведь ты был в обмороке, Толечка! — удивилась я. — Как же тебя пустили сюда?

— Никто и не думал меня пускать. Вот смешная девочка! Я сам пошел. Бавария уснула, сидя у моей постели, а я к тебе... Ты не думай... Ведь со мной часто это случается. Вдруг голова закружится, и — бух! Я люблю, когда со мною это бывает. Тогда Бавария пугается, бегает и плачет. Я люблю, когда она пугается и плачет, потому что тогда ей больно и страшно. Я ее ненавижу, Баварию, да! А тебя... тебя... — Тут шепот оборвался разом, и вмиг две маленькие заолодевшие ручонки обвили мою шею, и Толя, тихо всхлиывая и прижимаясь ко мне, зашептал мне на ухо: — Леночка! Милая! Добрая! Хорошая! Прости ты меня,

ради Бога... Я был злой, нехороший мальчишка. Я тебя дразнил. Помнишь? Ах, Леночка! А теперь, когда тебя мамзелька выдрать хотела, я разом понял, что ты хорошая и ни в чем не виновата. И так мне жалко тебя стало, бедную сиротку! — Тут Толя еще крепче обнял меня и разрыдался навзрыд.

Я нежно обвила рукою его белокурую головку, посадила его к себе на колени, прижала к груди. Что-то хорошее, светлое, радостное наполнило мою душу. Вдруг все стало так легко и отрадно в ней. Мне казалось, что сама мамочка посылает мне моего нового маленького друга. Я так хотела сблизиться с кем-нибудь из детей Иконовых, но в ответ от них получала одни только насмешки и брань. Я охотно бы все простила Жюли и подружилась с нею, но она оттолкнула меня, а этот маленький болезненный мальчик сам пожелал приласкать меня. Милый, дорогой Толя! Спасибо тебе за твою ласку! Как я буду любить тебя, мой дорогой, милый!

А белокуренький мальчик говорил между тем:

— Ты прости мне, Леночка... все, все... Я хоть больной и припадочный, а все же добрее их всех, да, да! Кушай колбасу, Леночка, ты голодна. Непременно кушай, а то я буду думать, что ты все еще сердисься на меня!

— Да, да, я буду кушать, милый, милый Толя!

И тут же, чтобы сделать ему удовольствие, я разделила пополам жирную, сочную ливерную колбасу, одну половину отдала Толе, а за другую принялась сама.

В жизни моей никогда не ела я ничего вкуснее!

Когда колбаса была съедена, мой маленький друг протянул мне ручонку и сказал, робко поглядывая на меня своими ясными глазками:

— Так помни же, Леночка, Толя теперь твой друг!

Я крепко пожала эту запачканную ливером ручонку и тотчас же посоветовала ему идти спать.

— Ступай, Толя, — уговаривала я мальчика, — а то явится Бавария...

— И не посмеет ничего сделать. Вот! — преврал он меня. — Ведь папа раз и навсегда запретил ей волновать меня, а то у меня от волнения случаются обмороки... Вот она и не посмела. А только я все-таки пойду спать, и ты иди тоже.

Поцеловав меня, Толя зашлепал босыми ножонками по направлению к двери. Но у порога он остановился. По лицу его промелькнула плутоватая улыбка.

— Спокойной ночи! — сказал он. — Иди и ты спать. Бавария давно уж заснула. Впрочем, и совсем она не Бавария, — прибавил он лукаво. — Я узнал... Она говорит, что она из Баварии родом. А это неправда... Из Ревеля она... Ревельская килька... Вот она кто, мамзелька наша! Килька, а важничает... ха-ха-ха!

И, совсем позабыв о том, что Матильда Францевна может проснуться, а с нею и все в доме, Толя с громким хохотом выбежал из кладовой.

Я тоже следом за ним отправилась в свою комнату.

От ливерной колбасы, съеденной в неурочный час и без хлеба, у меня во рту оставался неприятный вкус жира, но на душе у меня было светло и радостно. В первый раз со смерти мамочки у меня стало весело на душе: я нашла друга в холодной дядиной семье.

Глава XII

Сюрприз. — Фискалка. — Робинзон и его Пятница

На следующее утро, лишь только я проснулась, как в комнату ко мне вбежала Дуняша.

— Барышня! Сюрприз вам! Скорее одевайтесь

и ступайте в кухню, пока мамзель еще не одевшись. Гости к вам! — добавила она таинственно.

— Гости? Ко мне? — удивилась я. — Кто же?

— А вот догадайтесь! — усмехнулась она лукаво, и тотчас же лицо ее приняло грустное выражение. — Жаль мне вас, барышня! — проговорила она и потупилась, чтобы скрыть слезы.

— Жаль меня? Почему, Дуняша?

— Известно почему. Обижают вас. Вот давеча Бавария... то бишь Матильда Францевна, — наскоро поправила себя девушка, — как на вас накинута, а? Розог еще потребовала. Хорошо, что барчук вступился. Ах вы, барышня горемычная моя! — заключила добрая девушка и неожиданно обняла меня. Потом быстро смахнула передником слезы и произнесла снова веселым голосом: — А все же одевайтесь скорее. Потому сюрприз вас на кухне ждет.

Я заторопилась, и в каких-нибудь двадцать минут была причесана, умыта и помолилась Богу.

— Ну, идемте! Только, чур! Будьте поаккуратнее. Меня не выдавать! Слышите? Мамзель на кухню ходить, сами знаете, не позволяет. Так вы поаккуратнее! — весело шептала мне по пути Дуняша.

Я обещала быть «поаккуратнее» и сгорая от нетерпения и любопытства побежала на кухню.

Вот и дверь, запятнанная жиром... Вот я широко распахиваю ее — и... И правда сюрприз. Самый приятный, какого я и не ожидала.

— Никифор Матвеевич! Как я рада! — вырвалось у меня радостно.

Да, это был Никифор Матвеевич в новеньком, с иголки кондукторском кафтане, в праздничных сапогах и новом поясе. Должно быть, он умышленно принарядился получше, прежде чем прийти сюда. Около моего старого знакомого сто-

яли хорошенькая быстроглазая девочка моих лет и высокий мальчик с умным, выразительным лицом и глубокими темными глазами.

— Здравствуйте, милая барышня, — приветливо произнес, протягивая мне руку, Никифор Матвеевич, — вот и снова свиделись. Я вас как-то случайно на улице встретил, когда вы с вашей гувернанткой и сестрицей в гимназию шли. Проследил, где вы живете, — и вот к вам и нагрянул. И Нюрку с Сергеем знакомиться привел. Да и напомнить вам, кстати, что стыдно друзей забывать. Обещались приехать к нам и не приехали. А еще у дяденьки лошади свои. Могли бы когда попросить к нам проехаться? А?

Что я могла ему ответить? Что я не только не могу попросить дать мне прокатиться, но и пикнуть не смею в доме дяди?

К счастью, меня выручила хорошенькая Нюрочка.

— А я такой точно и представляла себе вас, Леночка, когда мне про вас тятя рассказывал! — произнесла она бойко и чмокнула меня в губы.

— И я тоже! — вторил ей Сережа, протягивая мне руку.

Мне разом стало хорошо и весело с ними. Никифор Матвеевич присел на табурет у кухонного стола, Нюра и Сережа — подле него, я перед ними — и мы заговорили все разом. Никифор Матвеевич рассказывал, как по-прежнему катается на своем поезде от Рыбинска до Питера и обратно, что в Рыбинске мне все кланяются — и дома, и вокзал, и сады, и Волга, Нюрочка рассказывала, как ей легко и весело учиться в школе, Сережа хвастал, что скоро окончит училище и пойдет учиться к переплетчику переплетать книги. Все они были так дружны между собою, такие счастливые и довольные, а между тем это

были бедняки, существовавшие на скромное жалование отца и жившие где-то на окраине города в маленьком деревянном домике, в котором, должно быть, холодно и сыро подчас.

Я невольно подумала, что есть же счастливые бедняки, в то время когда богатые дети, которые не нуждаются ни в чем, как, например, Жорж и Нина, ничем никогда не бывают довольны.

— Вот, барышня, когда соскучитесь в богатстве да в холе, — словно угадав мои мысли, произнес кондуктор, — то к нам пожалуйте. Очень рады будем вас видеть...

Но тут он внезапно оборвал свою речь. Стоявшая у дверей настороже Дуняша (кроме нас и нее никого не было в кухне) отчаянно замахала руками, делая нам какой-то знак. В ту же минуту дверь растворилась, и Ниночка в своем нарядном белом платье с розовыми бантами у висков появилась на пороге кухни.

С минуту она стояла в нерешительности. Потом презрительная улыбка скривила ее губы, она прищурила глазки по своему обыкновению и протянула насмешливо:

— Вот как! У нашей Елены мужики в гостях! Нашла себе общество! Хочет быть гимназисткой и водить знакомство с какими-то мужиками... Нечего сказать!

Мне стало ужасно стыдно за мою двоюродную сестру, стыдно перед Никифором Матвеевичем и его детьми.

Никифор Матвеевич молча окинул взглядом белокурую девочку, с брезгливой гримаской смотревшую на него.

— Ай-ай, барышня! Видно, мужиков вы не знаете, что гнушаетесь ими, — произнес он, укоризненно качая головою. — Мужика сторониться стыдно. Он и пашет, и жнет, и молотит на вас.

Вы, конечно, не знаете этого, а жаль... Такая барышня — и такой несмышленочек. — И он чуть-чуть насмешливо улыбнулся.

— Как вы смеете грубить мне! — вскричала Нина и топнула ножкой.

— Не грублю я, а вас жалею, барышня! За недоумок жалею вас... — ласково ответил ей Никифор Матвеевич.

— Грубиян. Я маме пожалуюсь! — вышла из себя девочка.

— Кому угодно, барышня, я ничего не боюсь. Я правду сказал. Вы меня обидеть хотели, назвав мужиком, а я вам доказал, что добрый мужик иной куда лучше сердитой маленькой барышни...

— Не смейте говорить так! Противный! Не смейте! — выходила из себя Нина и вдруг с громким плачем бросилась из кухни в комнаты.

— Ну, беда, барышня! — вскричала Дуняша. — Теперь они мамаше побежали жаловаться.

— Ну и барышня! Я бы с ней и знаться не хотела! — неожиданно вскричала Нюра, все время безмолвно наблюдавшая эту сцену.

— Молчи, Нюрка! — ласково остановил ее отец. — Что ты смыслишь... — И вдруг неожиданно, положив мне на голову свою большую рабочую руку, он ласково погладил мои волосы и произнес: — И впрямь горемычная вы сиротинка, Леночка. С какими детьми вам приходится якшаться. Ну, да потерпите, никто, как Бог... А невмоготу будет — помните, друзья у вас есть... Адресок наш не потеряли?

— Не потеряла, — шепнула я чуть слышно.

— Непременно приходи к нам, Леночка, — неожиданно произнесла Нюра и крепко поцеловала меня, — я тебя так полюбила по тятиным рассказам, так полю...

Она не докончила своей фразы — как раз в эту минуту в кухню вошел Федор и произнес, делая строгое лицо:

— Барышня Елена Викторовна, к генеральше пожалуйте. — И широко распахнул передо мной дверь.

Я наскоро попрощалась с моими друзьями и отправилась к тете. Сердце мое, не скрою, сжималось от страха. Кровь стучала в висках.

Тетя Нелли сидела перед зеркалом в своей уборной, и старшая горничная Матреша, у которой Дуняша состояла в помощницах, причесывала ей голову.

На тете Нелли был надет ее розовый японский халат, от которого всегда так хорошо пахло духами.

При виде меня тетя сказала:

— Скажи мне на милость, кто ты, Елена, племянница твоего дяди или кухаркина дочка? В каком обществе Ниночка застала тебя на кухне! Какой-то мужик, солдат, с ребятами такими же, как он... Бог знает что! Тебя простили вчера в надежде, что ты исправишься, но исправляться, как видно, ты не желаешь. В последний раз повторяю тебе: веди себя как следует и будь благонравной, иначе...

Тетя Нелли говорила еще долго, очень долго. Ее серые глаза смотрели на меня не сердито, но так внимательно-холодно, точно я была какая-то любопытная вещица, а не маленькая Лена Иконина, ее племянница. Мне стало даже жарко под этим взглядом, и я была очень довольна, когда тетя наконец отпустила меня.

У порога за дверью я слышала, как она сказала Матреше:

— Передайте Федору, чтобы он гнал этого, как его, кондуктора и его ребят, если не хочет, чтобы мы позвали полицию... Маленькой барышне не место быть в их обществе.

«Гнать Никифора Матвеевича, Нюрочку, Сережу!» Глубоко обиженная направилась я в столовую. Еще не доходя до порога, я услышала крики и спор.

— Фискалка! Фискалка! Ябедница! — кричал, выходя из себя, Толя.

— А ты дурачок! Малыш! Неуч!..

— Так что ж! Я маленький, да знаю, что сплетничать — гадость! А ты на Леночку маме насплетничала! Фискалка ты!

— Неуч! Неуч! — пищала, выходя из себя, Ниночка.

— Молчи, сплетница! Жорж, ведь у вас в гимназии за это проучили бы здорово, а? Так бы «разыграли», что только держись! — обратился он за поддержкой к брату.

Но Жорж, который только что напихал полный рот бутербродами, промычал что-то непонятное в ответ.

В эту минуту я вошла в столовую.

— Леночка, милая! — кинулся Толя ко мне навстречу.

Жорж даже привскочил на стуле при виде, как ласковый ребенок целует и обнимает меня.

— Вот так штуkenция! — протянул он, делая большие глаза. — Собачья дружба до первой кости! Остроумно!

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась Ниночка. — Вот именно — до первой кости...

— Робинзон и Пятница! — вторил ей старший брат.

— Не смей браниться! — вышел из себя Толя. — Сам-то ты противная Среда...

— Ха-ха-ха! Среда! Нечего сказать, остроумно! — заливался Жорж, добросовестно напихавши себе рот бутербродами.

— Пора в гимназию! — произнесла неслышно появившаяся на пороге Матильда Францевна.

— А все-таки не смей браниться, — погрозил Толя крошечным кулачком брату. — Ишь ты, Пятницей назвал... Какой!

— Это не брань, Толя, — поспешила я объяснить мальчику, — это такой дикий был...

— Дикий? Я не хочу быть диким! — снова зартачился мальчуган. — Не хочу, не хочу... Дикие — голые ходят и ничего не моют. Людское мясо едят.

— Нет, это был совсем особенный дикий, — поясняла я, — он не ел людей, он был верным другом одного матроса. Про него рассказ есть. Хороший рассказ. Я тебе почитаю его когда-нибудь. Мне его мама читала, и книжка у меня есть... А теперь до свидания. Будь умником. Мне в гимназию надо.

И, крепко поцеловав мальчика, я поспешила за Матильдой Францевной в прихожую одеваться.

Там к нам присоединилась Жюли. Она была какая-то растерянная сегодня и избегала встречаться со мною глазами, точно ей было стыдно чего-то.

Глава XIII

Яшку травят. — Изменница. — Графиня Симолинъ

Шум, крик, визг и суматоха царили в классе у младших. Классной дамы не было, и девочки, предоставленные сами себе, подняли возню.

Черненькая Ивина вбежала на кафедру и, стуча по столу линейкой, кричала во весь голос:

— Так помните: травить Яшку сегодня же!

— Травить! Травить! — эхом отозвались сразу несколько голосов.

— Что вы, мадамочки! Разве это можно? — робко прозвучали голоса трех-четырех учениц, счи-

тавшихся самыми прилежными и благонравными из всего класса.

— Ну уж вы, тихони, молчите! — напустилась на них рыженькая Рош. — Не смейте идти против класса! Это гадость! Слышите ли, все должны дружно действовать и травить Яшку, все до одной. А кто не станет делать этого, пускай убирается от нас. Да!

Глаза Толстушки, как звали Женю Рош ее подруги, ярко разгорелись, щеки пылали.

Тихони как-то разом смолкли и присмирели. Одна из них, Тиночка Прижинцова, высокая бледная девочка, первая ученица младшего класса, неторопливо поднялась со своего места и сказала, обращаясь к Рош:

— Ты напрасно горячишься, Толстушка, раз всем классом решено травить Яшку, мы не можем отстать от класса. Только надо придумать, чем его травить...

— О, я уже выдумала! — торжественно произнесла хорошенькая Ивина. — Сегодня нам задана басня «Демьянова уха»... Да?

— Да, да! — отвечал ей весь класс хором.

— Отлично. А мы, то есть каждая из нас, будем отвечать другую басню. И что бы ни говорил Яшка, как бы ни ругался и ни выходил из себя, мы будем отвечать не «Демьянову уху», а то, что каждая хочет. Идет?

— Идет! Идет! Прекрасно придумала! Отлично! — снова закричали девочки.

Некоторые из них даже захлопали в ладоши и запрыгали от удовольствия.

Я сидела на своем месте и с удивлением прислушивалась к тому, что происходило вокруг меня. Я понимала только одно: что тридцать маленьких глупых девочек хотят раздражить, извести одного взрослого, большого, умного человека, и вдобавок — учителя. Мне хотелось встать и

сказать им, как все это нехорошо, гадко, нечестно, но — увы! — это было уже поздно. Дверь открылась, и в класс вошел сам Василий Васильевич Яковлев, учитель русского языка.

Он был в хорошем настроении, потому что с удовольствием потирал свои красные с холода руки и поглядывал на нас добрыми через очки глазами.

Бедный Яковлев! Если бы он знал, что замыслили проделать с ним тридцать злых, бессердечных девочек!

— Холодно, девицы! Ну и денек! — произнес он, оглядывая класс. — Небось нащипало вам нос и щеки, пока из дому бежали в гимназию, а?

Но «девицы» хранили упорное молчание.

Тогда Яковлев понял, что класс приготовился воевать, и сразу изменил свое обращение.

— Госпожа Ивина! — послышался его резкий голос, совсем иной, нежели тот, которым он разговаривал с нами за минуту до этого. — Извольте прочесть заданное!

Хорошенькая Ляля Ивина быстро поднялась со своего места и громко, отчетливо произнесла на весь класс:

— «Демьянова уха», басня Крылова.

— Отлично-с! Ну-с, отвечайте басню.

— Хорошо! — так же бодро отчеканила Ляля и начала, предварительно откашлявшись:

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр...

— Довольно! Довольно! — неистово замахал руками учитель. — Вы сами не понимаете, что говорите сейчас. Госпожа Рош, отвечайте басню... Госпожа Ивина, садитесь и придите в себя. Вы

нездоровы, должно быть, и это избавит вас от единицы.

Ивина уселась на свое место, обводя класс торжествующими глазами, а вместо нее поднялась Женя Рош.

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ, —
Известно, что Слоны в диковинку у нас... —

пропищала она тоненьким-претоненьким голоском.

У учителя глаза стали вдруг круглыми, как орехи. Он смотрел то на толстуху Рош, то на классный журнал. Наконец, очевидно, смекнув, в чем дело, он покраснел и, махнув рукою Рош, чтобы она садилась, поставил ей крупную единицу...

— Стыдно школьничать! — произнес он строго. — Но вы обе на дурном счету, поэтому с вас и взятки гладки, как говорится... Госпожа Прижинцова, потрудитесь прочесть вы «Демьянову уху», — обратился он к первой ученице класса.

Танюша поднялась вся красная со своего места. Ей не хотелось огорчать Яковлева и получать дурную отметку в классном журнале, и в то же время она не смела идти против класса. Слезы стояли у нее на глазах, когда она начала, захлебываясь и волнуясь.

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки
Очков с...

— «Демьянову уху», «Демьянову уху» прошу читать, а не «Мартышку и очки!» — закричал не своим голосом учитель. — Да что вы, извести меня

покаялись все, что ли? И это вы! Прижинцова! Первая ученица, моя гордость! — произнес он дрожащим от волнения и гнева голосом. — На вас-то уж я надеялся! Ну... да уж... садитесь, — присовокупил Василий Васильевич с горечью; и новая единица прочно воцарилась в клеточке журнала.

— Степановская... Рохель... Мордвинова... Шмидт... — сердито вызывал девочек Яковлев, и каждая из них говорила всевозможные басни, только не ту, которую требовал учитель, — не «Демьянову уху», заданную на сегодня.

За черноглазой и черноволосой Сарой Рохель поднялась Жюли и начала, дерзко глядя в самые глаза учителя:

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá...

— Молчать! — прервал Жюли грозным голосом учитель и изо всей силы ударил кулаком по столу.

И вдруг его глаза встретились с моими. Я увидела столько гнева и в то же время тоски в его обычно добрых глазах, что невольно подалась вперед, желая его утешить.

— А-а, — произнес Василий Васильевич, — госпожа Иконина-вторая, про вас я чуть не забыл... Отвечайте басню!

Я медленно поднялась и, встав у парты, начала:

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сваренá!»

Я не знаю, жаль ли мне было замученного классом учителя или совести не хватило следовать примеру моих подруг, но я читала ту именно басню, которая была задана нам на сегодня и которую я знала отлично. И чем дальше читала я, тем больше прояснялось хмурое, недовольное лицо учителя и тем ласковее сияли под очками его печальные и гневные до этого глаза.

— Отлично, Иконина! Спасибо! Успокоили старика... — произнес Василий Васильевич, когда я кончила. — А про вас всех, — обратился он к классу, — будет доложено начальнице.

И, говоря это, он обмакнул перо в чернила и вывел крупную 5 — лучшую отметку — в журнальной клеточке против моей фамилии.

Лишь только прозвучал звонок и учитель вышел из класса, девочки повскакали со своих мест и окружили меня.

— Изменница! — кричала одна.

— Шпионка! — вторила ей другая.

— Дрянная! — пищала третья.

— Вон ее! Не хотим шпионку! Прочь из класса! Вон, сию же минуту вон!

Вокруг меня были грозящие, искаженные до неузнаваемости лица; детские глазки горели злыми огоньками; голоса звучали хрипло, резко, крикливо.

— Если бы мы были мальчиками, мы бы «разыграли» тебя! — кричала Ляля Ивина, подсакивая ко мне и грозя пальцем перед самым моим носом.

— Да, да, «разыграли» бы! — вторила ей высокая рыжая Мордвинова. — У! Как разыграли б, а теперь только можем прогнать тебя. Вон!

И она толкнула меня, пребольно ущипнув за руку.

Горбунья Жюли одна из всех не кричала и не суетилась. Но я видела, как зло сверкали ее гла-

за, устремленные куда-то мимо меня в стену, и как она яростно кусала свои тонкие губы. В ту же минуту кто-то схватил меня под одну руку, кто-то под другую, и меня потащили к дверям.

Я не помню хорошо, как я шла по коридору и даже шла ли я или нет, и только опомнилась, оставшись одна в большой мрачной комнате, заставленной шкапами.

Очевидно, злые девчонки притащили меня в гимназическую библиотеку и заперли в ней дверь на задвижку снаружи. По крайней мере, когда я подошла к двери, желая открыть ее, она не поддавалась.

— Мамочка! Милая мамочка! Ты видишь, что они делают со мною, и у дяди, и здесь! — прошептала я, с тоскою сжимая руки, и залилась слезами.

Мне так живо припомнилась счастливая жизнь в Рыбинске под крылышком у моей мамочки, без забот и волнений... Такая чудесная жизнь!

И, крепко стиснув голову руками, я бросилась на одно из кресел, стоявших в библиотеке, и глухо зарыдала.

— Ах, если бы только явилась какая-нибудь добрая фея и помогла мне, как помогла в сказке Сандрильоне ее крестная, — повторяла я сквозь рыдания, — явилась бы, тронула меня волшебной палочкой по плечу — и все бы стало по-старому: мамочка была бы жива, и мы бы по-прежнему жили в Рыбинске, и я бы училась под ее руководством, а не в этой противной гимназии, где такие злые-злые девочки, которые так мучают меня! Ах, если бы только добрые феи существовали на земле! Добрые феи и волшебные палочки!..

И только что я успела подумать это, как ясно почувствовала прикосновение волшебной палочки к моему плечу. Я тихо вскрикнула и подняла

голову. Но не златокудрая фея в золотом одеянии стояла передо мной, а красивая, стройная девочка лет пятнадцати или шестнадцати, с чудесными черными локонами, небрежно распущенными по плечам, в коричневом форменном платье и черном фартуке.

Она ласково обняла меня и спросила:

— О чем ты плачешь, девочка?

Я взглянула в ее тонко очерченное личико, в ее немного грустные черные глаза и вдруг неожиданно кинулась к ней на шею и, громко всхлипывая на всю комнату, проговорила:

— Ах, я очень, очень несчастна! Ах, почему вы не фея и не можете помочь мне!

— Бедная девочка, бедная маленькая девочка! Как мне жаль тебя! — проговорила она печально. — Я действительно не фея, а только Симолинь... графиня Анна Симолинь. Но я постараюсь успокоить тебя и помочь тебе чем могу. Расскажи мне твою горе, малютка!

И говоря это, она нежно посадила меня к себе на колени, притянула к себе и, приглаживая своей ручкой мои волосы, ждала, когда я расскажу ей мое горе.

И я рассказала ей все. И про мамочку, и про Рыбинск, и про дядину семью, и про злых девочек...

Она слушала меня очень внимательно и поминутно менялась в лице. Когда я ей рассказывала про смерть мамочки, она сделалась вся белая как снег, а когда я передавала ей, как злая Бавария хотела меня высечь, молоденькая графиня вся покраснела, как пион, и топнула ногою.

Когда я кончила мой недолгий рассказ, Анна крепко обняла меня и сказала:

— Мне особенно жаль тебя, потому что в твои годы у меня тоже умерла мама. Но я была все-таки счастливее тебя: у меня остался папа, который

очень, очень любит меня и делает все, что я его ни попрошу. А у тебя никого нет, бедная, бедная девочка! Хочешь, я буду твоим другом? Да? Когда у тебя будет горе, приходи сюда. Только чтобы злые девчонки не знали, что ты дружна со мною, а то они будут еще хуже дразнить и мучить тебя. В гимназии нашей есть правило, которое запрещает

девочкам маленьких классов дружить со старшими... Но если тебе уж очень тяжело будет, ты обвяжи платком руку и выйди в перемену между двумя уроками в коридор. Я тогда буду знать, что ты вызываешь меня сюда, в библиотеку... Согласна?

— Еще бы! — вскричала я радостным голосом и крепко-крепко поцеловала мою новую знакомую.

— Да, я и забыла самое важное! Как тебя зовут, девочка? — спросила молоденькая графиня.

— Еленой меня зовут у дяди, а мамочка... — начала я и запнулась.

— Как звала тебя твоя мамочка? — заинтересовалась юная графиня.

— Ленушей, — тихо, чуть слышно проронила я.

— Ну, и я буду звать тебя Ленушей! Хорошо. А теперь до свидания, Ленуша! — произнесла она ласково и крепко обняла меня. — Ступай в класс и не обращай внимания на злых девчонок. Они скоро поймут, как были не правы с тобой. Прощай!

И еще раз поцеловав меня, графиня Анна быстро пошла к двери. Я долго смотрела ей вслед, до тех пор пока ее стройная, высокая фигурка не скрылась в коридоре. В какие-нибудь четверть часа я успела полюбить эту красивую, добрую девочку так, как никого еще не любила после мамочки.

Теперь моя жизнь в гимназии не казалась мне такой печальной и пустой: я приобрела друга, который обещал скрашивать мне мои горькие минуты, и я чувствовала, что эта черненькая Анна любит меня, точно родную сестру.

Глава XIV

Моя жизнь. — Дядина ласка. — Драка

Приближалось Рождество. Худо ли, хорошо ли, но я уже прожила около трех месяцев в доме дяди. В эти три месяца жизнь моя нимало не изменилась: так же приходилось мне терпеть от злых выходок Ниночки и Жюли, хотя последняя как-то меньше задевала меня со дня гибели Фильки, и издевательства Жоржа, считавшего вполне естественным, чтобы девочки терпели гонения от мальчиков, и наказания Баварии, или «ревельской кильки», как с того злополучного дня прозвал ее Толя. Сечь меня она, однако, больше не собиралась — вероятно, чтобы не повторился прежний припадок у Толи. С последним мы были теперь неразлучны. В свободное от уроков время я прочла ему «Робинзона Крузо». Познакомившись с этой интересной повестью, мой двоюродный братишка решил, что Пятница действительно совсем особенный дикий, и решил с этих пор быть моим Пятницей.

В гимназии дело обстояло так же, как и в день злополучного чтения басен. Девочки поминутно нападали на меня — то та, то другая. Только Жюли теперь как бы не замечала меня. По крайней мере, когда мы встречались глазами, она потупляла свои, поджимала губы и делала вид, что меня не видит совершенно. Зато графиня Анна каждую свободную минуту виделась со мною. Каким-то чудом девочки не замечали нашего знакомства и свиданий в библиотеке.

Ах, что это были за свидания!

Анна, несмотря на свою молодость (ей было не больше пятнадцати), объездила полмира со своим отцом. Они были очень богаты и могли путешествовать все свободное время. Отец Анны был

очень важный сановник и зимою имел очень много работы. Зато летом они с Анной каждый год ездили за границу. Как любила эти поездки с отцом молоденькая графиня!

Я благодаря ее рассказам (а рассказывать Анна умела мастерски) узнала и про египетские пирамиды, в которых древние египтяне хоронили своих царей, или фараонов, и про Эйфелеву башню, самую высокую башню в мире, и про Адриатическое море, вечно теплое и вечно голубое...

В короткие минуты встреч Анна делилась со мною всем, что сама знала, и, Боже мой, как я любила эти встречи, как любила милую, дорогую Анну!

— Ну, детвора, через два дня плясать будем, — говорил перед кануном сочельника дядя, входя в зал в послеобеденное время, когда мы все, чинно рассевшись подле Баварии, слушали рассказ о том, как один неблагонравный мальчик набил шишку на носу другому, благонравному, и как в награду пострадавшему мать дала черносливу, а неблагонравного драчуна поставила в угол... История была прескучная, но мы должны были ее слушать, потому что уроков учить не полагалось, так как занятия в гимназии прекратились и нас пустили на рождественские каникулы по домам.

Дядя был в отличном настроении; он только что приехал откуда-то и внес с собою струю свежего морозного воздуха и белые снежинки, не успевшие растаять на усах и бороде.

Толя первый вскочил со своего места, за ним — Нина, за Ниной — Жорж и за Жоржем — Жюли.

Надо сказать, что дядя любил всех своих детей одинаково и не делал различия между хорошенькой Ниночкой и горбуньей Жюли. Но он редко бывал дома и, занятый службой, не мог много времени посвящать детям.

— Папа, — кричала Жюли, — непременно пригласи на елку Ивину, Рош, Мордвинову и Рохель! Это мои лучшие подружки...

— Ну вот еще! — процедил Жорж. — Очень нужно! Лучше, папа, гимназистов позови: Валюка, Ростовцева, Чернявина, Ясвоина, Котикова, Мухина, Дронского, Скворцова... а то — что девчонок! Ей-богу! Они только пищат и кривляются: «Ах, какой бантик! Ах, прелесть кушак! Ах, восторг ленточка!» Кудах-тах-тах, кудах-тах-тах! Курицы — и только! Остроумно!

Дядя смеялся.

— Всех позовем, всем места хватит... А тебе, Леночка, кого пригласить хочется, а? — обратился он неожиданно ко мне.

Я смутилась.

— Может быть, из подруг кого хочешь? — поглаживая меня по голове, ласково спрашивал он.

— У меня нет подруг, дядя! — чуть слышно произнесла я.

— Как! Никого нет в классе, кто бы подружился с тобою?

— Нет, дядя!

— Ну а так у тебя помимо гимназии разве нет подруг?

Я задумалась на минуту. «Пригласить графиню Анну?» — мелькнуло в моей голове.

Но тут же я оттолкнула эту мысль. Молоденькая графиня строго-настрого, ради моего блага, запретила мне говорить про наше знакомство. Нет, решительно я не смела приглашать ее к нам, и я уже хотела поблагодарить дядю за его внимание ко мне и сказать, что у меня нет подруг, как неожиданно над моим ухом прозвучал насмешливый голосок Ниночки:

— Что ж ты забыла про твою подругу — кондукторскую дочку!

«Нюрочку! Пригласить Нюрочку! — обрадовалась я. — Как это не пришло мне в голову раньше! Как я могла забыть про нее!»

И тут же я попросила позвать к нам на вечер маленькую дочь Никифора Матвеевича.

— С удовольствием, девочка, — согласился дядя, который всегда был ласков со мною в память своей покойной сестры, то есть моей мамочки, — напиши письмо твоей подруге. Пусть приходит... Все пишете приглашения вашим друзьям, — обратился он к детям, — а я сам приглашу только одну-единственную гостью, а кого — не скажу... — заключил он с лукавым видом.

— Скажи, скажи, папочка! — облепили его со всех сторон Жюли, Жорж, Нина и Толя.

— Ну ладно, так и быть, скажу. Это дочь моего начальника, прелестная маленькая барышня, очень образованная и начитанная. Я бы хотел, чтобы вы подружились с ней. А теперь пустите меня. Надо ехать за покупками к балу. До свиданья! — И, перецеловав всех нас, дядя поспешил уйти.

Матильда Францевна принялась было снова за книгу, но никто не хотел знать, чем кончилась печальная повесть благонаправного мальчика с шишкой на носу.

Жорж первый прервал чтение, вскричав:

— Могу себе представить эту дочь начальника: фря какая-нибудь! Говорит все время по-французски и ходит, как утка, переваливаясь на высоких каблуках. Остроумно!

— Ну, эта уж в тысячу раз лучше, нежели солдатская дочка! — протянула, презрительно сморщив носик, Ниночка. — Очень приятно быть знакомою с дочерью какого-нибудь министра. А то вдруг — Нюрочка! Мужичье имя. Стыдно сказать!

— Нюрочка, Курочка, Подфуфырочка, не все ли равно! Я с мужичкой танцевать не стану. И Только не позволю! Да! — вскричал Жорж.

— А я буду! — неожиданно пропищал мой милый Пятница и торжествующе посмотрел на старшего брата.

— Молчи! Как ты смеешь! — рассердился Жорж. — Клоп, а еще разговаривает! Остроумно! Тоже! Молчать!

— Сам молчать!

Тут произошло нечто неожиданное. Жорж ударил Толю, Толя — Жоржа. И оба полетели со стула прямо под стол на ноги Баварии. У Баварии болели мозоли, она лечила их каждое утро какой-то жидкостью из зеленой баночки. Жорж ударился головой о мозоль Баварии, Бавария закричала от боли и расставила мальчиков по углам.

Жорж стоял в углу и злился. Толя вздыхал и тихонько ворчал себе под нос:

— Вот уеду на необитаемый остров, заведу себе козу и попугая, как Робинзон. Попугая выучу говорить: «Ревельская килька лечит мозоли». Ах, зачем я не Робинзон, а только Пятница.

Бедный Толя! Бедный Пятница!

Глава XV

Бал. — Снова Нюрочка

Что это была за чудная красавица! Пышная, зеленокудрая, обвешанная золочеными украшениями и всевозможными безделушками.

Я смотрела на нарядную елку, и мне вспомнилась другая: далекая, скромная елочка, которую ежегодно добрая мамочка устраивала для меня. Ах, та елочка нравилась мне больше, гораздо больше этой пышной красавицы!

Я стою посреди гостиной, и в голове моей проносится знакомая, милая картина.

Рождественский сочельник... На дворе вьюга и метелица, а мы в теплой уютной комнате украшаем нашу елку. Мама в белом платье, такая нарядная, счастливая.

«Вот тебе от меня подарок, Ленуша!» — говорит она и подает мне сверток.

Я знаю, что это. Кукольный сервиз и настоящий самоварчик, который можно ставить. Я именно и хотела этого. Добрая мамочка, как она умеет угодить!..

И, углубившись в мечты, я совершенно забываю про окружающее...

— Вот она где! Очень любезно заставляешь искать себя! — слышится вдруг подле меня голос Ниночки, который сразу будит меня.

И Нина, нарядная, хорошенькая и воздушная, влетает в залу.

За нею — ее подруги: Ивина, Мордвинова, Рош, Рохель.

Я точно просыпаюсь от сна... А какой это был сон! Дивный! Чудный!

— Гости уже собрались, а она еще и не думает одеваться! Разгуливает в своей черной ряске, точно монахиня! Изволь одеваться скорее! Из-за тебя опоздаем с танцами, гадкая Мокрица! — выходит из себя моя хорошенькая кузина.

— Что, как ты сказала? — слышится вокруг нас веселый хохот. — Мокрица! Ах, как это верно! Она вечно хнычет, всегда! Мокрица и есть... Bravo! Bravo!

— Ступай одеваться! — крикнула Ниночка.

— Мне нечего одеваться. Ничего другого я не надену, — тихо, но твердо проговорила я. — Дядя позволил мне носить траур по мамочке целый год, и я ни за что не расстанусь с моим черным платьем.

— Да как же ты танцевать будешь в трауре? — сделала на меня большие глаза Женя Рош.

— Я и танцевать не буду!

— Ну, это уж дудки! Не смей портить нам праздника!

И прежде чем я успела опомниться, Женя бросилась к роялю, открыла крышку и заиграла очень шумную польку. Между тем высокая, сильная Мордвинова подхватила меня за талию и закружилась со мною по зале. Я напрасно отбивалась от нее: она была вдвое сильнее меня. Глядя на мои тщетные усилия освободиться, девочки помирились со смеху. Особенно хохотала Ниночка. Она даже на пол упала и не могла подняться, обессиленная от хохота. В эту минуту в передней раздался звонок.

— Кто бы это мог быть? Верно, начальница! — разом сделавшись серьезной, произнесла Ниночка, вскакивая с полу.

— Кто, кто, какая начальница? — закидали ее вопросами девочки.

— Папиного начальника дочь. Очень важная барышня. Ее отец министр, кажется, или еще поважнее! — не без гордости произнесла Ниночка и окинула всех победоносным взглядом.

Девочки захохали и заволновались. Дочь министра! Ах, как это хорошо!.. И они будут танцевать с такой важной барышней!

— Ах, какая ты счастливица, Ниночка, что у тебя такая знатная подруга! — произнесла, блестя разгоревшимися глазками, хорошенькая Ивина.

Ниночка только кивнула, в то время как лицо ее приняло гордое и довольное выражение.

Но как раз в это время на пороге появился Жорж и крикнул мне:

— Ступай встречать свою гостью, Мокрица! Кондукторская дочка пришла!

Ах, что случилось с Ниночкой! Она покраснела сначала, потом побледнела, потом все лицо ее по-

шло красными пятнами. Между тем лица остальных девочек так и засияли насмешливыми улыбками.

— Ай да Нина Иконина! — первая вскричала толстуха Рош. — Хвастунья, и больше ничего. Хороша дочка министра! Кондукторша! Вот так знакомство! Нечего сказать! Отличилась!

Ниночка, вся красная, оправдывалась, как могла: это не она виновата, а противная Мокрица, и кондукторская дочка не ее гостья, а Мокрицына. А дочка министра будет, непременно будет. Вот они все увидят. А с кондукторшей она и говорить не станет и мальчикам с ней не позволит танцевать. Так как она Мокрицына гостья, а не ее, Ниночки, то пусть Мокрица и возится с нею.

Ниночка говорила еще много-много, но я уже не слышала ничего — я стояла перед Нюрочкой в прихожей, помогала ей раздеваться и поминутно повторяла, стараясь скрыть от нее мое смущение:

— Ах, как я рада видеть тебя, Нюрочка! Как рада!

На Нюре было простенькое шерстяное платьице, но сшитое очень аккуратно; волосы ее, заплетенные в две косы, были перевязаны красной ленточкой. Ничего грубого, смешного не было в ее costume.

Я взяла Нюру за руку и повела в зал. Там уже танцевали. Товарищи-гимназисты Жоржиного класса приглашали подруг Жюли, которые, однако, скорее были подругами живой и хорошенькой Ниночки, с которой успели подружиться, посещая ее сестру. По крайней мере, они вертелись все время подле Ниночки, в то время как Жюли оставалась одна в самом отдаленном углу зала. Я отыскала ее и вместе с Нюрой подошла к ней.

— Отчего ты не танцуешь, Жюли? — спросила я девочку.

— Убирайся вон, если ты пришла издеваться надо мною! — резко отвечала горбунья. — Разве калека может танцевать? Ты глупа, если не понимаешь этого!

— Бедняжка! — сочувственно глядя на нее, проговорила Нюра. — Как мне жаль вас. Я так люблю танцевать сама, что мне кажется — и все должны любить танцы...

— Кажется — так перекреститесь, и не будет казаться! — грубо оборвала девочку Жюли. — Желаю вам веселиться, только вряд ли придется, — заключила она со злой торжествующей улыбкой.

Между тем Матильда Францевна, сидевшая за роялем, заиграла очень красивый мотив вальса. Маленькие кавалеры подходили к маленьким дамам и приглашали их. Пара кружилась за парой. Все девочки танцевали. Все мальчики имели по даме. Даже мой милый Пятница кружился всю с толстенькой Рош. Одна только Жюли оставалась в своем углу, да Нюрочка, по-прежнему находившаяся подле меня, не дождалась приглашения.

Мне было очень больно за девочку. Я сразу поняла, чьи это были штуки.

«Неужели же никто не захочет танцевать с нею оттого только, что она дочь кондуктора, а не важная барышня? — мысленно терзалась я. — Нет, не может быть, чтобы это было так! Не должны же быть такими злыми все эти веселые, живые мальчики!»

— Толя! Толя! — позвала я моего Пятницу. — Не можешь ли ты потанцевать с Нюрой? — попросила я его.

— Ах, Леночка, — произнес с совершенно искренним отчаянием мой милый Пятница, — я тебя очень, очень люблю... но ты посмотри только: Нюра твоя — длинная, как аршин, а я малень-

кий, как карандашик! — заключил он, разводя руками.

Он был прав, к сожалению. Нюра была очень высокого роста для своих лет, и Толя приходился ей только по пояс. Смешно было составить такую танцующую пару.

Но тут же мой Пятница и выручил меня.

— Смотри, Леночка, — оживленно заговорил он, — видишь ты того высокого гимназиста? Это Миша Ясвоин. Он очень умный и вежливый мальчик. Пойди к нему и попроси его пригласить Нюру.

Сказано — сделано. Через минуту я уже стояла перед красивым белокурый мальчиком и просила его, заикаясь от смущенья, вся красная как рак:

— Пожалуйста... если можете, пригласите Нюрочку на какой-нибудь танец!

Он окинул серьезным, умным взглядом мою маленькую фигурку в черном траурном платице и проговорил очень вежливо, расшаркиваясь передо мною:

— Прошу извинить меня, мадемуазель, но у меня уже есть дама.

И тотчас же стал кружиться с Сарою Рохель.

— Жорж! Жорж! — вскричала я отчаянным голосом, увидя проходившего мимо меня Жоржа. — Пожалуйста, потанцуй с Нюрой!

— Вот еще! — отмахнулся от меня резко мой двоюродный братец. — Она, наверное, и двух шагов сделать не сумеет... И потом у нее голова, наверно, на помажена репейным маслом. Эти мужички всегда репейным маслом голову мажут. Остроумно!

И, подпрыгнув на одной ножке, Жорж отошел от меня.

Глава XVI

Неожиданная встреча. — Мазурка. — Нюрочка отличилась

— Приехала! Приехала! Приехала! — пронеслось шумным шепотом по зале.

— Настоящая гостья приехала, а не кондукторша какая-нибудь! — пробегая мимо меня и Нюрочки, съехидничала Ниночка. — Начальница, дочь министра! Вот кто!

Все выбежали в прихожую. Даже Жюли покинула свой угол и поспешила следом за остальными.

Я и Нюра остались одни. Мне было стыдно взглянуть на мою новую подругу: я чувствовала невольную вину за собою в том, что все так обижают ее... Ах, зачем, зачем я пригласила ее на елку!

— Простите ли вы меня, Нюрочка? — тихо, сконфуженно обратилась я к моей подруге.

— Ах, что вы, Леночка! — всплеснула руками та. — Да разве вы виноваты! Да мне и не обидно нисколько. С вами куда лучше побыть, чем без толку-то кружиться.

И она крепко обняла меня, желая утешить.

Едва мы успели поцеловаться, как вся толпа детей вернулась в залу.

— Вы еще не со всеми перезнакомились, графиня, — услышала я голос Жоржа где-то поблизости. — Рекомендую вам, моя кузина Мокрица! Прошу любить и жаловать!

— Что такое? Кто? — послышался мне странно знакомый голос.

Я подняла глаза... и отступила с легким криком изумления.

Передо мной стояла Анна. Графиня Анна, мой самый близкий, дорогой друг!

— Ленуша! Ты! — прозвучал надо мною ее чудный голос.

— Анна! Милая Анна!.. — Я бросилась к ней, кинулась ей на грудь и покрыла поцелуями ее точеное милое личико. — Анна! Здесь? Вы — здесь? Господи! Как я счастлива! — шептала я, крепко прижимаясь к моему другу.

— Ленуша! Вот не ожидала-то встретить! И не думала, что мосье Иконин, твой дядя, и есть сослуживец моего папы! Ах, как все это странно и хорошо вышло! — А это кто? С остальными детьми я уже успела перезнакомиться, — обратилась ко мне с вопросом Анна, глядя на стоявшую подле меня Нюрочку.

— Это Нюрочка! Моя подруга!

— Кондукторша! — четко прозвучал голос Жоржа, спрятавшегося в толпе мальчиков.

Анна ничего не сказала, только чуть сощурилась на шалуна свои строгие черные глаза. Потом быстро подошла к Нюре, обняла ее и сказала:

— Очень рада познакомиться с вами. Вы подруга Ленуши, а я ее старший друг. Будем и мы друзьями.

Нюрочка даже покраснела от удовольствия. И было отчего! Красивая, знатная барышня — графиня — обласкала ее на глазах всех этих недобрых детей, так бессовестно смеявшихся над нею.

Ниночка надулась. Жюли также. Они вертелись все время подле Анны, всеми силами стараюсь обратить на себя внимание. Жюли знала по гимназии молоденькую графиню, но никак не думала, что это она и есть дочь начальника ее отца.

Но Анна ни на кого не хотела, казалось, обращать внимания, кроме меня и Нюры. Она села между нами и расспрашивала, как мы проводим праздники, интересовалась занятиями Нюрочки в школе и всячески обласкала ее.

Когда Матильда Францевна снова уселась за рояль и заиграла мазурку, к Анне сразу подбежали два кавалера приглашать ее на танцы: Миша Ясвоин и Жорж.

— Нет, вы лучше возьмите себе других дам, — с милой улыбкой ответила им молоденькая графиня, — а у меня есть уже дама у самой.

— Кто? — в один голос вскричали оба мальчика.

— А вот! — И Анна указала глазами на Нюрочку. — Не правда ли, вы не откажетесь танцевать со мною? — с тою же милой улыбкой спросила она.

Нюрочка вся вспыхнула от удовольствия.

— Благодарю вас! — произнесла она, взглянув признательными глазами на моего друга.

Жорж закусил губу и топнул ногою.

— Воображаю танцующей эту кондукторшу! Верно, переваливается с боку на бок, как резвящийся гиппопотам! Остроумно! — шипел он себе под нос, меняясь в лице от злости.

Девочки сочувственно смотрели на него. Товарищи-гимназисты утешали его, как могли.

— Ничего! Ничего! — ворчал Жорж. — Посмотрим, как она танцевать будет! Верно, запрыгает, как коза в сарафане! Восторг! Остроумно!

Но ничего подобного не случилось.

С первыми же звуками мазурки Нюрочка грациозно взялась двумя пальцами за свою пышную юбочку, другую руку подала Анне и красиво и плавно, наклонив немного головку набок, легко понеслась по паркету.

Дети даже ахнули от изумления. Маленькая кондукторша танцевала отлично, даже лучше самой графини Симолинь! Даже Матильда Францевна сделала несколько ошибок, невольно залюбовавшись на танцующую пару. Из соседней с залой гостиной пришли взрослые и тоже не могли надивиться на обеих девочек.

Обе они то скользили, как две воздушные феи, по паркету, то неслись быстро, как эльфы, изумительно выделявая грациозные па и ни на минуту не теряя такта.

— Bravo! Bravo! — вторили им дети, совершенно забыв, что за минуту до этого они сами же высмеяли ту, которой сейчас высказывали шумное одобрение.

— Прекрасно! Чудесно! — слышалось со всех сторон.

— Вы отлично танцуете! Где вы учились? — спросил, подойдя к Нюрочке, Миша Ясвоин.

— Ах, я нигде не училась, — чистосердечно призналась та, — у нас есть ученица одна в школе, так та показывала нам, как мазурку танцевать надо, и польку, и вальс.

— Прелесть как хорошо! — одобрил Миша, считавшийся лучшим танцором во всем классе. — Пойдемте со мной!

И Нюрочка, нисколько не ломаясь и не гримасничая, пошла с Мишей.

Потом к ней подошел Коля Валюк, Ваня Ростовцев, Володя Мухин, Сережа Дронской — и со всеми она танцевала с одинаковым удовольствием, совершенно позабыв нанесенную ей обиду.

— Ага, что скажешь — резвящийся гиппопотам? Коза в сарафане, да? — подскочил к Жоржу торжествующий Толя, все время с восторгом следивший за танцующей Нюрочкой.

— Молчи, щенок! — огрызнулся на него старший брат.

— А ты... а ты... а ты... гадкий мальчишка! — чуть не плача от досады, что ему не выдумать подходящего бранного названия, захлебываясь, произнес Толя.

Анна заметила эту сцену, происходившую неподалеку от нее.

— Пойди сюда, малютка! — позвала она мальчика. — Ты очень любишь Ленушу? — спросила она, когда Толя приблизился к ее стулу.

— Ужасно! — горячо вырвалось у него. — Недавно полюбил только. Раньше не любил и тоже называл Мокрицей, а когда узнал, какая она хорошая, то так полюбил, так! Вот как! — И он неожиданно обвил мою шею обеими ручонками и звонко чмокнул на всю залу. — Вот! — торжествующе заключил он.

— Ах ты прелесть! — засмеялась Анна, притягивая его к себе. — И меня ты любишь?

Толя посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом, потом сказал:

— Вас я еще не люблю, потому что мало знаю. Но вы мне нравитесь. Вы ужасно хорошенькая. У вас такие глаза! Я еще таких не видел. Если б я был такой же большой, как папа, я бы непременно женился на вас.

— Ах ты бутуз! — весело рассмеялась маленькая графиня и, тотчас же став серьезной, тихо проговорила: — Слушай, мальчик! Ты должен теперь защищать Ленушу, беречь ее, быть ее рыцарем...

— Ах, нет, я лучше буду ее Пятницей, — прервал внезапно Анну мой милый братишка.

— Ну, кем хочешь будь — только чтобы никто не смел ее обижать... Слышишь? А в награду за это я выйду за тебя замуж, когда ты вырастешь! Хочешь?

— Ужасно хочу! — обрадовался мальчик.

Анна звонко рассмеялась и, поцеловав его, отпустила плясать.

Перед самым ужином разобрали елку. Каждый из детей получил по красивому дорогому подарку. Все были счастливы и довольны. Мне подарили хорошенький бювар с массою карточек и конвертов. Толя получил трубу и трубил в нее так,

что Анна пресерьезно уверяла его, что он оглушит свою невесту.

Наконец последние свечи догорели, елку убрали. Федор и Дуняша явились со щетками в руках подметать пол. В зале открыли форточки, а нас, детей, повели ужинать.

За ужином Нюрочке пришлось еще раз отличиться.

Стали задавать шарады. Миша Ясвоин задал особенно интересную.

— Мое первое, — начал он, — нечто вроде песни, мое второе — часть света, а целое — учебное заведение. Что это будет, а?

— Часть света... м-м-м... часть света... — замялся Жорж, — я знаю части света... север, юг, восток и запад...

Но едва он окончил свою фразу, как в столовой раздался оглушительный хохот детей.

— Север, юг, восток и запад — по-твоему, части света! — громче всех кричал его приятель Миша. — А еще второклассник! Вот молодец! А Европа, Азия, Африка, Америка и Австралия — что, по-твоему, будет? Страны света? Ай! Ай! Ай! Осрамил ты нашу братию, Жорж!

Жорж сконфузился ужасно и, красный до ушей, лепетал себе под нос:

— Страны... части... не все ли равно! Глупая шарада! Остроумно!

Но тут смех детей раздался с новою силой:

— Как все равно? Ай да гимназист! Ай да второклассник!

Нюрочка, сидевшая между мною и Анной, вдруг неожиданно встала со своего места.

— Ах, он не виноват! Право, не виноват! Он спутал. Шарада трудная, — заступилась она за Жоржа.

— А вы решите? — со смехом крикнул ей Миша Ясвоин. — Ну-ка!

— Да я уж и решила, — скромно ответила Ню-рочка, — первое — гимн, второе — Азия, а все вместе — гимназия, — закончила она.

— Верно! Bravo! Bravo! — вскричал Миша.

— Bravo! Bravo! — вторили ему дети.

— Какая умная эта Нюрочка... А мы-то! — шепнула Сара Рохель Ляле Ивиной.

После ужина все стали разъезжаться.

— Прощайте, Анна! Прощайте, милый друг мой! — говорила я, стоя в прихожей и помогая одеваться моей подруге.

— Прощай, Ленуша! Крепись, если тяжело тебе живется! Теперь мы будем видеться часто в гимназии.

— Очень рада! — отвечала я, целуя графиню.

— Смотри же, Толя! Береги свою кухню, — прощаясь с мальчиком, говорила она, — помни, что я твоя невеста, а ты — ее рыцарь.

— Не рыцарь, а Пятница! — важно поправил мальчик.

Нюрочка уехала последнею. Она долго целовалась со мною, обещая заходить.

Жорж, Ниночка и Жюли мило простились с нею, как с равной, поняв наконец всю глупость своего недавнего поступка с нею.

Глава XVII

Происшествие. — Чужая вина

Прошло Рождество, пролетело Крещение — и снова потянулись скучные будни. Снова каждое утро Дуняша будила меня и отправляла в гимназию. Снова ежедневно просиживали мы с Жюли и Жоржем около пяти часов в классе, в то время как к Ниночке и Толе ходили учителя домой.

Моя гимназическая жизнь несколько изменилась за это время. Девочки, увидя мою дружбу с графиней Анной, которая слыла любимицей всей гимназии, сразу прекратили свою травлю. Правда, меня пока еще чуждались, но обиды и нападки на меня уже не возобновлялись в классе.

Стоял ясный январский денек. Маленькие гимназистки бегали по зале. Шла большая перемена, после которой должен был быть урок батюшки. Но батюшка прислал записку, что болен, и мы узнали, что вместо урока батюшки Японка будет диктовать нам из красной книжки, которую она особенно берегла, никому не давала и прятала в свою корзиночку для работы. Из другой книжки она не диктовала нам никогда.

Ровно в час на пороге залы появилась тощая, сухая фигура и крикнула резким голосом:

— Дети, в класс! Сейчас будем заниматься немецкой диктовкой. Приготовьте перья и тетради и ждите меня. Я должна зайти к начальнице на минуту. Сейчас вернусь.

— Немецкая диктовка! Фу, гадость! — делая кислую гримасу, произнесла Ляля Ивина. — Что может быть хуже немецкой диктовки, спрашиваю я вас?

— Японка хуже! Сама Японка хуже, в сто раз хуже! — пицала шалунья Соболева.

Действительно Японка была хуже. Она бранилась, злилась и придиралась к нам ужасно. Не было девочки в младшем классе, которая бы любила ее. Она постоянно жаловалась на нас начальнице, подслушивала и подсматривала за нами и всячески изводила нас. И немудрено потому, что и ей платили тем же.

— А знаете, — громче других раздался в эту минуту голос Жюли, — я сделаю так, что диктовки не будет! Хотите?

— Ты сделаешь? Как? Вот глупости! Как ты можешь это сделать, когда красная книжка уже лежит, по своему обыкновению, в рабочей корзине Японки и сама Японка явится диктовать через какие-нибудь пять минут! — волновались девочки.

— А вот увидите, что книжки она не найдет и диктовать не будет! — торжественно прокричала Жюли и исчезла куда-то.

Девочки замешкались в зале, не желая так скоро прервать игру. Я пошла в класс приготовить свою тетрадь. Каково же было мое удивление, когда навстречу мне выскочила Жюли, красная, взволнованная, с блестящими, как уголья, глазами.

— Что ты здесь делала, Жюли? — спросила я, останавливая девочку.

— Не ваше дело, госпожа Мокрица! Много будете знать — скоро состаритесь.

И, говоря это, она несколько раз оглядывалась в угол, и глаза ее бегали по сторонам. Я тоже взглянула туда и испуганно ахнула, разом догадавшись, в чем дело. В углу стояла круглая печь, которая постоянно топилась в это время; дверца печки сейчас была широко раскрыта, и видно было, как в огне ярко пылала маленькая красная книжка, постепенно сворачиваясь в трубочки своими почерневшими и зауглившимися листами.

Боже мой! Красная книжка Японки! Я сразу узнала ее.

— Жюли! Жюли! — прошептала я в ужасе. — Что ты наделала, Жюли!

Но Жюли, как говорится, и след простыл.

— Жюли! Жюли! — отчаянно звала я мою кузину. — Где ты? Ах, Жюли!

— Что такое? Что случилось? Что вы кричите, как уличный мальчишка! — внезапно появляясь на пороге, строго произнесла Японка. — Разве

можно так кричать! — Потом, заметив мой сконфуженный и растерянный вид, она окинула всю мою маленькую фигуру подозрительным взглядом и громким голосом спросила, строго нахмурив свои беловатые брови: — Что вы тут делали в классе одна? Отвечайте сию же минуту! Зачем вы здесь?

Но я стояла как пришибленная, не зная, что ей ответить. Щеки мои пылали, глаза упорно смотрели в пол.

Вдруг громкий крик Японки заставил меня разом поднять голову, очнуться...

Она стояла у печки, привлеченная, должно быть, открытой дверцей, и, протягивая руки к ее отверстию, громко стонала:

— Моя красная книжка, моя бедная книжка! Подарок покойной сестры Софи! О, какое горе! Какое ужасное горе!

И, опустившись на колени перед дверцей, она зарыдала, схватившись за голову обеими руками.

Только и слышны были между взрывами слез и всхлипываний одни и те же восклицания отчаяния и горя:

— Моя книжка... красная книжка!.. Подарок Софи, моей бедной единственной покойной Софи!

Мне было бесконечно жаль бедную Японку. Я сама готова была заплакать вместе с нею.

Тихими, осторожными шагами подошла я к ней и, легонько коснувшись ее руки своею, прошептала:

— Если б вы знали, как мне жаль, мадемуазель, что... что... я так раскаиваюсь...

Я хотела докончить фразу и сказать, как я раскаиваюсь, что не побежала следом за Жюли и не остановила ее, но я не успела выговорить этого, так как в ту же минуту Японка, как раненый зверь, подскочила с полу и, схватив меня за плечи, стала трясти изо всех сил.

— Ага, раскаиваетесь! Теперь раскаиваетесь, ага! А сама что наделала! О злая, негодная девчонка! Безжалостное, бессердечное, жестокое существо! Сжечь мою книжку! Мою ни в чем не повинную книжку, единственную память моей дорогой Софи!

И она трясла меня все сильнее и сильнее, в то время как щеки ее стали красными и глаза округлились и сделались совсем такими же, как были у погибшего Фильки. Она, наверное бы, ударила меня, если бы в эту минуту девочки не вбежали в класс и не обступили нас со всех сторон, расспрашивая, в чем дело.

Японка грубо схватила меня за руку, вытащила на середину класса и, грозно потрясая пальцем над моей головой, прокричала во весь голос:

— Это воровка! Она маленькая воровка, дети! Сторонитесь ее! Она украла у меня маленькую красную книжку, которую мне подарила покойная сестра и по которой я вам делала немецкие диктанты. Не знаю, что побудило Иконину-вторую совершить такой нечестный, неблагородный поступок, но тем не менее она совершила его и должна быть наказана! Она — воровка!

Воровка!.. Боже мой! Мамочка моя! Слышишь ли ты это?

Голова у меня шла кругом. Шум и звон наполнили уши. Я очнулась, только услышав легкое шуршанье бумаги у меня на груди.

Боже мой! Что это? Поверх черного передника, между воротом и талией, большой белый лист бумаги болтается у меня на груди, прикрепленный булавкой. А на листе выведено четким крупным почерком: «*Она воровка! Сторонитесь ее!*» О, какой ужас! Я ожидала всего, но не этого. Мне придется сидеть с этим украшением в классе, ходить перемену по зале, стоять на молитве по окончании гимназического дня, и все — и взрослые

гимназистки, и девочки, ученицы младших классов, — будут думать, что Иконина-вторая воровка!

Боже!.. Боже!

Это было не под силу вынести и без того немало пострадавшей маленькой сиротке! Сказать, сию же минуту сказать и злой, жестокой Японке, и всем этим девочкам, с презрением отвернувшимся теперь от меня, сейчас же сказать, что не я, а Жюли виновата в гибели красной книжки! Одна Жюли! Да, да, сейчас же, во что бы то ни стало! И взгляд мой отыскал горбунью в толпе прочих девочек. Она смотрела на меня. И что за глаза у нее были в эту минуту! Жалобные, просящие, молящие!.. Печальные глаза. Какая тоска и ужас глядели из них!

«Нет! Нет! Ты можешь успокоиться, Жюли! — мысленно произнесла я, вся исполненная жалости к маленькой горбунье. — Я не выдам тебя. Ни за что не выдам! Ведь у тебя есть мама, которой будет грустно и больно за твой поступок, а у меня моя мамочка на небесах и отлично видит, что я не виновата ни в чем. Здесь же, на земле, никто не примет так близко к сердцу мой поступок, как примут твой! Нет, нет, я не выдам тебя, ни за что, ни за что!»

И как только я приняла это решение, тяжесть, навалившаяся было мне на сердце, разом куда-то исчезла. Какое-то даже будто радостное чувство, что я страдаю за другого, наполнило все мое сердце приятной теплотой.

Когда по окончании немецкого чтения, которое заменило диктовку, весь класс шумно направился в рассыпную в залу, и я пошла следом за остальными.

— Смотрите, мадамочки, воровка, воровка идет! — слышались голоса маленьких гимназисток других классов.

— Графиня Симолинь! Симолинь! Где ты, Анночка? Анна! Смотри-ка, что случилось с твоим маленьким другом! — кричала какая-то воспитанница старших классов, в то время как толпа маленьких девочек и взрослых девушек плотным кольцом окружила меня.

Я вздрогнула от неожиданности. Графиня Анна!.. О ней-то я и забыла! Как примет она это? Что подумает обо мне? Нет, нет! Убежать скорее и забиться куда-нибудь подальше в темный угол, пока не поздно.

Но — увы! — было уже поздно. Я не успела убежать.

— Где она? Что такое?.. Ленуша, Леночка! — послышался за моими плечами любимый, милый голос, который бы я узнала из тысячи, и Анна, расталкивая толпу, вбежала в круг.

— Леночка! Ты? Ах! — могла только выговорить моя старшая подруга, вмиг прочитав на груди моей ужасную надпись.

На секунду глаза ее остановились на мне строгим, вопрошающим взглядом. Лицо ее стало суровым и угрюмым, каким я еще ни разу не видела прелестное, доброе лицо Анны. И вдруг ясная, кроткая, как солнце, улыбка осветила чудесным светом это милое лицо. Она обвела весь круг тесно толпившихся вокруг нас девочек разом засиявшими, радостными глазами и произнесла высоким и звонким, как струна, голоском, указывая на меня детям:

— Эта девочка не виновата ни в чем. Очевидно, она наказана по недоразумению. Елена Иконина не может быть воровкой. Я говорю вам это, я — графиня Анна Симолинь.

Потом, в два прыжка приблизившись ко мне, она быстро протянула руку, и в одну секунду ужасная бумага с позорной надписью была сорвана с моей груди. Я бросилась в ее объятия.

Глава XVIII

Раскаяние

Это была ужасная ночь!

Я просыпалась, и снова засыпала, и опять просыпалась, не находя себе покоя. И во сне переживала я невольно все то, что пришлось перенести за день. Японка совсем озверела, узнав, что Симолинь сорвала надпись с моей груди, и, как только Матильда Францевна пришла за нами по окончании уроков, она пожаловалась ей на меня самым добросовестным образом. Конечно, Бавария поторопилась передать все тете Нелли (дяди, к счастью, в этот день не было дома), а тетя Нелли... О, чего только не наговорила мне тетя Нелли!

Я лучше готова была бы провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать ее резкого, ровного голоса, произносившего такие неприятные для меня вещи. Тетя Нелли называла меня неблагодарной, черствой девчонкой, не умеющей ценить то, что для меня делают, заявляла, что я осрамила всю семью дяди и что ей, тете Нелли, стыдно, что воровка приходится ей племянницей... и... и еще многое другое, еще... Ах, что это была за пытка! Наконец, устав говорить, тетя отпустила меня готовить уроки, оставив предварительно без обеда и запретив мне строго-настрого играть и разговаривать с другими детьми.

— Такая дрянная девчонка, как ты, — с холодной жестокостью проговорила напоследок тетя, — может только принести вред своей дружбой.

О, это было уже слишком!

Что мне запретили сноситься с другими детьми, этим я не была огорчена нимало, но что я не смела подходить к Толе, к моему милому верному Пятнице, — это мне было очень и очень тяжело!

Я все-таки принялась, однако, за приготовление уроков, но учиться я не могла. Голова трещала, и мысли путались.

Добрая Дуняша, узнав, что я оставлена без обеда, принесла мне вечером потихоньку от Баварии бутерброд с мясом и кусок сладкого пирога. Но ни пирог, ни мясо не шли мне в горло, и я вместо ужина, чтобы забыться сном, улеглась пораньше в постель. Но спать не могла до полуночи, пожалуй, а когда уснула, то мне снились такие странные, такие тяжелые сны, что я поминутно вскрикивала и просыпалась.

Мне снилось, что я поднимаюсь на какую-то очень высокую гору и везу за собою тачку. В тачке сидит Бавария и больно подхлестывает меня кнутом. А с горы кубарем катится Японка, вся красная, как пион, с глазами круглыми, как у Фильки. Она бежит прямо на меня и, схватив за плечи, трясет изо всей силы... А под горой горькими слезами плачет Толя. Мне больно от цепких пальцев Японки, я хочу освободиться и не могу... А Толя плачет все громче и громче. Наконец я делаю невероятное усилие, вырываюсь из рук моего врага... и... и... просыпаюсь...

Кто-то плачет, тихо всхлипывая в ногах моей постели. Я слышу чье-то тяжелое дыхание. Лампада у образа, накопившая за ночь, с треском потухла, и в комнате стало совсем темно. Не видно ни зги. Но чей-то непрерывный плач я продолжала слышать.

— Это ты, Толя? — тихо зову я, разом решив, что так плакать может только бедный Пятница о своем Робинзоне.

Ответа нет. Только прежнее громкое всхлипывание звучит где-то близко, близко! Я чиркаю спичкой... Зажигаю свечу, находившуюся всегда на ночном столике у моей постели, и, высоко подняв ее над головою, разом освещаю комнату.

Боже мой! Наяву это или во сне?

Прикорнув головой к моим ногам, стоя на коленях у постели, горбунья Жюли плачет навзрыд горькими-прегорькими слезами.

— Жюли! Милая! Что с тобою? Пойди сюда! Кто тебя обидел? — закидываю я вопросами девочку.

Ни звука, ни слова в ответ, только плач и всхлипывания делаются сильнее. Тогда я вскакиваю с

постели, с трудом высвободив свои ноги из рук Жюли, и бросаюсь к ней:

— Жюли! О чем же ты плачешь? Скажи мне, ради Бога!

Тихий стон вырывается из ее груди. Потом она отрывает от постели свое лицо, все залитое слезами, и, неожиданно схватив мои руки, осыпает их градом горячих поцелуев:

— Лена... Лена! Бедная! Святая! Да, да, святая! За что ты так страдаешь? — рыдает она. — За что, за что?

И снова, обессиленная слезами, валится на постель.

Я быстро разыскиваю стакан, наполняю его водою из умывальника и, поднося к губам Жюли, говорю тихо:

— Выпей водицы, Жюли, это тебя успокоит!

И в то же время тихо, ласково глажу черненькую головку девочки, как это делала мне покойная мамочка, когда я была огорчена чем-нибудь. Жюли выпила с трудом немного воды из стакана, причем зубы ее так и стучали о края его, потом неожиданно с силой притянула меня к себе и до боли сжала в своих объятиях.

Мы просидели так минуту, другую. Потом Жюли вдруг неожиданно оттолкнула меня от себя и снова зарыдала, с трудом выговаривая слова:

— Нет, нет, ты не простишь меня! Ты не сможешь меня простить! Я слишком злая!

— Я простила тебя, Жюли! Я уже давно простила! — стараюсь успокоить девочку, твердила я.

— Ты? Ты простила меня? Меня простила, меня, которая мучила, терзала, оскорбляла тебя? Сколько раз ты была наказана из-за меня! Ведь Фильку я сунула в ящик; я не думала, что он там задохнется. А он умер, Филька... И тебя из-за

меня, негодной, тогда еще высечь хотели. А сегодня! О! Что ты перенесла из-за меня сегодня! Лена! Бедная, милая Лена! Какая я злая, гадкая, негодная! — всхлипывала горбунья.

— Полно, Жюли, ты не виновата!

— Я-то не виновата? — прорыдала она снова. — Я-то? Ах, Лена! Лена! Да я злодейка перед тобою, а ты! Ты святая, Лена. Я поклоняюсь тебе!

И прежде чем я успела остановить ее, Жюли склонилась передо мной до пола и, охватив мои ноги, покрыла их поцелуями и слезами.

— Полно! Полно, Жюли! — с трудом поднимая девочку и сажая ее подле себя на постель, говорила я. — Так не надо делать, это грешно! Ты лучше полюби меня.

— Полюбить тебя! — вскричала она, и вдруг рыдания ее разом смолкли. — Да я люблю тебя давно, Леночка, после папы тебя только одну и люблю... Ты одна меня не обижала, бедного, жалкого уroda!.. Ведь и злая-то я оттого только, что я урод, Леночка... Другие дети здоровые, сильные, красивые, кому я такая нужна!.. А тебя я давно люблю... Только сама не знала... не верила... а сегодня, как увидела, что ты за меня наказана была и меня не выдала, так у меня сердце забилось, забилось... И завтра же непременно решила повиниться перед классом и Японкой. И маме скажу, и Баварии — всем, всем! Только ты люби меня, Лена, милая, люби меня, злую, гадкую уродку!

Я взглянула в ее жалкое худенькое личико, распухшее от слез, в ее измученные глаза, взглянула на ее горбатую фигурку со впалой грудью и вдавленными плечами — и вдруг сильная, болезненно-жгучая жалость к ней наполнила все мое существо.

— Я буду любить тебя, милая Жюли! — произнесла я чуть слышно.

Она бросилась ко мне, обняла меня, покрыла горячими поцелуями мое лицо, руки, тихо лепеча мне на ушко:

— Теперь я счастлива! В первый раз в жизни совсем счастлива... веришь ли, Леночка...

Глава XIX

Ужасная новость. — Я справедливо заслуживаю наказания

— «Поезд № 2, держа путь от станции Ю-во по Рыбинской железной дороге, потерпел крушение на сто первой версте от Петербурга. Первые три вагона и паровоз разбиты вдребезги. Поездная прислуга и пассажиры выкинуты на полотно. Есть убитые и раненые. Потери еще не выяснены. Пострадавших подобрал встречный поезд и привез в Петербург...»

Я сидела за утренним чаем в то время, как тетя Нелли, нарядная и красивая, по своему обыкновению, в своем розовом капоте, читала эту выдержку из сегодняшней газеты Матильде Францевне, разливавшей чай.

Трах! Дзинь! Дзинь! Дзинь! И чашка с горячим чаем выскользнула из моих дрожащих рук и со звоном упала на пол.

Поезд № 2, рыбинский поезд, на котором приехала я и на котором служил мой взрослый друг Никифор Матвеевич! О, какой ужас! Какой ужас!..

Я вскочила не помня себя, вся залитая горячим чаем, с обваренными руками, и, трясясь, говорила, вне себя от ужаса:

— Тетя Нелли! Это он! Он погиб, непременно погиб!

— Кто он? Что с тобою? И как ты смела разбить чашку... Ужасная разиня! — рассердилась на меня тетя. — Кто погиб? Говори же толком.

— Нюрин папа погиб... Это его поезд сошел с рельсов... Никифор Матвеевич... Ах, пустите меня к ним, пустите, ради Бога!

И сама не помня себя и не понимая, что делается со мною, я бросилась к двери со всех ног.

Сильная рука удержала меня за плечо.

— Но ты с ума сошла, глупая девчонка! — услышала я за собою резкий голос тети и, обернувшись, увидела перед собой ее сердитое лицо. — Куда ты бежишь? Что тебе надо?

— Ах, пустите меня к ним! Пустите, ради Бога, — рыдала я, отбиваясь от державших меня рук. — Ради Бога, пустите к ним!.. Он ранен, убит!.. Я хочу быть около Нюрочки... Я хочу помочь ей ухаживать за ее больным папой. Он был так добр ко мне, когда я ехала сюда после смерти мамы! Пустите меня теперь к нему... к Нюре... Прошу вас! Умоляю!

— Перестань дурачиться! — прикрикнула на меня тетя Нелли. — Сейчас же приведи себя в порядок, перемени фартук — этот весь залит чаем — и ступай в гимназию!

Я схватилась за голову... В первый раз в жизни я почувствовала прилив страшной злобы. Я ожесточилась разом, как затравленный зверек. Мне казалось таким жестоким не пустить меня к ним. Все мое сердце обливалось кровью при одной мысли о том, что у моих друзей горе и что я не могу быть с ними!

— Ну, хорошо же! — прошептала я, до боли стискивая руки, так что пальцы мои захрустели. — Вы не хотите отпустить меня — и не надо!

И, закрыв лицо руками, я выбежала из столовой.

Пока Дуняша переодевала меня, мысли мои так и работали в голове, так и кружились.

Что делать? Как поступить? Как повидать Ньюру и моего бедного взрослого друга, ее отца? Если написать ей — письмо идет долго, и Бог знает когда я получу ответ. Через сутки только! А что может случиться за целые сутки!.. Боже мой, Боже мой!..

Дождаться, когда дядя вернется со службы, и упросить его свести меня к моим друзьям! Но ведь дядя иногда прямо со службы отправляется в клуб обедать и Бог знает как поздно возвращается в таких случаях домой, заигрываясь в свои любимые шахматы до первого часа.

Нет, и это не идет. Надо другое...

И вдруг... неожиданная мысль разом как бы осветила мою голову.

Я убегу! Да-да! Я убегу сегодня из гимназии. Но для этого придется сделать какую-нибудь шалость или выкинуть какую-нибудь проделку, за которую бы меня наказали, оставив в гимназии на неурочное время. А когда все разойдутся, я отбуду срок наказания и, вместо того чтобы идти домой, отправлюсь к Ньюре. Наверно, Бавария не придет за мною, а если придет, то не найдет меня уже больше. Я буду — тью-тью! — уже в дороге...

И вдруг вся моя выдумка показалась мне такой простой и легковыполнимой, что я просияла.

Всю дорогу от дома до гимназии я все соображала, как и чем бы лучше заслужить наказание. Первый урок был французский, но французенку, веселую, добрую и ласковую девушку, мы никогда не решились бы огорчить. Второй урок — Яковлев. Но что бы я ни сделала на этом уроке, добрый Василий Васильевич все спустит мне с рук, так как в памяти его надолго остался мой благородный, по его мнению, поступок, когда я, единственная из всего класса, блестяще ответила «Демьянову уху», в то время как другие... Но не стоит, однако, вспоминать старое... Третий

урок — батюшки. Батюшка считался у нас самым взыскательным из всех учителей, и каждый промах на его уроке наказывался особенно строго... Конечно, грешно будет с моей стороны перевернуть священную историю, но что же делать, если иначе мне не заслужить наказания и не попасть к моим друзьям!

Я так глубоко задумалась над решением этого вопроса, что не заметила, как мы подошли к знакомым дверям.

— Ну, будьте умными хоть сегодня! — проговорила Матильда Францевна. Она ежедневно говорила одну и ту же фразу, когда при помощи гимназического сторожа Иваныча мы с Жюли снимали бурнусы и калоши.

Потом Бавария и ее клетчатая накидка и клетчатый бант на шляпе исчезли за дверью, а мы с Жюли, крепко обнявшись (мы никогда не ходили теперь иначе), побежали в класс.

— Что ты такая бледная, Леночка? — заботливо осведомилась у меня Жюли.

— Бледная? Разве? — принимая самый беспечный вид, произнесла я.

— Ну да, я понимаю тебя, — продолжала моя двоюродная сестрица, — тебе жаль бедного Никифора Матвеевича и Нюру, да?

— Да, — отвечала я машинально, думая совершенно о другом.

Урок французского языка и класс Василия Васильевича я просидела как на иголках.

«Господи! Что-то будет? Что-то будет?» — мысленно твердила я.

Но вот наступил урок закона Божия. Батюшка вошел в класс ровно через две минуты после звонка. Дежурная Соболева вышла на середину класса и прочла молитву перед ученьем. И вдруг, не успела Нина Соболева произнести последние слова молитвы: «...возросли мы Тебе, Создателю на-

шему, на славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу», — как дверь класса широко распахнулась и к нам вошла Анна Владимировна — начальница гимназии.

— Здравствуйте, дети, — произнесла она, ласково кивая нам своею седой как лунь головою и широко улыбаясь молодым лицом. — Я пришла узнать, насколько вы подвинулись в законе Божиим... Пожалуйста, батюшка, не обращайтесь на меня внимания и продолжайте урок, — почти-точно обратилась она к священнику.

— Мы вам, Анна Владимировна, сейчас хорошим ответом похвастаем, — улыбаясь, ответил отец Василий. — Иконина-вторая, — назвал он меня, — отвечайте, что вам задано на сегодня.

Я поднялась со своего места. Ноги у меня двигались с трудом, точно свинцом налитые, а в голове так шумело, что в первую минуту я даже не могла понять, чего от меня требовали.

— Что вам задано на сегодня? — снова повторил свой вопрос священник.

Я отлично знала, что задано, и выучила отлично историю прекрасного Иосифа, которого злые братья продали в Египет в неволю, но язык не слушался меня. Я думала в эту минуту:

«Что делать? Огорчить ли дурным ответом добрую Анну Владимировну и заслужить наказание?... Наказание я заслужу — я знала наверно. (У нас всегда наказывали за незнание урока закона Божия, оставляли девочек на два-три лишние часа по окончании урока в гимназии.) Это мне даст возможность попасть к Нюре и ее папе, который, может быть, умирает в эту минуту... Или же лучше заслужить похвалу начальницы, доказать, что я «пай-девочка», «умница-разумница», но зато не повидаться с моими друзьями в такое тяжелое для них время! Нет! Нет! Никогда! Ни за что!»

Я разом решила, что мне надо было делать.

— Что вам задано на сегодня? — значительно уже строже произносит свой вопрос в третий раз батюшка.

Я смотрю на него глупыми, ничего не выражающими глазами и молчу. Упорно молчу, точно воды в рот набрала.

— История Иосифа! История Иосифа! — шепчет мне отчаянным шепотом Жюли с первой скамейки.

— История Иосифа! — повторяю я ужасно глупо, как попугай.

— Ну и расскажите мне, кто был Иосиф, — как бы не замечая моего странного ответа, говорит батюшка и глубже усаживается в кресле, приготовляясь к хорошему ответу.

Я молчу...

Ах, как это ужасно — стоять и молчать в то время, как языку так и хочется рассказать все то, что он знает, от слова до слова! Но я молчу... Молчу как истукан, как немая.

— Кто был Иосиф? — совсем уже строго спрашивает теперь батюшка.

Капельки пота выступают у меня на лбу. Щеки делаются сначала белыми, как бумага, потом красными, как кумач.

— Иосиф... Иосиф... — лепечу я, захлебываясь, и делаю круглые глаза. — Иосиф был царь...

— Царь? — удивляется батюшка. — Вот так удружила! А не сын ли царя? — прищурив на меня глаза, что означало у него высшую степень недовольства, спрашивает он снова.

— Ну, сын царя! — отвечаю я бесшабашно.

Японка даже на стуле привскочила. Надо сказать, что история с красной книжечкой давно объяснилась; Жюли откровенно призналась, что книжку унесла и сожгла она, и Зоя Ильинична снова засчитала меня прежней хорошей учени-

цей. Поэтому она очень удивилась, что хорошая ученица, знавшая всегда отлично уроки, отвечает, да еще таким тоном, какую-то чепуху.

И батюшка удивлен, и начальница. Она даже в лице изменилась, покраснела немного и смотрит на меня такими грустными-грустными глазами.

— Ну-с, что же сделал этот царь, или сын царя, по-вашему, Иосиф? — снова спрашивает батюшка и прищуривается сильнее.

— Он продал братьев в неволю, — отвечаю я храбро, даже не сморгнув.

Кто-то фыркает за моею спиною. Кто-то закашливается, стараясь удержать бешеный прилив хохота.

Но батюшка остается спокойным, и если он сердится, то этого совсем не заметно на взгляд.

— Как продал? — снова задает он вопрос. — Всех двенадцать продал разом?

— Всех двенадцать разом! — вру я без запинки.

Японке положительно делается дурно в эту минуту.

— Иконина, опомнитесь! — кричит она не своим голосом и, налив себе воды из графина, выпивает весь стакан залпом.

Класс не может сдерживаться больше. Девочки захлебываются от хохота, не будучи в силах удержаться.

И вот весь этот шум покрывает тихий, но внушительный голос Анны Владимировны:

— Иконина, стыдись! Я считала тебя хорошей, прилежной девочкой, а между тем оказывается, ты ничего не знаешь!.. Это возмутительно!.. Ты будешь наказана. Оставьте ее на три часа по окончании уроков, — обратившись к Японке, говорит начальница.

Вся обливаясь потом, я иду и сажусь на свое место.

— Бедная Леночка! Что случилось с тобой! — сочувственно шепчет мне на ухо Жюли и крепко сжимает мои похолодевшие пальцы.

Ни Жюли, ни другие, конечно, не догадываются, что я сама желала быть оставленной после уроков и что я вполне довольна.

Пока все устраивается, как я хочу. Я скоро, скоро увижу вас, бедные, милые мои Никифор Матвеевич и Нюрочка.

Глава XX

Наказанная. — В путь-дорогу. — Потерянная записка

Серые стены... серые доски... серые окна и серый, ненастный день, заглядывающий в эти окна, не могут, конечно, способствовать хорошему расположению духа. К тому же неизвестность мучает меня: что-то делается там у моих друзей в скромном маленьком домике на окраине города? Жив ли еще добрый Никифор Матвеевич, которого за наши с ним две встречи я успела полюбить, как родного?.. А тут еще сиди и жди условного часа, когда сторож Иваныч придет в класс и объявит мне, что уже шесть часов и что срок наказания кончен. И тогда... тогда...

Но часы идут так медленно, так ужасно медленно... Я сижу около двух часов, я слышала, как било пять за дверьми, а мне кажется, что около суток я провела одна в этом скучном, пустом и неуютном классе.

От нечего делать я начинаю считать квадратики на паркете. Один... два... три... четыре... Но дойдя до двадцатого, спутываюсь; в глазах начинает рябить, и я бросаю это занятие.

А на дворе-то что делается!.. Господи Боже!

Темно, ни зги не видать... Метель так и кружит, так и кружит...

Как-то я дойду?

Если бы у меня были хоть карманные деньги, можно было бы нанять извозчика. Но денег мне не дают на руки, а те, что остались после мамочки, Матильда Францевна велела опустить в копилку.

А что, если за мной придет Дуняша или Бавария? Побоятся такой непогоды и явятся сюда. Тогда прости-прощай всему!

Я даже губы стиснула и застонала, точно от боли, при одной мысли об этом. Но нет; вряд ли кто догадается прийти сюда. В шесть часов у нас в доме обедают, и Дуняше приходится помогать Федору прислуживать за столом, а Бавария... Мы слишком близко живем от гимназии, для того чтобы Бавария могла побеспокоиться на мой счет! Разве я не смогу пройти одна две улицы и переулочек?!

Раз... два... три... — раздалось мерными ударами за дверь — четыре... пять... шесть!..

Шесть часов!.. Дождалась... Слава Богу!

Вошел Иваныч.

— Пожалуйте, птичка, из клетки, — ласково улыбаясь, пошутил он. (Иваныч был славный старик, любил нас, маленьких, и всегда жалел наказанных.)

— Не будете проказничать больше, а?

— Не буду, Иваныч, — через силу улыбнулась я и, вся замирая от волнения, спросила прерывающимся голосом: — Что, Иваныч, пришел кто-нибудь за мной?

Ах, каким долгим-долгим показалось мне время, пока добрый старик не ответил:

— Никого, кажись, нет. Никто не приходил.

«Никого нет! Никто не приходил! — запрыгало и заплясало что-то внутри меня. — Хоть в этом удача, слава Богу! Никто не помешает мне тотчас же пуститься в путь!»

Быстро сбежала я с лестницы, надела теплый бурнус, капор и калоши и со всех ног бросилась к дверям.

— Постойте, постойте, барышня! Книжечки-то и забыли! — крикнул мне вслед Иваныч.

— Нет, нет, книг я не возьму сегодня с собою. Я все уроки выучила! — солгала я чуть не в первый раз в моей жизни и тут же густо покраснела до корней волос.

Но старик не заметил ни моей лжи, ни румянца, залившего мои щеки.

— Умница! Умница, что выучила, — похвалил он. — А вот закройтесь-ка да застегнитесь получше... Ишь погода-то какая! Так и рвет! Так и рвет! Да и мороз к тому же злющий. Настоящий крещенский морозец. Потеплее кутайтесь! Долго ли до греха! — заботливо запахивая на мне бурнус, ласково говорил Иваныч.

Но я едва-едва стояла на месте.

Наконец последняя пуговица застегнута, сторож широко распахивает мне дверь... и я на улице.

Ветер, вьюга, метель и хлопья снега — все это разом охватило меня со всех сторон. Я едва удержалась на ногах и, с трудом передвигая их, пошла по панели.

День стоял сумрачный, темный. Несмотря на ранний час вечера, на улице какая-то жуткая полутьма, по дороге попадаются редкие прохожие, зябко прячущие голову в поднятые воротники пальто и шинелей. А мороз назойливо щиплет нос, лоб, щеки и концы пальцев на ногах и руках.

Прежде чем пуститься в путь, надо было взглянуть на адрес, который был очень подробно написан Никифором Матвеевичем на лоскутке бумаги и который, мне хорошо помнится, я сунула, уходя из дома, в карман. Я быстро опустила туда руку.

Но что это? Адреса в кармане не оказалось. Напрасно я раз десять подряд вытаскивала вещи, находившиеся там, — и носовой платок, и игольник, и щеточку для волос, и записную книжку. Записки с адресом не было между ними. Должно быть, я выронила ее как-нибудь.

Сначала я очень испугалась сделанному мною открытию, но через минуту-другую утешила себя на этот счет: Нюрочка так подробно объясняла мне, как найти дорогу к их дому, что я разом перестала волноваться и только прибавила шагу и быстрее зашагала навстречу метели и ненастью, все вперед и вперед.

Глава XXI

Под шум ветра и свист метелицы

Ветер свистел, визжал, крихтел и гудел на разные лады. То жалобным тоненьким голоском, то грубым басовым раскатом распевал он свою боевую песенку. Фонари чуть заметно мигали сквозь огромные белые хлопья снега, обильно сыпавшиеся на тротуары, на улицу, на экипажи, лошадей и прохожих. А я все шла и шла, все вперед и вперед...

Нюрочка мне сказала:

«Надо пройти сначала длинную большую улицу, на которой такие высокие дома и роскошные магазины, потом повернуть направо, потом налево, потом опять направо и опять налево, а там все прямо, прямо до самого конца — до нашего домика. Ты его сразу узнаешь. Он около самого кладбища, тут еще церковь белая... красивая такая».

Я так и сделала. Шла все прямо, как мне казалось, по длинной и широкой улице, но ни высоких домов, ни роскошных магазинов я не видала. Все

заслонила от моих глаз белая, как саван, живая рыхлая стена бесшумно падающего огромными хлопьями снега. Я повернула направо, потом налево, потом опять направо, исполняя все с точностью, как говорила мне Нюрочка, — и все шла, шла, шла без конца.

Ветер безжалостно трепал полы моего бурну-сика, пронизывая меня холодом насквозь. Хлопья снега били в лицо. Теперь я уже шла далеко не с той быстротой, как раньше. Ноги мои точно свинцом налились от усталости, все тело дрожало от холода, руки заоченели, и я едва-едва двигала пальцами. Повернув чуть ли не в пятый раз направо и налево, я пошла теперь по прямому пути. Тихо, чуть заметно мерцающие огоньки фонарей попадались мне все реже и реже... Шум от езды конок и экипажей на улицах значительно утих, и путь, по которому я шла, показался мне глухим и пустынным.

Наконец снег стал редеть; огромные хлопья не так часто падали теперь. Даль чуть-чуть прояснела, но вместо этого кругом меня воцарились такие густые сумерки, что я едва различала дорогу.

Теперь уже ни шума езды, ни голосов, ни кучерских возгласов не слышалось вокруг меня.

Какая тишина! Какая мертвая тишина!..

Но что это?

Глаза мои, уже привыкшие к полутьме, теперь различают окружающее. Господи, да где же я?

Ни домов, ни улиц, ни экипажей, ни пешеходов. Передо мною бесконечное, огромное снежное пространство... Какие-то забытые здания по краям дороги... Какие-то заборы, а впереди что-то черное, огромное. Должно быть, парк или лес — не знаю.

Я обернулась назад... Позади меня мелькают огоньки... огоньки... огоньки... Сколько их! Без конца... без счета!

— Господи, да это город! Город, конечно! — восклицаю я. — А я ушла на окраину...

Нюрочка говорила, что они живут на окраине. Ну да, конечно! То, что темнеет вдаль, это и есть кладбище! Там и церковь, и, не доходя, домик их! Все, все так и вышло, как она говорила. А я-то испугалась! Вот глупенькая!

И с радостным одушевлением я снова бодро зашагала вперед.

Но не тут-то было!

Ноги мои теперь едва повиновались мне. Я еле-еле передвигала их от усталости. Невероятный холод заставлял меня дрожать с головы до ног, зубы стучали, в голове шумело, и что-то изо всей силы ударяло в виски. Ко всему этому прибавилась еще какая-то странная сонливость. Мне так хотелось спать, так ужасно хотелось спать!

«Ну, ну, еще немного — и ты будешь у твоих друзей, увидишь Никифора Матвеевича, Нюру, их маму, Сережу!» — мысленно подбадривала я себя, как могла...

Но и это не помогало.

Ноги едва-едва передвигались, я теперь с трудом вытаскивала их, то одну, то другую, из глубокого снега. Но они двигаются все медленнее, все... тише... А шум в голове делается все слышнее и слышнее, и все сильнее и сильнее что-то бьет в виски...

Наконец я не выдерживаю и опускаюсь на сугроб, образовавшийся на краю дороги.

Ах, как хорошо! Как сладко отдохнуть так! Теперь я не чувствую ни усталости, ни боли... Какая-то приятная теплота разливается по всему телу... Ах, как хорошо! Так бы и сидела здесь и не ушла никуда отсюда! И если бы не желание узнать, что сделалось с Никифором Матвеевичем, и навестить его, здорового или больного, — я бы непременно соснула здесь часок-другой... Креп-

ко соснула! Тем более что кладбище недалеко... Вон оно видно. Верста-другая, не больше...

Снег перестал идти, метель утихла немного, и месяц выплыл из-за облаков.

О, лучше бы не светил месяц и я бы не знала по крайней мере печальной действительности!

Ни кладбища, ни церкви, ни домиков — ничего нет впереди!.. Один только лес чернеет огромным черным пятном там далеко, да белое мертвое поле раскинулось вокруг меня бесконечной пеленой...

Ужас охватил меня.

Теперь только поняла я, что заблудилась.

Глава XXII

Назад! Волки. — Сон про царевну Снежинку

— Назад! В город! Туда, где сверкают огоньки! Где ходят люди! Туда, туда скорее! Я сбилась с дороги! Впереди страшный черный лес, где не может быть жилья Ньюры... Ни кладбища, ни церкви! Назад, скорее!.. — так говорила я себе, делая напрасные усилия подняться, и тут же почувствовала, что не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Ноги нестерпимо ныли и горели, и руки горели, и лицо, и все тело. Я не могла сделать ни шагу больше в таком состоянии...

Вдруг до ушей моих донесся громкий, жалобный вой.

Я вздрогнула от ужаса и закрыла лицо руками. Что это? Неужели еще новая опасность грозит мне сейчас? Неужели я пришла сюда, чтобы быть заживо съеденной волками? Положим, лес еще далеко, но разве ужасные звери не могут прийти сюда оттуда, почуя добычу поблизости!.. О!..

Теперь я дрожала не от холода только... Страх, ужас, отчаяние — все это разом наполняло мое маленькое сердечко.

В страхе повернулась я лицом к лесу, и тут же жалобный крик вырвался из моей груди. Я увидела две яркие светящиеся точки, которые приближались со странной быстротой по снежному полю прямо ко мне. Точки ярко-ярко горели во тьме. Я не сомневалась теперь, что это были глаза волка. Он, казалось, со всех ног несся по дороге.

Я снова вскочила на ноги, пробуя бежать, и снова бессильно опустилась в сугроб.

И странное дело: несмотря на приближающиеся ко мне с каждой секундой глаза волка, несмотря на ужасный вой, который гулко разливался по всей поляне, я уже не чувствовала того страха, который охватил меня за минуту до того. Снова непонятная сонливость наполнила все мое существо. Сон подкрался ко мне неслышным шагом, осторожно опустил мою голову на мягкую постель из снежного сугроба, насильно закрыл мне глаза отяжелевшими веками — и в тот же миг приятная теплота разлилась по всему моему телу. Точно кто-то заботливо опустил меня в теплую-теплую ванну, от которой боль в ногах и руках разом исчезла, прошла. Я не боялась теперь ни волков, ни их горящих глаз, ни громкого воя...

— Только бы уснуть... Только бы уснуть! — произнесла я чуть слышно. — Больше мне ничего не надо!

— Неужели не надо? — послышался надо мной веселый звонкий смех.

Я открыла глаза, испуганная, удивленная.

— Кто здесь? Кто смеется?

— Разве ты не видишь? Вот смешная девчурка! Гляди!

Я быстро обернулась.

— Ах!

Передо мною девочка... Прелестная белокурая девочка... Она смеется так, точно серебряные колокольчики дрожат в воздухе. И какая она вся хорошенькая! Чудо! Нежненькая, беленькая, как сахар, а за спиною у нее прозрачные крылышки, которые так и блестят-переливаются в лучах месяца.

— Кто ты? — спрашиваю я девочку, которая ужасно нравится мне.

— Разве ты меня не знаешь? — смеется она. И снова серебряные колокольчики поют-заливаются в воздухе. — Я царевна Снежинка, — говорит девочка. — Я летаю в воздухе, поднимаюсь на облака и спускаюсь на землю. Хочешь, будем летать вместе со мною?

— Хочу! Хочу! Ах, как это должно быть весело! Полетим, Снежинка! Скорей! Скорей! — радостно кричу я и протягиваю ей руки.

Колокольчики снова звенят. Девочка смеется.

— Летим! Летим! — говорит она и, схватив меня за руку, поднимается на воздух.

Я — за нею.

Ах, как хорошо лететь так высоко-высоко над землею, над белым снежным полем, над черным лесом.

— В город! В город! Летим в город, Снежинка! — прошу я.

— В город, в город! — смеется девочка своим колькольчиком-голоском, и мы летим туда, где сияют бесчисленные огоньки, где стоят высокие дома и ярко освещенные магазины.

— Что ты хочешь видеть? — спрашивает Снежинка, повернув ко мне свое прелестное личико.

— Нюрочку и ее папу! — вырывается у меня взволнованный крик.

— Отлично, — говорит мне моя спутница, — ты увидишь их сейчас!

— Разве он здоров, Нюрин папа? — спрашиваю я Снежинку и в страхе ожидаю ответа.

— Сама увидишь! Сейчас увидишь! — звенят колокольчики, и мы поворачиваем в сторону от шумных светлых улиц и летим к темной окраине большого города.

Вот и кладбище... Вот и церковь, и маленький домик в стороне от нее на краю дороги. Там светло, огонь. Видно, никто не спит.

— Смотри в окно! — звенит Снежинка, и в одну минуту мы спускаемся с нашей высоты к маленькому оконцу.

Я вижу всю семью моего друга и его самого, здорового, невредимого, сидящего в кругу своей семьи. Он рассказывает что-то жене и детям, а те улыбаются, а у самого слезы стоят в глазах. Слезы умиления и счастья.

— Ну, что же, узнала ты, что хотела? — спрашивает царевна Снежинка.

— Все! Все узнала! — говорю я радостно. — Теперь летим в другое место, в дом моих родных! Я хочу видеть, что они там делают после моего отъезда.

— Хорошо! Изволь! — звенит моя спутница. — Сегодня я в твоём распоряжении. Проси чего хочешь!

И мы снова поднимаемся с нею на воздух и летим с быстротою стрелы.

Передо мною высокое четырехэтажное здание с массою ярко освещенных окон. Я сразу узнаю его. В нем живет дядя Мишель и его семья.

Быстро подлетаем мы с царевной Снежинкой к окну столовой, и я заглядываю туда.

Вся семья сидит за вечерним чаем. Но никто не притрагивается к нему. Стенные часы бьют десять.

Входит Федор, быстро и неслышно, как всегда.

— Что барышня? Еще не возвращалась? — спрашивает дядя.

— Никак нет, — отвечает лакей.

Дядя бледнеет и хватается за голову. На его лице такое страдание, что жутко делается смотреть на него.

— Успокойся, Мишель, — говорит тетя Нелли, — я заявила в полицию, и Лена найдется!

— Ах, что ты говоришь, — в тоске восклицает дядя, — пока полиция отыщет ее, она может замерзнуть в какой-нибудь трущобе! Бедная девочка! Бедная малютка! Какой ответ я дам твоей покойной матери! — И дядя тихо, беззвучно рыдает, охватив руками голову.

— А все из-за Баварии! Все из-за нее! — слышится чей-то злобный шепот на конце стола.

— Что такое? Кто смеет? — так и подпрыгивает на своем стуле Матильда Францевна, сидевшая тут же. — Как вы смели сказать?

И, вскочив со своего места, она подбегает к Жюли, поместившейся подле Толи на противоположном конце стола.

— Конечно, из-за вас! Из-за вас все это случилось, — смело говорит девочка, и большие черные глаза ее зло сверкают из-под темных бровей. — Не обращались бы так худо с Леной, не обижали бы ее поминутно — не случилось бы ничего такого!

— Молчать! — возвышает голос Бавария.

— Правда! Правда, Жюли! — пищит за сестрою мой милый Пятница, и слезы ручьем текут из его глаз. — Килька ревельская! лягушка! Злючка! Крыса! Клетчатая вешалка! Ненавижу вас за Лену, ненавижу! Бррр!

И он плачет на весь дом, громко всхлипывая и утирая глаза кулаками.

Я не могу больше выносить этого зрелища и шепчу моей спутнице:

— Летим скорее! Летим отсюда!

— Охотно! Но куда? Я жду твоего указания, — слышится ее колькольчик-голосок.

Я задумываюсь на минуту. Потом быстрая мысль вихрем пронесется в моей голове.

— Я хочу видеть маму! Покажи мне мою маму, царевна Снежинка! Ты говоришь, что все можешь, лети со мной к ней.

На этот раз колокольчики не звенели и воздушная девочка не рассмеялась своим звонким смехом. Лицо у нее стало серьезное, даже печальное, и она сильнее сжала мою руку своею.

Мы медленно стали подниматься вверх.

Но чем выше летели мы, тем взмах крыльев Снежинки становился все медленнее и слабее... И личико у нее побледнело, и губки раскрылись. Видно было, что она дышала с трудом.

Еще один взмах, одно усилие — и внезапно моя спутница заколебалась в воздухе.

— Что с тобою? Ты устала, Снежинка? — вскричала я.

— Нет! Нет! — услышала я слабый голосок у самого моего уха. — Но ты просишь невозможного. Такой услуги я тебе оказать не могу. Я слишком понадеялась на свои силы и этим погубила и тебя и себя. Мы падаем... смотри!

В ту же минуту я почувствовала, как моя спутница выпустила мои пальцы из своей руки, потом все закружилось, завертелось и заплясало перед моими глазами...

Ужас охватил меня всю...

— Снежинка, где ты? Где ты, Снежинка? Не оставляй меня одну! Мне страшно, мне страшно! — вскричала я диким голосом и, несколько раз перевернувшись в воздухе, быстро-быстро полетела со своей заоблачной высоты прямо на землю...

Глава XXIII

Сон переходит в действительность

— Снежинка! Где ты? Где ты? — кричу я еще раз и с усилием открываю глаза...

Где я? Кто это?

Передо мною Снежинка. На ней белое платье, но лучезарных крыльев я не вижу у нее за спиной. И звонкого смеха ее не слышно больше.

Она заботливо склоняется надо мною. Я не вижу хорошо ее лица, потому что лампа заслонила его зеленым абажуром и стоит Снежинка спиной к свету. Но я рада, что она снова подле меня. Мне хочется утешить ее, успокоить. Мне самой так хорошо и тепло в широкой, мягкой постели под стеганым шелковым одеялом, на мягкой подушке, от которой так чудесно пахнет.

Я хочу, чтобы и Снежинке было так же хорошо, и я протягиваю к ней руки и прошу слабым голосом:

— Пожалуйста, Снежинка, ляг со мною... Ведь ты тоже устала. Отдохни.

Она послушно кладет голову на подушку рядом. Свет лампы падает на ее лицо — и...

— Анна! — вскрикиваю я не своим голосом. — Вы! Здесь! Со мной!

— Тише, тише, Леночка! — шепчет подле меня хорошо знакомый, дорогой голосок. — Ради Бога, тише! Доктор прописал тебе покой и сон, а то он запретит мне ухаживать за тобою и прогонит отсюда!

— Прогонит отсюда? О!

И я с силой обвиваю руками тоненькую шейку моего друга и не отпускаю ее. Мне кажется, что сон еще продолжается... что, как только я отпущу от себя Анну, то снова окажусь в снежном поле, снова завоет вьюга и закрутит метелица и

снова увижу я перед собою две горящие точки — глаза волка.

И, вспомнив о нем, я дико кричу на всю комнату:

— Спасите меня! Спасите! Спасите!

На крик мой в дверях появляется высокий, очень красивый седой господин с добрым печальным лицом и говорит тихо:

— Твоя больная беспокоится, Анна! Не позвать ли снова доктора?

— О, папочка, позволь мне рассказать ей, как она попала сюда! Иначе она все будет думать об этом и не уснет, пожалуй, всю ночь, — взмолилась молоденькая графиня, вырвавшись из моих объятий и бросаясь к высокому старику.

Тот чуть заметно кивнул головою.

Тогда Анна бросилась ко мне, обхватила мою голову обеими руками и быстро-быстро заговорила, наклоняясь ко мне:

— Вот видишь, Леночка, когда ты ушла из гимназии, то благодаря метели сбилась с дороги и попала на самую окраину города, где ничего нет, кроме пустырей и огородов да голодных бродячих собак. Ты сбилась с дороги, села в сугроб и наверное бы замерзла, если бы Богу не угодно было спасти тебя. Смотри, как милосерден Он, Леночка! И пути Его неисповедимы! Случайно в эту самую ночь папа со своим старым приятелем князем Бецким и еще другими охотниками возвращались с охоты на зайцев, на которых они каждую неделю охотятся за городом. И вдруг, когда их тройка подъехала к тому месту, где была ты, папа услышал твой стон. Он остановился, все вылезли из саней. Папина собака Дик побежала вперед, остальные, захватив ручной фонарь, за ней — и тебя нашли в снегу среди поля... Остальное тебе нечего досказывать. Можешь себе представить мое удивление и ужас, когда тебя, бесчувственную,

замерзшую, два часа тому назад привезли сюда! Папа и не знал, кого он спас: ему и в голову не приходило, что он привез друга своей дочурки... Сейчас же позвали доктора... Приняли меры... И... и... Верно, твоя мамочка очень усердно молилась за тебя на небе, если Господь таким чудесным образом спас тебя от смерти, — закончила Анна свой рассказ. На прекрасных глазах ее были слезы. Она обняла меня, и мы тихо зарыдали в объятиях друг друга...

Теперь все стало для меня ясным как день. Глаза волка были не что иное, как два фонаря графской тройки. Страшный вой был воем голодной собаки. Голосок Снежинки, так странно похожий на колокольчик, и был колокольчик, заливавшийся под дугой графской тройки.

Это было все так просто! Совсем просто!

Но одного не понимала я: чем могла я, глупая маленькая девочка, заслужить такое чудесное спасение и вдобавок, точно в волшебной сказке, попасть прямо из пустынного темного поля к моему лучшему другу, графине Анне, так горячо любившей меня!

Глава XXIV

Мое счастье. — Выбор

С каким радостным чувством проснулась я на другое утро!.. Анна с трудом могла удержать меня в постели до приезда доктора. Я чувствовала себя бодрой и здоровой. Вчерашние невзгоды казались мне теперь каким-то тяжелым сном, тем более что Анна прочла мне из газеты о спасении всей поезда прислуги и пассажиров, потерпевших крушение на поезде № 2. Во вчерашнем номере вкралась опечатка. Убитых не было, раненых также.

Стало быть, и мой друг Никифор Матвеевич был здоров и невредим.

Приехал доктор. Осмотрел меня, подивился моей здоровой натуре и позволил встать с постели.

Не знаю, кто из нас больше обрадовался этому известию — Анна или я! Первое, что она сделала — показала мне всю их квартиру. Конечно, отец Анны не был министром, а только имел высокий чин. Но что за роскошный дворец увидела я! У министра, должно быть, не было такого. Всюду зеркала, хрусталь, золото, бронза. А сколько красивых картин висело на стенах! Сколько прелестных безделушек стояло на изящных этажерках!

Я громко восхищалась всем, решительно всем.

— Ах, как хорошо здесь! Ни за что бы не ушла отсюда! — вскричала я, не отрывая глаз от прелестной статуэтки собаки, стоявшей у зеркала на золоченом столике с мраморной доской.

Анна повернула ко мне свое красивое личико и спросила очень серьезным тоном:

— Ты бы хотела остаться здесь, Лена?

— До завтра? — спросила я.

— Нет, дольше. Надолго... навсегда... постоянно.

— Ах! — вырвалось у меня радостным звуком.

— Хотелось бы быть постоянно со мною, хотелось бы сделаться сестрой моей?.. Хотелось бы, Лена?

— Анна! Милая! Не говори так! Не дразни меня!

Я сама не заметила, как говорила ей «ты». Счастье казалось мне слишком велико, чтобы я могла получить его, я, маленькая, ничтожная Лена!..

— Дразнить тебя! Тебя, мою девочку! — вскричала Анна и, неожиданно притянув меня к себе, посадила на колени.

— Слушай же, Лена, — произнесла она еще более серьезным, торжественным голосом, — когда я увидела тебя, бесчувственную, жалкую, при смерти, когда папа привез тебя, замерзшую, к нам, я поняла, как сильно люблю тебя. А полюбила я тебя с той самой минуты, как увидела тебя, плачущую, обиженную подругами, там, в библиотеке... И мне вспомнились некоторые слова твоих двоюродных сестер и брата у вас на елке, из которых я поняла, как все они очень мало любят тебя и что тебе тяжело живется у дяди. И тут же я решила просить папу оставить тебя у нас. Мне так скучно живется одной! Папа все время на службе; с подругами я никак не могу сойтись, сестер и братьев у меня нет. Ты... Ты... хочешь быть моей сестрой, Леночка? — неожиданно спросила она.

— А твой папа? Что скажет он? — начала я робко.

— Папа ничего не скажет. Папа порадуеться только этому, дитя мое, — услышала я ласковый голос за собою и, живо обернувшись, увидела старого графа.

Что-то толкнуло меня вперед. Точно кто взял меня за руку и подвел к нему.

— Очень рад, милое дитя, что ты останешься с нами, — произнес он своим ласковым голосом, взяв обеими руками мою голову и целуя меня отечески в лоб, — мы уже с Анной решили вчера твою судьбу. Надеюсь, ты не против нашего решения.

— О, смеет ли она быть против! — зажимая мне рукою рот и в то же время целуя меня, со смехом вскричала Анна.

Мне казалось, что я самый счастливый человек в мире в эту минуту...

— Ты должна быть умницей, Лена, и съездить к твоим родным успокоить их, — сказал старый

граф, когда мы с Анной сидели у ярко пылающего камина в его кабинете, где Анна всегда проводила послеобеденное время.

— Вы уже были у них, папа? — робко осведомилась я. (Старый граф приказал мне называть его так.)

— Да, был сегодня утром, и дядя очень хочет видеть тебя.

— В таком случае я еду! — вскричала я и, тотчас же обернувшись на свою названую сестричку, спросила тихо: — Но ты поедешь со мной, не правда ли, Анна?

— Конечно, конечно, — поспешила ответить она, и мы побежали одеваться.

Не скажу, чтобы мысль повидаться с родными улыбалась мне. Всего только день провела я в доме моего названного отца с моей милой сестричкой, как все остальное отошло от меня далеко-далеко, и хорошее и дурное разом было забыто мною.

С нехорошим чувством подъехала я к знакомому дому и, крепко держась за руку Анны, как будто меня отнимали от нее, поднялась по лестнице и позвонила у дверей.

Нас, очевидно, ждали. Не успела я войти в прихожую, как из комнаты выбежала Жюли и повисла у меня на шее. Дядя быстро вошел за ней, следом за ним бежал Толя. Остальные столпились в дверях.

— Лена, девочка моя, можно ли так пугать! — произнес взволнованным голосом дядя и, подняв меня на воздух, покрыл мое лицо поцелуями.

Милый дядя! А я и не думала, что он так любит меня!

Он очень постарел и осунулся за ночь, и еще новая морщинка легла на его высоком лбу.

Я отвечала горячими поцелуями на его ласку. Потом чьи-то руки тихонько отвели меня от

него, и я увидела перед собою приветливое, красивое лицо. Я с трудом узнала холодные, строгие черты тети Нелли в этом сразу изменившемся лице.

Нет, я положительно никого не узнавала в этот вечер. Даже Бавария — и та, мягко улыбаясь, подала мне руку и произнесла возволнованно:

— Ну вот, слава Богу, вы и вернулись, Елена!

— Вернулась на сегодня. Вечером я уеду снова, — произнесла я и помимо желания торжествующими глазами обвела окружающих.

— Куда? Как? Почему? — слышалось отовсюду.

Тогда Анна выступила вперед и объяснила, в чем дело.

Едва только она успела произнести: «Леночка моя сестра и останется жить с нами», — как вдруг громкое всхлипывание слышалось из угла залы:

— Бедный Пятница! Бедный Пятница! Где твой Робинзон?

Я сразу догадалась, кому принадлежала эта жалоба, и бросилась утешать бедного мальчика. Но вдруг что-то жалкое, маленькое, беспомощное и больное преградило мне дорогу.

— Лена, Лена! — вскричала Жюли, падая передо мною на колени. — Если ты уйдешь, Лена, я опять стану гадкая горбунья-уродка и забуду все то хорошее, чему научилась, глядя на тебя.

И она умоляюще складывала ручонки, вся дрожала от волнения, ловила мои руки и целовала их.

В одну минуту и мой милый Пятница очутился подле.

— Не смей уходить, Ленуша! Не смей уходить!.. Я люблю тебя... Я не пущу тебя, слышишь, не пущу!.. Умру с горя... У меня снова припадки

начнутся... От тоски будут припадки, и я умру, — лепетал он сквозь слезы, бросаясь ко мне.

Ниночка, стоя подле матери, тоже кусала губы, глядя то на брата, то на сестру. Тогда Жорж подошел ко мне, легонько ударил меня по плечу рукою и, глядя куда-то в сторону, произнес, усиленно посапывая носом:

— Ты, может быть, из-за нас и оттого, что мы тебя задирали, не желаешь оставаться и уходишь. Так, ей-богу же, я Нинку вздую, если она хоть раз тебя Мокрицей назвать посмеет, а если сам, то язык себе откушу — вот что. Ведь ты уезжать вздумала из-за наших щелчков. Остроумно! — И, не выдержав больше, он отвернулся в угол и захныкал не хуже Толи.

Я взглянула на дядю. Он смотрел на меня печальными, скорбными глазами и не говорил ни слова. Только руки его были протянуты ко мне и в глазах было столько мольбы, что я не вынесла больше.

— Я остаюсь! Я остаюсь с вами! — вскричала я не помня себя, обнимая зараз и дядю, и Жюли, и Ниночку, и Толю. — Я остаюсь! — рыдала я. — Я здесь нужнее... да, да, нужнее. И Жюли я нужна, и Толе, и всем... Прости, прости меня, Анна!

Молоденькая графиня приблизилась ко мне, обняла меня, и ее прекрасные глаза светились.

— Ты права, Лена, — произнесла она тихо, — у меня тебя ждет вечный праздник, а здесь ты должна быть утешением. Здесь ты нужнее. Я так и скажу папе. Иначе ты поступить не можешь. — И она протянула мне свою маленькую ручку.

— Спасибо, девочка, я глубоко ценю твою жертву, — произнес дядя и горячо поцеловал меня.

Тетя Нелли кивнула мне головой и произнесла ласково:

— Я и не думала, что Елена такой чудный, благородный ребенок.

Жюли душила меня поцелуями, в то время как просветлевший Толя кричал:

— Да здравствует Пятница! Да здравствует Робинзон!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Стрелкова. Тайна Лидии Чарской</i>	5
<i>СИБИРОЧКА. Повесть. (Рис. Е. Никитиной)</i>	11
<i>ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ. Повесть.</i> <i>(Рис. М. Федоровской)</i>	199

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Чарская Лидия Алексеевна

СИБИРОЧКА

**ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ
ГИМНАЗИСТКИ**

Повести

Ответственный редактор

О. Б. Гринцева

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Т. А. Шматко

Корректор

В. В. Борисова

Компьютерный дизайн

Е. Г. Валерьянова, Т. А. Яковлева

Компьютерная верстка

В. И. Тушева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.08.08. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Уч.-изд. л. 13,62. Тираж 5000 экз. Заказ № .

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов

ОАО «Издательство «Детская литература».

125319, Москва, ул. Черняховского, 4

www.detlit.ru